Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 327.7 (574) (043)

На правах рукописи

УСЕРОВА КАРЛЫГАШ КАЙРАТОВНА

Евразийский регионализм и многовекторная внешняя политика Республики Казахстан

8D03106 - Регионоведение

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
кандидат исторических наук, доцент
Исова Л.Т.
доктор исторических наук, профессор
Рахимов М.А.

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ 3
ВВЕДЕНИЕ 4

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА И КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 17
1.1 Базовые и специальные теории и концепции регионализма 17
1.2 Специальные теории анализа внешней политики: многовекторность и теория средней державы 28
1.3 Евразийский регионализм: сущность и особенности 35
1.4 Казахстан в контексте евразийского регионализма 43
1.5 Методология диссертационного исследования 59

2 ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 67
2.1 Роль Казахстана в условиях трансформации регионального порядка 67
2.2 Институциональные формы регионального сотрудничества 71
2.3 Казахстанская политика евразийского регионализма в альтернативных форматах ОТГ, С5+1, СВМДА 91
2.4 Форматы С5+1 и политика евразийского регионализма: уровневый анализ эффективности 100

3 ЭВОЛЮЦИЯ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА 112
3.1 Многовекторная внешняя политика Казахстана: баланс сил, примыкание, хеджинг 112
3.2 I этап – многовекторность как стратегия выживания малой державы (1991-2000-е гг.) 117
3.3 II этап институционализации многовекторной внешней политики РК (2000-2014 гг.) 131
3.4 III этап – стресс-тест для многовекторности (2014-2021 гг.) 138
3.5 Трансформация казахстанской многовекторности после 2022 г.: от балансирования к активному хеджированию 144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 161

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АБР	Азиатский банк развития
АС	Африканский Союз
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТЭС	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский Союз
ЕЭК	Евразийская экономическая комиссия
БРИКС	Объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Эфиопии, Индонезии
ВИЭ	Возобновляемые источники энергии
ВТО	Всемирная торговая организация
ИПП	Инициатива «Пояс и путь»
КНР	Китайская Народная Республика
КТК	Каспийский трубопроводный консорциум
ЛАГ	Лига арабских государств
МФЦА	Международный финансовый центр «Астана»
МИД	Министерство иностранных дел
НАТО	Организация Североатлантического договора
НПО	Неправительственная организация
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОИК	Организация исламской конференции
ОИС	Организация Исламского Сотрудничества
ООН	Организация Объединённых Наций
ОТГ	Организация тюркских государств
РАТС ШОС	Региональная антитеррористическая структура ШОС
РЗМ	Редкоземельные металлы
РБ	Республика Беларусь
РК	Республика Казахстан
РФ	Российская Федерация
СБ	Совет безопасности
СВМДА	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединённые Штаты Америки
СЭЗ	Специальная экономическая зона
ТНК	Транснациональная корпорация
ТЭЦ	Теплоэлектроцентраль
ТЮРКСОЙ	Международная организация тюркской культуры
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЦА	Центральная Азия

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На фоне глобальных изменений после 2014 г., украинского кризиса, санкционных войн и нарастающего противостояния между США и КНР, пандемии и начала российско-украинской войны мир стал менее стабильным и менее предсказуемым. Мир переходит от глобального порядка к региональному. После окончания холодной войны в мире доминировала идея глобализации, т.е. свободного движения товаров, технологий и идей. Взаимозависимость и взаимовлияние вели государства к единой экономической и политической системе.

Однако уже к 2010 г. стало очевидно, что глобализация перестаёт быть основной силой. Мир переходит к региональному устройству, в котором важные функции выполняют региональные организации в виде интеграций, кооперацій и форматов, как ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, ОТГ и др. Государства объединятся с целью защиты своих национальных интересов, обеспечения безопасности, а также снижения зависимости от внешних центров силы.

Евразия становится одним из ключевых регионов мира, где активно происходят процессы регионализма и регионализации. Казахстан, находясь в центре Евразии, выступает в качестве связующего звена между различными интеграционными проектами и региональными инициативами. Через территорию Казахстана проходят важные логистические маршруты, включая Средний коридор. Это свидетельствует о том, что Казахстан становится важным звеном в формировании региональных связей в условиях меняющейся геополитики.

Кроме того, Казахстан продолжает проводить многовекторную внешнюю политику. Однако многовекторность не является застывшим конструктом, она развивается и эволюционирует. На первом этапе многовекторность была особой формой сохранения независимости, территориальной целостности молодой республики. На втором этапе эволюции многовекторности происходит активный поиск устойчивого балансирования и экономических выгод. На третьем этапе многовекторность приобретает черты хеджирования, которое предполагает активное управление рисками и диверсификацию рисков в условиях новой геополитики.

В диссертации понятие «хеджирование» используется как аналитический инструмент для интерпретации многовекторной внешней политики Республики Казахстан. Данный термин позволяет объяснить сочетание кооперации и сохранения баланса во внешнеполитическом курсе государства.

Таким образом, **актуальность диссертационного исследования** заключается в том, как казахстанский евразийский регионализм стал важной частью многовекторной внешней политики Республики Казахстан. В условиях меняющегося мирового порядка Казахстан использует своё участие в таких организациях, как ЕАЭС, ШОС, ОТГ, С5+1 для того, что укрепить суверенитет и адаптироваться к новым вызовам.

Анализ этих процессов поможет лучше понять, как развивается многовекторность РК в рамках евразийских региональных проектов.

Объект диссертационного исследования. Внешнеполитическая деятельность РК в контексте процессов евразийского регионализма.

Предмет диссертационного исследования. Механизмы, формы и стратегии реализации многовекторной внешней политики Казахстана в рамках различных моделей евразийского регионализма (ЕАЭС, ШОС, ОТГ, С5+1 и др.).

Целью диссертационного исследования является анализ многоуровневого процесса регионализма как формы участия страны в евразийских процессах и эволюции многовекторной внешней политики в условиях глобальных изменений. На основе анализа выявить как механизмы регионального сотрудничества способствуют укреплению суверенитета страны, а также адаптации РК к геополитическим трансформациям.

Для достижения цели диссертации следует решить следующие **задачи:**

1. Раскрыть теоретические основы регионализма, систематизировать основные и специальные подходы, включая концепции многовекторности и теорию средней державы, для анализа внешней политики Республики Казахстан.
2. Определить сущность евразийского регионализма и проанализировать место Казахстана в его системе, выявив ключевые индикаторы и инструменты адаптации страны к новой мировой реальности.
3. Определить методологию уровневого анализа как инструмента исследования евразийского регионализма и многовекторной внешней политики РК.
4. Проанализировать трансформацию современного евразийского регионализма и определить место Казахстана в меняющейся региональной архитектуре, основанной на принципе многовекторности.
5. Исследовать институциональные и функциональные формы евразийского регионализма, выявить их возможности и ограничения, а также проанализировать роль РК в их развитии.
6. Применить уровневый анализ для оценки эффективности участия РК в различных форматах евразийского регионализма, выявить особенности реализации национальных интересов на микро-, мезо- и макроуровне.
7. Проследить эволюцию многовекторной внешней политики РК от стратегии выживания малой державы к формированию самостоятельного курса средней державы в рамках евразийского регионализма.
8. Проанализировать многовекторность через уровневый анализ, выявив механизмы институционализации, энергетической дипломатии, адаптации к изменяющейся геополитической среде.
9. Оценить трансформацию многовекторности после 2022 г., зафиксировав переход балансирования к активному хеджированию.

Гипотеза исследования заключается в том, что многовекторная внешняя политика Казахстана выступает ключевым инструментом, а регионализм служит одной из её основных форм реализации. Участвуя в евразийских

объединениях, страна укрепляет суверенитет, снижает внешние риски и поддерживает баланс интересов между центрами силы. Региональные форматы позволяют Казахстану адаптироваться к меняющейся геополитике и усиливать свои позиции.

Источниковая база исследования. Для достижения поставленной цели и задач в диссертационном исследовании был использован широкий круг источников.

В первую группу входят нормативно-правовые акты Республики Казахстан, формирующие правовую основу внешней политики и отражающие механизмы реализации её стратегических приоритетов. К ним относятся внешнеполитические документы [1-2] и стратегические программы развития [3-4], которые позволили определить основные направления и приоритеты государственной внешней политики, её институциональные основы и эволюцию в контексте евразийского регионализма. В данную группу входят законы [5-7], указы [8] и распоряжения Президента [9], а также постановления Правительства Республики Казахстан [10].

Анализ данной группы источников показал, что внешнеполитическая стратегия РК строится на принципах сотрудничества, прагматизма и баланса интересов. Эти документы фиксируют эволюцию внешней политики РК и стремление страны стать самостоятельным актором евразийского пространства.

Вторую группу источников составляют международные соглашения и договоры РК, которые представляют двух- и многосторонние соглашения в сфере стратегического партнёрства [11-13], политического [14], экономического [14-16], культурного и гуманитарного сотрудничества [14], а также меморандумы о взаимопонимании [17], отраслевые соглашения [18-19]. Данная группа источников позволяет проанализировать, как реализуется на практике внешнеполитическая стратегия РК. Так, появляется возможность выявить тенденции к институционализации взаимоотношений с организациями, а также формирование механизмов адаптации внешней политики.

В третью группу источников включены выступления, заявления и интервью политических лидеров Казахстана. Послания Президента Казахстана К. Токаева к народу Казахстана [20], его выступления с международной трибуны [21-25], научные труды [26-29], интервью [31-33]; выступления и труды Первого президента РК [34-39]. Данные выступления и заявления концептуализируют внешнюю политику государства, определяют её принципы, цели и идеологическую основу, они отражают понимание роли Казахстана в евразийском пространстве, формируют стратегическое видение страны как моста между Востоком и Западом и задают направления для региональных инициатив.

Четвёртая группа источников включает стратегические внешнеполитические документы [40-46] ведущих международных акторов, определяющие их подходы к сотрудничеству со странами Центральной Азии. Данная группа источников позволяет определить интересы внешних акторов в регионе и место Центральной Азии в их геополитических стратегиях.

Пятую группу источников составляют документы международных и региональных организаций, таких как СНГ [47-48], ЕАЭС [49-52], ОДКБ [53-54], ШОС [55-57], СВМДА [58-59], ОТГ [60-61], а также форматы С5+1 [62-65], инициатива «Пояс и путь» [66-67] и другие многосторонние объединения [68-72].

Шестую группу источников составляют статистические данные [73-80]. Эта группа источников позволяет подтвердить достоверность используемых в диссертации фактов. Статистические данные помогли выявить тенденции экономического взаимодействия, способствующие укреплению позиции Республики Казахстан в евразийском пространстве.

Седьмая группа источников включает аналитические доклады [81-89], материалы с сайтов международных организаций [90-101], официальные материалы государственных органов [102-109] и различных негосударственных организаций [110-118], материалы финансовых учреждений [119-123], а также публикации информационных агентств [124-141]. Данные источники позволили провести анализ практических механизмов реализации многовекторной внешней политики Республики Казахстан.

Представленные группы источников обеспечивают полноту и достоверность исследования.

Степень научной разработанности темы. Регионализм и регионализация занимают особое место в современной науке международных отношений.

Российская историография. Российские учёные и эксперты активно исследуют процессы евразийского регионализма. Так, Винокуров Е. [142] отмечает, что евразийский регионализм возник после распада СССР и стал формой «цивилизованного развода», но позже, как платформа внешнеполитического влияния.

Российская историография евразийского регионализма охватывает широкий спектр тем и использует различные методологии. Исследования можно разделить на несколько направлений.

Первое направление рассматривает классический и новый регионализм. Авторы анализируют идеологические корни евразийства, роль России как одного из центров евразийского регионализма, культурно-исторический контекст [143]. Современные исследовательские подходы к интерпретации евразийства демонстрируют отсутствие единого понимания данного идейного комплекса [144].

Евразийство в российской историографии трактуется как самостоятельная и устойчиво воспроизводимая идеологическая традиция, выступающая альтернативой западному евроцентризму и предлагающая собственную региональную интерпретацию [144]. Интеграция рассматривается не только как экономическое или институциональное сотрудничество, а как продолжение особой цивилизационной миссии России, которая основана на исторической преемственности, культурной связанности, где Россия выступает связующим звеном между Европой и Азией.

Геополитическое направление рассматривает Евразию, прежде всего, как арену борьбы великих держав и переформатирования мирового порядка после распада СССР. В основном исследователи фокусируются на конкуренции в Центральной Азии, а также роли региональных институтов как инструментов стратегического влияния.

Российские исследователи анализируют региональные процессы через призму противостояния геополитических центров, подчёркивая, что Центральная Азия становится ключевым звеном российско-китайского взаимодействия [145]. Российские авторы также связывают регионализм с возрождением континентальной стратегии РФ и формированием «Большой Евразии» как альтернативы евроатлантическому порядку [146]. Российские эксперты также обращают внимание на идеологическое измерение, когда регионализм рассматривается как элемент неоевразийства и как средство восстановления геополитического влияния России.

В целом, представители этого направления рассматривают евразийский регионализм как инструмент геополитической стратегии, которая направлена на укрепление российского влияния в Центральной Азии [147]. В этом контексте роль КНР в регионе сохраняется, равно как и санкционные меры против России. Исследователи делают акцент на цивилизационные измерения и исторические корни связей с РФ, что придаёт евразийскому регионализму идеологический характер.

Таким образом, геополитическое направление рассматривается российскими авторами как инструмент геополитической стратегии, когда центры силы стремятся укрепить своё влияние в регионе.

Следующее направление, институционально-прикладное, сосредоточено на изучении того, какие институты существуют, а также механизмы их работы. Прежде всего внимание уделяется ЕАЭС и ШОС. Так, ЕАЭС рассматривается как пример формирования общего правового поля и институционального взаимодействия. Российские авторы также указывают на то, что евразийский регионализм, кроме институтов, как ЕАЭС, постепенно переходит на уровень прагматизма через институты и механизмы [148].

Таким образом, регионализм рассматривается в формате ЕАЭС с сильной ролью РФ. Интеграция рассматривается как способ укрепить региональный порядок, где основное значение имеет институциональная совместимость государств-членов.

Российские авторы также рассматривают процессы, происходящие в Евразии, как например интеграции ЕАЭС и ШОС, для формирования методологических подходов в исследовании, которые отражают специфику развития постсоветского пространства. При этом методологические подходы отличаются от западных.

Базавлук С.М. [149] отмечает, что евразийство понимается Россией как идеологическая основа внешней политики РФ. Оно соединяет геополитическое измерение, т.е. усиление роли России в Евразии, с культурно-цивилизационным измерением, т.е. уникальность евразийской цивилизации. Как и многие

российские эксперты, Базавлук С.М. считает ЕАЭС практическим проявлением евразийского регионализма и базой для формирования альтернативного центра силы.

Западная историография. В западной историографии проблематика регионализма занимает центральное место уже с послевоенного периода. Особенно заметный всплеск интереса пришёлся на рубеж XX – XXI вв., когда на фоне глобализации и трансформации мирового порядка региональные объединения стали рассматриваться не как второстепенные элементы мировой политики, а как самостоятельные центры силы и уровни управления.

Внутри западной историографии целесообразно выделить две крупные группы авторов – европейскую и американскую, каждая из которых формирует свои подходы к пониманию природы и функций регионализма. Для целей настоящего исследования важно не только географическое, но и концептуальное различие этих подходов.

Европейская историография регионализма. Вопросы регионализма всегда присутствовали и особенно после второй мировой войны. Так, работа Л. Фоссет и Э. Харрела [150] объясняет расширение процесса регионализма и регионализации после второй мировой войны, когда идёт регионализация таких регионов, как азиатско-тихоокеанский, европейский, ближневосточный. Авторы выделяют общие факторы, которые способствуют росту регионализма и показывают его роль в глобальном мире.

Европейские исследования регионализма представляют важное направление перехода от узкого понимания к более сложному, многоаспектному. Такие исследователи, как Б. Хеттне и Ф. Сёдербаум [151] характеризуют регионализм как динамичный процесс, способный активно формировать мировой порядок.

В целом, европейскую историографию можно разделить на три подхода, которые отражают взаимодополняющие концепции понимания современного регионализма: институциональный, политический и исторический.

Первое направление представлено такими авторами, как Барбиери [152], как форму квазиавтономного управления, где регионы являются не только административными единицами, но и самостоятельными политическими субъектами в глобальной системе. Как субъекты, регионы могут участвовать в международных переговорах, в формировании повестки дня, продвигать собственные экономические интересы, культурную идентичность. Такой подход отражает идею многоуровневого подхода, как в ЕС.

Второе направление представлено работами таких авторов, как Хамеири [153], которые делают акцент на том, что регионализм – это не только экономический, институциональный процесс, но и политический. Регионализм, по их мнению, это интересы элит, социальных групп и внешних акторов. Из этого авторы делают вывод о том, что регионализм не имеет постоянной формы.

Третье направление связано с исследованиями де Ломбардэ [154], которые представляют историко-компаративный анализ, прослеживая развитие идеи регионализма за шесть десятилетий от послевоенных интеграционных проектов

(ЕС, НАФТА и др.) до нового регионализма XXI в. Они показывают, что регионализм постоянно изменяется, адаптируясь к глобальным, политическим и экономическим переменам, что представляет собой эволюцию взаимодействия между государствами и регионами.

Четвёртое направление связано с региональными комплексами безопасности. В европейских исследованиях по международным отношениям активно используется теория комплекса региональной безопасности [155]. Основоположники этой теории отмечают, что угрозы и альянсы распределяются регионально. Безопасность формируется в рамках региональных кластеров, а не глобальных блоков. Авторы отмечают, что теория комплекса региональной безопасности зависит также от геополитической ситуации. Так, например, после 2022 г. усилилась региональная фрагментация международной безопасности.

Таким образом, все подходы в совокупности демонстрируют, что современный регионализм не является статичным явлением, а представляет собой многоуровневый, исторически развивающийся и политически оспариваемый процесс.

В плане методологии европейские авторы концептуализируют регионализм как переход от старого к новому, а затем и к сравнительному. Регионы рассматриваются как социально-политические и экономические структурированные единицы. В работах преобладают следующие методы: сравнительный, кейс-стади и многоуровневые. В целом, европейские авторы рассматривают регионализм как механизм адаптации регионов к новой геополитической реальности.

Американская историография. Исследования американских авторов также можно разделить на несколько направлений. Первое направление рассматривает регионализм как ключевой элемент пост-гегемонистского мирового порядка. Американские эксперты отмечают, что в современных международных отношениях регионализм становится важным элементом мировой политики [156]. Упадок однополярности и рост полицентричности приводят к переходу от глобальных к региональным структурам управления. Главная идея этого направления заключается в том, что регионы становятся самостоятельными центрами силы, способными формировать правила, стандарты и повестку дня.

Второе направление представляет собой нерегиональный, сетевой взгляд на регионализацию. Главным представителем этого направления является Питер Кэтзенстайн [157], который является одним из влиятельных теоретиков регионализма. Он утверждает, что регионы не являются фиксированными географическими пространствами, регионализм формируется на основе форм и идентичностей. По сравнению с Европой, которая основана на институционализированных регионах, Азия представляет собой пример «гибких» регионов.

Особое место занимает Молчанов М. [158-159], который внёс один из наиболее значимых вкладов в осмысление евразийского регионализма как

самостоятельного исследовательского направления. В своих работах автор показывает, что евразийский регионализм представляет собой не просто форму институциональной интеграции, а совокупность конкурирующих идей, политических практик и стратегий переупорядочивания постсоветского пространства.

Таким образом американские авторы анализируют регионализм как новую форму глобализации, в которой регионы становятся ключевыми пространствами политики, безопасности и экономики. Регионализм является гибким, многоуровневым, культурно-обусловленным процессом, усиливающим роль средних государств и региональных институтов в мировой политике.

Китайская историография по теме евразийского регионализма и внешнеполитических трансформаций в Евразии отражает различные подходы к осмыслению роли Казахстана в региональных процессах. В китайской научной литературе Казахстан преимущественно рассматривается как стратегический партнёр КНР, ключевое звено сухопутной реализации инициативы «Пояс и путь» и важный элемент формирующейся архитектуры евразийской взаимосвязанности [160].

Турецкая историография. В турецких исследованиях акцент делается на сочетании прагматических и идеологических оснований евразийского вектора внешней политики Турции, в рамках которого Казахстан выступает как значимый участник тюркского сотрудничества и более широких интеграционных процессов в Евразии [161].

Центральноазиатская и казахстанская историография. В центральноазиатской историографии евразийский регионализм анализируется через категории региональной субъектности, институционального участия, влияния внешних акторов. Работы Толипова Ф. [162], Рахимова М. [163-164], Дадабаева Т. [165], Нишараповой Ж. [166], Олимовой С. и Олимова М. [167] показывают, что Центральная Азия рассматривается как неоднородное, но взаимосвязанное пространство, в котором Казахстан занимает важное место в интеграционных, геоэкономических и внешнеполитических процессах.

В казахстанской научной литературе регионализм рассматривается как многослойное динамичное явление, формирующееся на пересечении геополитики, безопасности и многовекторной внешней политики. Регионализм анализируется в основном в рамках евразийского регионализма, многовекторной внешней политики и участия Казахстана в региональных организациях.

Первое направление рассматривает регионализм как элемент евразийской идентичности и внешней политики. Авторы подчёркивают, что для Казахстана регионализм является инструментом укрепления суверенитета и балансирования. Известный казахстанский политолог Лаумулин М. [168] рассматривает евразийский регионализм как концептуальное продолжение евразийской идеи, подчёркивая её роль в формировании внешнеполитической стратегии Казахстана и в поиске баланса между Россией, Китаем, Западом и мусульманским миром.

Другую линию представляют работы авторов, связывающих евразийский регионализм с многовекторностью. Эксперты в области международных отношений Байзакова К. [169-172] и Кукеева Ф. [169-175] анализируют евразийский регионализм в контексте многовекторной внешней политики и как инструмент стратегического маневрирования. Авторы отмечают, что участие Казахстана в различных форматах позволяет стране избегать зависимости от одного центра силы и распределять риски между ними. При этом Казахстан использует «мягкую» институционализацию региональных структур, отмечая, что Астана использует регионализм выборочно, монетизируя выгоды и минимизируя политические риски.

Ещё одним направлением являются работы, анализирующие роль *ключевых акторов и стратегические модели поведения*. Большая часть работ подчёркивает ведущую роль РФ и РК в развитии ЕАЭС. Казахстан рассматривается как региональный лидер, который балансирует множество геополитических интересов. Ауган М. [176] рассматривает Центральную Азию как ключевой узел, где пересекаются интересы РФ, КНР и США.

Китайский фактор рассматривается как усиливающая сила в ЦА, особенно в контексте инициативы «Пояс и путь». Такие исследователи, как Еримпашева А. и Мырзахметова А. [177] исходят из предположения, что несмотря на все возможности членства РК в ЕАЭС, существуют и ограничения, асимметрия в сотрудничестве. По этой причине инициатива «Пояс и путь» может выступать в качестве стимулирующего фактора внешнеэкономических проектов. Медуханова Л. [178] анализирует влияние Китая на экономическое сотрудничество Казахстана со странами Центральной Азии, включая торгово-инвестиционные связи.

Направление *«регионализм и безопасность»* представлено работами Сыроежкина К. [179] и Акимбекова С. [180], которые анализируют Центральную Азию через теорию комплекса региональной безопасности: Казахстан выступает стабилизирующим актором, а участие в ШОС, ОДКБ и ЕАЭС трактуется как ответ на трансграничные угрозы (терроризм, экстремизм, наркотрафик) и риски, связанные с Афганистаном. Мухтарова К. [181] и Макашева К. [181] демонстрируют, что участие Казахстана в военно-политических и экономических организациях направлено на минимизацию рисков односторонней зависимости и формирование перекрёстных гарантий безопасности.

Безопасностное измерение дополняют исследования Деловаровой Л. [182] и Султанмуратова Н. [182], которые рассматривают миграцию в контексте ЕАЭС и новых реалий, показывая её связь с экономическими дисбалансами и институциональными трансформациями, что напрямую выводит тему к вопросам безопасности и стабильности. В этой же логике Ермекбаев А. [183] анализирует безопасность и интеграцию через роль Казахстана как регионального лидера и посредника, подчёркивая необходимость согласования внешнеполитических и оборонных приоритетов с обязательствами в рамках союзов и организаций.

Экономическая, энергетическая и инфраструктурная интеграция. Заметную группу исследований составляют работы, посвящённые материальной основе евразийского регионализма: торговле, энергетике, транспорту и логистике. Мовкебаева Г. [184] изучает энергетическую безопасность и энергетическое сотрудничество в рамках ЕАЭС, обращая внимание на то, что общие энергетические проекты создают для государств как дополнительные возможности, так и новые формы зависимости от инфраструктуры и рынков отдельных стран. Чеботарёв А. и Губайдуллина М. [285] рассматривают взаимодействие Центральной Азии с Европейским Союзом и проектами «Шёлкового пути», что позволяет расширить понимание евразийского регионализма за пределы постсоветского контекста и показать его включённость в более широкие евразийские и глобальные цепочки.

В статье Утегеновой А. [286] анализируются теоретические подходы к определению Казахстана как «средней державы», что позволяет использовать данную работу для концептуального обоснования международной субъектности Казахстана и его многовекторной внешней политики в евразийском пространстве.

Диссертация Нышанбаева Н. вносит вклад в исследование многовекторной внешней политики Казахстана, раскрывая её как устойчивый принцип внешнеполитического позиционирования республики в системе современных международных отношений [287].

Несмотря на рост публикаций в казахстанской научной литературе, исследования о евразийском регионализме остаются фрагментарными. Так, большинство работ фокусируются на анализе участия РК в ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. Методология большинства работ ограничена теориями регионализма и теорией комплекса региональной безопасности. Современные теории и концепции по регионализму, которые включают сравнительный регионализм, институциональное хеджирование, многоуровневое управление и др. используются редко. Это сужает возможность комплексного анализа евразийского регионализма и ограничивает анализ асимметричных отношений и стратегии хеджирования Казахстана.

Таким образом, современные исследования показывают, что евразийский регионализм Казахстана развивается в условиях конкурирующих моделей влияния, асимметричных экономических возможностей и сложных культурных отношений. В этом процессе пересекаются интересы крупных держав, внутренние проблемы и новые технологические тенденции. Казахстан, как отмечают исследователи, становится одним из центральных акторов, определяющих характер и перспективы евразийского регионализма.

Теоретико-методологическая основа и методы исследования. Теоретическую основу диссертации составляют классические и современные теории международных отношений (структурный реализм, неолиберальный институционализм, конструктивизм), а также концепции регионализма, нового регионализма, теории средней державы, комплексной взаимозависимости и региональных комплексов безопасности. Используется также концепт

институционального хеджирования, разработанный в рамках исследований внешней политики средних государств.

Методологически работа опирается на уровневый анализ (микро-, мезо-, макроуровень), сравнительный и кейс-стади подходы, структурно-функциональный, институциональный и системный анализ. Применение уровневого подхода позволяет интегрировать политические, экономические, институциональные и идентичностные измерения евразийского регионализма.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе евразийской политики Казахстана. Диссертация предлагает новые подходы, которые заключаются в следующем:

1. Впервые использована методология уровневого анализа при анализе многовекторной внешней политики Казахстана в рамках евразийского регионализма. Такой подход позволяет рассматривать стратегию средней державы, которая проводит свою внешнюю политику в условиях меняющейся геополитики.

2. Показано, что современный евразийский регионализм является не замкнутым постсоветским пространством, а является гибридной моделью, которая объединяет элементы экономического, институционального и социокультурного взаимодействия. В этой системе Казахстан выступает как модератор, инициатор многоуровневого взаимодействия, использует институциональные механизмы для поддержания стратегического баланса.

3. Обосновано, что многовекторность Казахстана представляет собой форму гибкого лидерства, при которой страна использует различные направления сотрудничества (западное, китайское, тюркское, южное) для укрепления своей самостоятельности и эффективного управления взаимозависимостями в меняющейся евразийской системе.

4. Обосновано понятие хеджирования как механизма, посредством которого Казахстан сочетает участие в формализованных (ЕАЭС) и более гибких (ШОС, ОТГ) форматах сотрудничества. В данном контексте многовекторность интерпретируется не как реактивная политика, а как структурированная модель институционального хеджирования, обеспечивающая укрепление суверенитета и повышение субъектности Казахстана в новой евразийской архитектуре.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Современный регионализм целесообразно рассматривать как многослойный и динамичный процесс, природа которого остаётся предметом теоретической дискуссии. Если реализм и неореализм акцентируют его как инструмент перераспределения власти и баланса сил, либеральные подходы подчёркивают институционализацию взаимозависимости, а конструктивизм, как формирование идентичности и норм, то теория средней державы и концепция многовекторности позволяют по-новому интерпретировать стратегию малых и средних государств. В этом контексте регионализм выступает не только формой интеграции, но и механизмом балансирования, хеджирования и укрепления трансформирующегося мирового порядка.

2. Применение уровневого анализа позволило комплексно раскрыть многовекторность Казахстана как систему взаимодействия на глобальном, региональном и национальном уровнях, выявив механизмы реализации национальных интересов через участие в различных форматах евразийского регионализма. Уровневый анализ позволяет объяснить как многовекторная внешняя политика Республики Казахстан обеспечивает её устойчивость в сложной геополитической среде.

3. Евразийский регионализм рассматривается в диссертации как структурный внешнеполитический контекст. В этой среде РК выступает не только участником интеграционных процессов, но и активным актором, влияющим на их направления через институциональные механизмы, развитие транспортно-логистических коридоров и энергетическую взаимосвязанность. Использование как формализованных объединений, так и альтернативных форматов сотрудничества позволяет диверсифицировать внешнеполитические векторы, укреплять стратегическую автономию и закреплять за Казахстаном роль ключевого логистического и координирующего узла евразийского пространства.

4. Многовекторность является не только политическим курсом, но и структурной основой евразийского регионализма Казахстана, обеспечивающей адаптацию, балансирование и хеджирование в условиях глобальной неопределённости. После 2022 года Казахстан использовал комплекс институциональных, энергетических, дипломатических и цифровых инструментов для укрепления субъектности и продвижения прагматичной модели регионализма, основанной на открытости и устойчивости. Многовекторность выступает гибкой формой внешней политики, сочетающей баланс сил, институциональное сотрудничество и стратегическое хеджирование, что позволяет рассматривать её одновременно как уникальную национальную стратегию и как пример внешнеполитического поведения средних государств.

5. Многовекторная внешняя политика Казахстана в контексте евразийского регионализма эволюционировала от стратегии выживания малой державы к институционализированной модели хеджирования и стратегического балансирования, основанной на многоформатном участии в региональных объединениях (ЕАЭС, ШОС, ОТГ, С5+1). Данная трансформация отражает переход от реактивной адаптации к активному хеджированию рисков и расширению внешнеполитических возможностей, что позволяет Казахстану укреплять суверенитет, усиливать международную субъектность и использовать многовекторность как механизм устойчивости в изменяющейся геополитической конфигурации Евразии.

Научно-практическая значимость исследования. Теоретические выводы и эмпирические результаты диссертации могут быть использованы для дальнейшего развития концептуальных подходов к изучению регионализма, многовекторной внешней политики и стратегий средних держав. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её положений и

рекомендаций в деятельности органов внешнеполитического профиля и аналитического профиля Республики Казахстан при выработке внешнеполитических стратегий, участии в региональных форматах, а также при оценке рисков и возможностей евразийского сотрудничества.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждены на заседаниях кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби. По теме диссертации опубликовано 6 научных статей на русском и английском языках, в том числе 1 статья издана в рецензируемом научном журнале, входящем в базу Скопус и 5 статей в журналах, рекомендуемых КОКСОН МНВО РК, в которых получили отражение основные результаты исследования.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА И КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1.1 Базовые и специальные теории и концепции регионализма

Целью данной главы является - на основе анализа основных характеристик регионализма и регионализации выявить основные свойства евразийского регионализма, определить характер участия Казахстана в интеграционных процессах Евразии и других формах регионального сотрудничества через призму теорий регионализма, неофункционализма, концепции многовекторной внешней политики и др.

Регионализм в современном мире является сложным и многогранным процессом, включающим отношения как на межгосударственном, так и на неформальном уровне между бизнесом, общественными структурами и др.

Дефиниции. Использование трактовок понятия «регионализм» позволяют комплексно проанализировать особенности развития и перспективы евразийского регионализма.

Понятие «регионализм» используется во многих науках, включая международные отношения, региональные исследования, историю, социологию, политологию. В международных отношениях регионализм означает процесс формирования и развития региональных объединений государств с целью укрепления экономического, политического, военного и культурного сотрудничества.

Историческую эволюцию регионализма целесообразно рассматривать через формирование евразийского пространства как зоны устойчивых коммуникаций и взаимозависимостей. В ранние периоды важную роль в этом играли торговые сети: Великий Шёлковый путь, представлявший собой систему маршрутов, связывал Центральную Азию с Китаем, Ближним Востоком и Европой, создавая длительные экономические и культурные связи.

Укрепление государственности и принципа суверенитета, закреплённого Вестфальским миром 1648 года, задало рамку международного порядка, в которой развивались как кооперация, так и конкуренция держав. В XIX веке включение Центральной Азии в орбиту Российской империи сопровождалось её административной и хозяйственной интеграцией, а в советский период регион стал частью крупной политико-экономической системы с централизованным управлением и планированием.

Такая конфигурация во многом соответствует логике «старого» регионализма: она опиралась на государственно-центричные механизмы, жёсткие институты и преимущественно вертикальные формы взаимодействия. В отличие от более поздних подходов, предполагающих многоакторность и гибкость, советская модель была иерархичной и строилась вокруг общесоюзных управленческих решений.

После распада СССР перед Казахстаном и другими центральноазиатскими странами возникла необходимость переосмысления региональных связей. Казахстан стал одним из инициаторов региональной интеграции в формате Центральноазиатского Союза (ЦАС), который был создан в 1994 г. с целью углубления экономического и политического сотрудничества между странами региона. Несмотря на значительный потенциал, ЦАС распался в силу многих причин, основными из которых стали геополитические факторы, конкурирующие экономические модели, различия во внешнеполитических стратегиях. Это стало одной из главных причин переориентации Казахстана на более широкие интеграционные форматы, как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества.

Новый регионализм в рамках евразийского регионализма проявляется в трансформации региональных/интеграционных процессов с участием Казахстана [158]. В отличие от старого регионализма новый предполагает многоуровневое взаимодействие различных акторов, как государства, бизнес-структуры, неправительственные организации, транснациональные компании. Примером неформальных процессов регионализации является развитие транспортных инфраструктур, как инициатива «Пояс и путь», миграционные процессы, инвестиции и образовательные программы. Это свидетельствует о том, что в Евразии новый регионализм формируется через сетевые взаимодействия между политическими, экономическими и логистическими группами.

Регионализм в международных отношениях следует рассматривать как процесс углубления взаимодействия между государствами в пределах определённого географического региона. Результатом регионального сотрудничества могут стать экономические союзы, зоны свободной торговли, механизмы коллективной безопасности, политические альянсы. Региональные объединения следует рассматривать в контексте более широкого глобального порядка и международного общества [191].

Примерами экономической кооперации/интеграции являются Европейский Союз (ЕС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), АСЕАН. Основными характеристиками данных союзов являются создание торговых блоков, снижение торговых барьеров, регулирующие нормы и др.

В качестве примера политического регионализма следует назвать Лигу арабских государств, Африканский союз, Организацию американских государств. В сравнительной перспективе интерес представляет опыт участия консультативных органов в региональном управлении, в частности в рамках Африканского союза. Основная характеристика этого процесса – формирование альянсов и организаций, способствующих дипломатическому диалогу и координации внешнеполитических стратегий.

Регионализм в области безопасности означает сотрудничество в области обороны и взаимодействия в военной области. Примером является Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ).

Следует также отметить и культурный регионализм, основная задача которого состоит в консолидации региональной идентичности через развитие общего языка, традиций, укрепление культурных, образовательных и исторических связей. В качестве примера следует назвать Организацию тюркских государств (ОТГ), Латиноамериканский культурный регионализм (UNASUR).

Регионализм в международных отношениях ассоциируется с такими понятиями как региональная интеграция, региональная кооперация и региональная координация, региональная политика. Эти термины имеют отличительные характеристики и не взаимозаменяют друг друга.

Региональная интеграция представляет собой сложный процесс создания комплексных региональных образований, отличительными характеристиками которых являются: постепенное сближение стран от простых к более сложным формам сотрудничества; охват широких спектров сфер взаимодействия, как экономика, политика, право, безопасность и культура; сближение и даже слияние национальных экономик и политик, что является наивысшей формой интеграции; институционализация в форме наднациональных институтов; создание общего правового пространства для стран-членов интеграции; создание устойчивого взаимосвязанного регионального пространства.

Региональное сотрудничество отличается гибкостью и прагматичной направленностью. В отличие от институционализированной формы региональной интеграции, региональное сотрудничество фокусируется на решении конкретных задач, направленных на решение общих проблем стран-участниц. Например, решение трансграничных конфликтов или совместная реализация инфраструктурных проектов. Ещё одним отличием является меньшая бюрократия в отношениях в рамках двух- и многосторонних отношений.

Региональное сотрудничество имеет в общем прагматический характер и позволяет странам-участницам развивать сотрудничество, адаптироваться к условиям международной политики и экономики.

Региональная координация занимает промежуточное место между разовыми формами сотрудничества и глубокой интеграцией. Её суть заключается не в создании наднациональных органов и не в слиянии политик, а в согласовании позиций, правил и действий государств по конкретным направлениям. Координация обычно проявляется в регулярных консультациях, выработке общих подходов, гармонизации процедур и распределении ролей между участниками, особенно в сферах, где действия одной страны прямо затрагивают интересы другой (торговля, транспорт, водные ресурсы, энергетика, миграция, санитарная безопасность). Такой формат позволяет снижать транзакционные издержки взаимодействия и повышать предсказуемость поведения партнёров, сохраняя при этом национальный суверенитет и автономию принятия решений.

Региональная политика включает определение ключевых партнёров, выбор форматов взаимодействия, распределение ресурсов и выстраивание

институциональных каналов диалога. Она также задаёт баланс между экономическими интересами, вопросами безопасности и ценностно-нормативными установками. В практическом измерении региональная политика выражается в инициировании проектов, поддержке инфраструктурных коридоров, участии в региональных организациях, а также в согласовании позиций по международной повестке, которая напрямую влияет на устойчивость региона.

Таким образом, региональная координация и региональная политика дополняют региональное сотрудничество: первая обеспечивает согласование конкретных действий и процедур, а вторая задаёт стратегическую рамку и долгосрочные приоритеты. Вместе они позволяют государствам развивать взаимодействие без обязательного перехода к глубокой интеграции, что особенно важно для регионов с высокой политической и экономической неоднородностью.

Таблица 1. Формы регионализма в международных отношениях

Понятие	Основные характеристики	Отличия
Региональная интеграция	- Постепенное углубление взаимодействия - Всеобъемлющий характер (экономика, политика, безопасность и т.д.) - Слияние национальных политик - Наднациональные институты - Общее правовое поле	Наивысшая степень регионального объединения
Региональная кооперация/ региональное сотрудничество	- Прагматичный характер - Решение конкретных задач - Гибкость и малая бюрократия - Двусторонние и многосторонние форматы	Гибкая, неинституциона-лизированная форма
Региональная координация	- Согласование действий по отдельным вопросам (без создания наднациональных структур)	Минимальный уровень формализации
Региональная политика	Целенаправленные действия государств или организаций для влияния на процессы в конкретном регионе	Является инструментом внешней политики

Примечание: таблица составлена автором исследования

Вместе с тем выбор конкретного формата регионального взаимодействия определяется не только политической волей государств и характером решаемых задач, но и совокупностью структурных условий, формирующих пространственную логику регионализма. К таким условиям относятся пространственная конфигурация региона, транспортная связанность, доступ к ресурсам и степень взаимной зависимости соседних экономик. Поэтому, переходя от понятийного разграничения интеграции, кооперации и координации, важно учитывать, что их практическая реализация во многом опирается на географические параметры, которые стимулируют или, напротив, ограничивают глубину и устойчивость взаимодействия.

Одним из факторов, определяющих формат региональной кооперации/интеграции, является географический регионализм.

Географический регионализм играет ключевую роль в формировании интеграционных связей в Евразии, так как географическая близость влияет на политическое, экономическое, культурное взаимодействие стран региона. В этом контексте геополитическое расположение Казахстана позволяет ему выступать в качестве связующего моста между Европой и Азией.

Близость к основным региональным центрам силы, как КНР и РФ, ЕС и исламский мир позволяет соблюдать баланс во внешней политике и экономике, о чём свидетельствует членство РК в различных интеграционных и многосторонних форматах (ЕАЭС, ШОС, ОТГ и др.).

Географическая общность создаёт условия для развития торговых, энергетических, водных ресурсов, безопасности, что подтверждает значимость географического фактора в обеспечении устойчивого развития Евразии.

После определения регионализма следует обратиться к его основным характеристикам. Во-первых, это регионализация или неформальная интеграция, основными характеристиками которой является формирование различных связей между государствами региона без обязательного участия государства. Регионализация осуществляется в основном рыночными механизмами, миграционными потоками, культурными факторами. Во-вторых, региональная идентичность, означающая наличие общей региональной идентичности и осознание государствами и народами наличия общих проблем и обсуждение возможности принятия общей повестки дня. В-третьих, межгосударственное сотрудничество, означающее взаимодействие между государствами на основе дипломатических, экономических, правовых механизмов для координации действий. В-четвёртых, процесс регионального объединения, инициированный национальными правительствами, формирующими нормы взаимодействия между странами. В-пятых, региональная сплочённость, которая выражается в устойчивых политических, экономических, культурных связях. Этот процесс следует рассматривать через призму нового регионализма, согласно которому регионы являются динамично развивающимися пространствами под влиянием процессов глобализации.

Этот подход поможет объяснить какие стратегии Казахстан применяет при проведении своей евразийской политики на основе многовекторности. Согласно классификации Э. Харрелла [150] Казахстан может быть отнесён к нескольким группам. К регионализации и неформальной интеграции следует отнести участие в трансграничной торговле, привлечение иностранных инвестиций, развитие миграционного сотрудничества и продвижение идей евразийства. В целом, Казахстан позиционирует себя как регионального интегратора. Региональная идентичность проявляется в стремлении Астаны укрепить центральноазиатские связи через укрепление двух- (с государствами Центральной Азии) и многостороннего (ОТГ) сотрудничества. Казахстан можно отнести к региональным посредникам, так как РК продвигает идею связанного пространства Центральной Азии. Международное сотрудничество РК основывается на принципе прагматизма, использующего многосторонние механизмы для стабилизации внешней политики и экономики. Региональные

объединения или институционализация проявляется в участии Казахстана в развитии экономической интеграции (ЕАЭС) и кооперационных форматов. Политика региональной идентичности проявляется во внешнеполитическом курсе РК, направленном на развитие проектов по зелёной экономике, инфраструктурных проектов и др.

В 1990-е гг. появляется новая версия регионализма – концепция нового регионализма, которая была ответом на усиливающуюся глобализацию и изменения в международных отношениях после конца холодной войны. Теория нового регионализма была сформулирована шведскими учёными Бьёрном Хеттне и Фредериком Сёдербаумом [151]. В отличие от классического регионализма новый регионализм утверждает, что регионы не являются данностью, а формируются под влиянием различных факторов: от географического до экономического и политического. Наиболее важным выводом является обоснование того, что регион не является фиксированным географическим пространством. Также новому регионализму присущи: участие негосударственных акторов, как ТНК, НПО и других представителей бизнеса и гражданского общества; гибкие формы регионализации, от межгосударственных институтов до гражданских инициатив; связь с глобализацией, как тесное взаимодействие с глобальными структурами. Эти характеристики позволяют объяснить процессы регионализации с учётом меняющихся условий международных отношений. Таким образом, новый регионализм является механизмом самоорганизации регионов в условиях глобализации.

Если рассматривать регионализм и новый регионализм как процессы институционализации и самоорганизации, возникает вопрос о том, все ли регионы обладают равными возможностями и потенциалом для развития.

Таким образом формируется иерархия регионов, которая основана на экономическом динамизме и политической стабильности. Подобный подход согласуется с положениями теории мир-системного анализа И. Валлерстайна [188], неолиберального институционализма (Р. Кеохейн, Дж. Най) [189] и концепции зависимого развития (Ф. Кардосо, Т. Дос Сантос) [190]. В рамках этих теоретических подходов регионы можно разделить на несколько групп. Центральные регионы характеризуются высоким уровнем экономического и технологического развития, политической стабильностью. Эти регионы играют важную роль в распределении капитала и контроле над глобальными процессами. Периферийные регионы отличаются экономической и политической зависимостью от внешних акторов. В рамках теории зависимого развития периферийные регионы рассматриваются как поставщики сырья и дешёвой рабочей силы для развитых стран. Полупериферийные регионы, занимающие промежуточное положение и сочетающие характеристики центральных и периферийных регионов, выполняют роль буфера между государствами. Следует подчеркнуть, что эта иерархия не является статичной. Согласно концепции модернизации (У. Ростоу) [191] и теории региональной интеграции (Э. Хаас) [192] регионы могут менять свою позицию в зависимости

от темпов экономического роста, политического развития и степени интеграции в международные экономические и политические процессы.

Казахстан занимает промежуточное положение между развитыми государствами, как члены ЕС, ШОС и развивающимися странами. Таким образом, место Казахстана в мировой системе можно назвать полупериферийным.

Следует отметить, что разделение регионов на центральные, периферийные и полупериферийные является не статичным. Положение региона может измениться.

Шведский учёный Бьёрн Хеттне выделяет этапы становления региона. На начальном, первом этапе регион определяется в рамках своего географического расположения. Системное взаимодействие государств является формой организованного сотрудничества стран региона. Формирование региональной идентичности связано с развитием контактов между гражданскими обществами государств. Наивысшей формой регионализации является формирование региона как самостоятельного субъекта международных отношений, обладающего институциональной структурой и механизмами принятия решений.

Эти уровни регионализма позволяют проанализировать на каком этапе находятся страны Центральной Азии, включая Казахстан. Согласно теории Бьёрна Хеттне ЦА находится на начальных стадиях формирования региона, что вызывает споры в экспертной среде относительно самого факта существования его как целостной региональной системы [162, 171]. Данная дискуссия свидетельствует о том, что не всегда теории регионализма могут объяснить ситуацию в том или ином регионе.

В современном мире происходят изменения геополитического и геоэкономического характера, в том числе и в области кооперации и интеграции. Поэтому подходы при исследовании регионализма предлагают более широкую линейку теорий с учётом меняющегося глобального контекста.

Так, авторы монографии «Глобальные теории регионализма» [193] переосмысливают традиционные теоретические подходы к изучению теории регионализма, которые часто в большинстве работ основаны на опыте интеграции Европейского Союза (евроцентризм) или западно-ориентированных теориях международных отношений.

Ситуационно-структурная модель как аналитический инструмент изучения регионализма, объединяющий идеи сотрудничества и теории режимов, были предложены авторами статьи «Теоретический подход: ситуационно-структурная модель как аналитический инструмент для объяснения регионализма» [194]. Новизна подхода заключается в том, что учитываются не только внутренние региональные процессы, но и влияние внешних акторов, как государства, международные организации, транснациональные корпорации. Это позволяет понять, как внешние силы влияют на региональные процессы.

Регионализация. Регионализм как политическая концепция во многом базируется на процессах регионализации, которая происходит снизу и является естественным результатом социальных, экономических и культурных взаимодействий между государствами региона.

Переход от регионализма к регионализации отражает эволюцию интеграционных процессов от концептуализации к практическому воплощению. Регионализм представляет собой идеологию и теорию регионального сотрудничества. Регионализация является практической реализацией этих идей через различные механизмы и формы. Регионализация представляет собой форму углубления региональных связей в области торговли, экономики, инфраструктуры. На более высоком уровне этот процесс происходит на межгосударственном уровне.

С точки зрения неоинституционального подхода регионализация формирует многоуровневое управление через экономические, политические союзы и гражданские институты. Геополитический и социокультурный подход рассматривает регионализацию как процесс, основанный на социокультурной общности, как историческое прошлое, культурная и религиозная схожесть [150].

Регионализацию можно также рассматривать как многомерный процесс, происходящий на нескольких уровнях одновременно: политическом, экономическом и социальном [151]. В отличие от формализованного регионализма, регионализация является более свободным процессом, осуществляемым как государственными, так и негосударственными акторами. Основой регионализации является логика рыночной экономики, инвестиционных потоков и трансграничного взаимодействия. При этом государства могут взаимодействовать с негосударственными акторами в процессе регионализации.

В научной литературе существуют различные характеристики отношения глобализации и регионализации. Так, европейские эксперты Б. Гавин и П. Ломбард [154] рассматривают регионализацию как ответ на вызовы глобализации. Авторы считают, что на региональном уровне государствам легче достичь консенсуса в решении региональных проблем, экономическом сотрудничестве и урегулировании трансграничных процессов.

Вовлечение негосударственных акторов в процесс регионализации отражают вызовы XXI в. и сближают его с новым регионализмом.

Таким образом, регионализацию в научной литературе рассматривают как практическое воплощение, следовательно, как продолжение регионализма. Более формальный процесс регионализма создаёт основу для институционализации и неинституционального взаимодействия. В то же время регионализация снизу может дать предпосылки для создания формальных межгосударственных структур.

Несмотря на то, что регионализация и новый регионализм взаимосвязаны, эти два процесса имеют различные концептуальные подходы к взаимодействию государств в рамках одного региона. С теоретической точки зрения

регионализация инициируется экономическими интересами бизнеса в укреплении трансграничных потоков капитала, товаров, услуг, рабочей силы, информации. В результате этой активности усиливается взаимодействие стран региона в рамках глобальных производственных цепочек.

Таким образом, регионализация воспринимается как процесс, усиливающий региональные уровни взаимосвязей и тем самым являющийся частью глобализации. На практике регионализация проявляется в формировании зон свободной торговли, как Европейский Союз, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА/USMCA), АСЕАН и др. целью этих интеграций является унификация правил торговли, обмен технологиями и информацией и, как результат, повышение конкурентоспособности региона.

Отличительной чертой нового регионализма является фокус на более широком охвате сфер взаимодействия стран региона от экономических до вопросов идентичности и общих ценностей. Особое внимание уделяется гибкости, открытости и участию большого количества акторов в процессе регионализации. Цель нового регионализма: дать регионам больше свободы в поиске и создании собственных моделей развития.

Новый регионализм реализуется в инициативах, направленных на углубление политических, экономических, культурных и др. связей, также в области безопасности. Деятельность этих диалоговых платформ направлена на расширение и укрепление инициатив и взаимного доверия. В таких форматах страны стремятся выработать общую повестку дня по решению проблем и развитию региона.

Таким образом, регионализация и новый регионализм взаимодополняют друг друга, где первый выступает в качестве инфраструктурной и экономической части, а второй, придаёт политическую, ценностную и культурную направленность. Оба эти процесса обеспечивают взаимосвязанность государств региона.

Основные теории регионализации позволяют понять роль Казахстана в процессах евразийского регионализма. Так, в контексте функционального подхода следует рассматривать роль Казахстана в Евразийском экономическом союзе, где государство использует своё членство для развития экономических и торговых связей. Казахстан также стал инициатором проекта «Цифровая повестка ЕАЭС» [50]. В сфере логистики Казахстан активно участвует в китайской инициативе «Пояс и путь», что свидетельствует о прагматичной ориентации и инфраструктурной связанности. Неоинституциональный подход объясняет, почему Казахстан активно поддерживает институционализацию интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ШОС.

Социокультурная общность и региональная идентичность также являются важной частью казахстанской политики регионализации в отношении стран Центральной Азии, Турции, России и Китая. Общее историческое прошлое, языковое и религиозное сходства способствуют формированию устойчивых связей. Так, например, Астана активно продвигает сотрудничество

в рамках Организации тюркских государств (ОТГ). Данные инициативы дополняют и подкрепляют межгосударственное экономическое и политическое сотрудничество [2].

Регионализация может рассматриваться как способ адаптации государства к вызовам глобализации. В условиях геополитической турбулентности Казахстан использует региональные объединения для укрепления экономической устойчивости, диверсификации внешнеполитических связей и обеспечения стратегического баланса между региональными и глобальными державами. Данная политика актуализируется в связи с санкциями, изменением логистических маршрутов и активизацией Новой большой игры в ЦА.

В политике Казахстана в рамках евразийского регионализма проявляются характеристики нового регионализма, более открытого, многомерного формата интеграции. Внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность Казахстана демонстрирует открытость, когда регионализм не означает ограничений, а представляет собой открытую платформу для расширения возможностей, например, через участие в нескольких интеграционных форматах одновременно. Эта возможность коррелируется с многовекторностью внешней политики РК.

Таким образом, можно проанализировать стратегию Казахстана в Евразии с применением положений теории регионализма, регионализации, теории нового регионализма.

1.1.2 Классические и современные подходы для анализа регионализма

При изучении проблем диссертационного исследования используются как классические, так и критические теории международных отношений.

Особую роль при исследовании проблем диссертационного исследования имеют теории реализма и неореализма, которые акцентируют внимание на взаимоотношениях государств через призму национальных интересов и влияния государств в международной структуре. С позиций реализма регионы формируются, прежде всего, как ответ на вызовы безопасности и как средство поддержания баланса. Региональные объединения рассматриваются как временные союзы [155, 195].

Для классического регионализма главными факторами взаимодействия выступает воля лидеров и в целом государства, основанная на защите национальных интересов. Реализм фокусируется в основном на действиях отдельных государств.

Неореализм переносит акцент с временных объединений стран региона на системный уровень. В рамках неореализма/структурного реализма регионализм объясняется не столько субъективным выбором, сколько ограничениями, которые накладывает природа международных отношений на возможные действия государств. Государства вынуждены выстраивать

взаимодействие и кооперацию в виде союзов и коалиций для того, чтобы адаптироваться к распределению мощи и формированию баланса сил. Так, теория неореализма позволяет объяснить механизмы адаптации Казахстана к структурным ограничениям, участвуя в евразийских региональных организациях для обеспечения своей безопасности и развития экономики.

Таким образом, неореалистический подход исходит из того, что главным фактором регионализации является не только интерес государства, сколько конфигурация, которая складывается в результате политического и экономического развития стран региона. Примером такого подхода может служить создание военных союзов, таких как НАТО, ОДКБ, которые институционализируют баланс сил.

С позиций классического либерализма регионализм объясняется через возможности для сотрудничества, которое формируется на основе рационального выбора государства. Либеральные теории исходят из того, что государства способны преодолевать анархию международной системы благодаря общим интересам в торговле, безопасности, культурных обменов. Регион выступает как пространство, где страны объединяют усилия для достижения взаимной выгоды. В результате этих действий организуются институты и нормы, которые направлены на минимизацию возможностей конфликта и издержки взаимодействия [189].

Таким образом, либерализм интерпретирует регионализм как эволюцию кооперации на базе согласования интересов.

Неолиберальный институционализм развивает либеральные идеи, но при этом акцентирует внимание на институтах и нормах, как ключевых элементах международного сотрудничества. В отличие от классического либерализма, неолибералы утверждают, что именно институты снижают транзакционные издержки и способствуют прозрачности, делают кооперацию устойчивой. Регионализм рассматривается как процесс регионального сотрудничества, в котором создаются механизмы доверия и контроля над соблюдением правил. Региональные структуры рассматриваются как промежуточное звено между национальной и глобальной системами. Здесь именно институты обеспечивают устойчивость взаимодействия [195].

Либеральный и неолиберальный подходы подчёркивают роль институтов, норм и взаимозависимости в формировании региональных систем. С позиций либерализма регионализм понимается как процесс институционализации сотрудничества, снижения транзакционных издержек и укрепления доверия между государствами. Примером может служить Европейский Союз, как либеральный регионализм, где институты играют ключевую роль в снижении конфликтности и укреплении сотрудничества.

Функционализм возник после Второй мировой войны и был направлен на поиск мирных форм взаимодействия. Его ключевая идея заключается в том, что интеграция начинается не с политических договорённостей, а со сфер торговли, транспорта, энергетики, коммуникаций.

Неофункционализм делает акцент на эффекте перелива (spillover effect), который стимулирует дальнейшее углубление интеграции путём перелива её с экономической в политическую сторону.

С применением данных теорий можно проанализировать участие Республики Казахстан в интеграционных процессах евразийского регионализма.

1.2 Специальные теории анализа внешней политики: многовекторность и теория средней державы

1.1.1 Многовекторность как концепт и практическая стратегия государства

Многовекторность представляет собой практику средних и малых государств, которые вынуждены балансировать между глобальными и региональными державами. Многовекторность не является полноценной теорией международных отношений.

В качестве основных элементов многовекторности можно назвать такие характеристики, как баланс сил, гибкость и адаптивность, экономический прагматизм, соединение глобального и регионального уровней, идентичность и имидж. Баланс сил подразумевает политику государств, направленную на снижение рисков чрезмерной зависимости от одного центра силы. Гибкость и адаптивность означает быстрое реагирование на изменения геополитической ситуации и корректировку курса без отказа от базовых принципов суверенитета и независимости. Экономическая диверсификация связана с необходимостью диверсификации экономических и торговых партнёров. Соединение глобального и регионального уровней проявляется на примере Казахстана, который применяет многовекторность сразу в нескольких интеграциях и кооперациях, как ШОС, ОТГ, ООН и др. Идентичность и имидж формирует образ, например, Казахстана как моста между Востоком и Западом и ответственной средней державы.

Несмотря на то, что многовекторность закрепилась как ключевой принцип внешнеполитической стратегии Казахстана в научной и экспертной среде сформировался корпус работ, критически осмысляющих как теоретические основания, так и практические ограничения данной модели. Одна из центральных линий критики связана с тем, что многовекторность нередко трактуется нормативно как «равное балансирование» между центрами силы, тогда как на практике она может приобретать асимметричный характер, когда отдельные направления объективно начинают доминировать вследствие экономической взаимозависимости, инфраструктурных связей или политико-стратегических ограничений. Подобный вывод, в частности, иллюстрируется исследованиями, где многовекторность соотносится с реальным поведением государства в многосторонних институтах и механизмами внешнеполитического выбора.

Отдельное направление критики связано с эмпирическими тестами «согласованности» внешней политики. Так, в литературе используются количественные методы, включая анализ голосований в Генеральной Ассамблее ООН, позволяющие сопоставить степень близости позиций Казахстана с ключевыми центрами силы и выявлять смещение акцентов по конкретным периодам. В этом контексте демонстрируется, что многовекторность не всегда выражается в стабильной равноудалённости, а может отражать динамическую адаптацию к меняющейся конфигурации международной системы.

Во временной перспективе критики также подчёркивают, что на ранних этапах независимости многовекторность носила характер стратегии выживания и сохранения субъектности в условиях высокой неопределённости 1990-х гг.; по мере укрепления государственности и усложнения внешних связей возник вопрос о том, в какой мере данная модель обладает долгосрочной устойчивостью и как она должна трансформироваться в ответ на рост международной турбулентности [168].

Существенные ограничения многовекторности акцентируются и в работах зарубежных авторов, связывающих её с проблемой сужения пространства манёвра для средних государств в условиях усиления соперничества центров силы. В ситуации, когда конфликты и санкционные режимы усиливают несовместимость интересов крупных акторов, логика классического балансирования становится менее достижимой: для государства повышается риск вынужденных выборов и рост транзакционных издержек нейтралитета [196].

Наконец, в прикладном измерении критика институционально-стратегических противоречий, возникающих при одновременном участии в нескольких интеграционных и кооперационных форматах. Параллельность каналов взаимодействия расширяет возможности диверсификации, но одновременно усложняет согласование отраслевых приоритетов (в том числе в энергетике, транспорте и технологической кооперации) и повышает требования к качеству координации внешнеполитических решений. В этой логике казахстанские исследователи подчёркивают необходимость адаптации многовекторности к новым геополитическим условиям перехода от формулы принципа к более сложной модели управления рисками и обязательствами [180].

Таким образом, критическое осмысление многовекторности позволяет уточнить её аналитический статус: она выступает не только как декларативная стратегия равного баланса, но и как динамическая модель внешнеполитической адаптации, где практическая реализация зависит от структуры международной системы, плотности экономических связей и институциональных возможностей государства.

Основными теориями при анализе многовекторного концепта во внешнеполитической практике государств выступают подходы, связанные с балансом сил, а также производные стратегии примыкания, хеджирования и институционального балансирования. В рамках реалистской логики средние и

малые страны стремятся противодействовать власти доминирующих государств для того, чтобы сохранить равновесие в международных отношениях. Это происходит как на региональном, так и на глобальном уровнях. При этом достижение равновесия в отдельных регионах зависит от ситуации на глобальном уровне.

Баланс сил также предполагает наличие равных по мощи нескольких государств, которые стремятся выжить и сохранить свою силу; гибкость средних и малых государств в поиске союзников, возможность решать проблемы посредством силы. В своей сущности баланс сил представляет собой разновидность международного порядка.

Теоретики по-разному трактуют баланс сил в международных отношениях. Так, структурные реалисты поддерживают «автоматическую версию» этой теории, согласно которой равновесие или баланс возникает спонтанно и саморегулируется в результате защиты государствами своих национальных интересов [197].

В отличие от них Британская школа рассматривает баланс сил не как естественно возникающий феномен, а как результат дипломатии и стратегических решений государств, которые стремятся избежать зависимости от одного центра силы, с целью достижения стабильности. Государства формируют интеграции, кооперации, форматы для того, чтобы противодействовать потенциальным рискам и угрозам.

Теория баланса сил критикуется представителями других теорий. Так, либералы считают, что глобализация, демократический мир и международное право, международные институты являются определяющими факторами в международных отношениях, а не борьба государств за свои национальные интересы и применение силы. Конструктивисты указывают, что теория слишком сосредоточена на материальных ресурсах и игнорирует важность норм и идентичностей при формировании союзов и восприятии угроз. Реалисты задаются вопросом о том, почему после окончания холодной войны так и не появился глобальный баланс сил.

Гибкость и адаптивность внешней политики государств объясняются несколькими теоретическими подходами, которые анализируют способность государства быстро реагировать на вызовы и корректировать свой внешнеполитический курс, не отказываясь от его базовых принципов. Одним из инструментов выступает концепция хеджирования, разработанная азиатскими исследователями международных отношений. Хеджирование трактуется как стратегия, сочетающая элементы сотрудничества и сдерживания с целью минимизации рисков. Ключевые работы Чэнг-Чуй Куйка [198] и Эвелин Го [199] показывают, что малые и средние государства способны выстраивать многоплановую политику в отношении крупных держав, избегая чрезмерной зависимости и обеспечивая себе пространство для манёвра.

С точки зрения структурного реализма гибкость является следствием самой анархичной природы международной системы: государства вынуждены

адаптироваться к изменениям в распределении силы ради собственного выживания [200].

В свою очередь, неолиберальный институционализм делает акцент на том, что гибкость проявляется через участие государств в международных институтах. Институты и нормы представляют возможность для корректировки внешнеполитического курса без отказа от суверенитета, формируя условия для более предсказуемого взаимодействия.

Концепция «общества риска» (Ульрих Бек) [201] и идеи Эндрю Харрелла [150] о глобальном порядке позволяют рассматривать гибкость и адаптивность как вынужденную стратегию в условиях глобальной неопределённости. Так, согласно Беку, современный мир характеризуется множеством транснациональных рисков (экологические, технологические, военные и др.), которые не могут быть полностью решены. Э. Харрелл дополняет этот подход, акцентируя внимание на том, что международный порядок становится более сложным и многослойным, а глобальные и региональные акторы вынуждены разрабатывать адаптивные стратегии для защиты своих интересов. В этой перспективе государства должны непрерывно реагировать на новые вызовы (кризисы безопасности, геополитическая турбулентность, геоэкономические сдвиги, технологические трансформации) и при этом защищать свой суверенитет, одновременно интегрируясь в мировую систему.

Таким образом, для анализа многовекторной внешней политики Казахстана наиболее применимой является именно концепция «общества риска». Эта концепция позволяет объяснить, почему внешняя политика страны формируется не только как результат стратегического выбора элит, но и как вынужденная реакция на объективные процессы глобальной турбулентности. Казахстанская дипломатия является гибкой, адаптивной системой, которая функционирует в условиях постоянного риска и неопределённости, где важнейшими целями являются сохранение суверенитета и обеспечение безопасности, а также экономическое развитие, интеграция в мировое сообщество.

Изначально концепция многовекторности была сформулирована в политической практике Казахстана. В начале 1990-х гг. первый президент Республики Казахстан Н. Назарбаев в своём выступлении на 47 Генеральной Ассамблее ООН в 1992 г. подчеркнул, что Казахстан не имеет врагов и намерен строить дружественные отношения со всеми странами. Позже президент в своей книге «Эпицентр мира» в 2002 г. развил эту идею, заложив основы внешней политической стратегии государства. Президент К.К. Токаев был одним из разработчиков концепции многовекторности и будучи дипломатом, министром иностранных дел и премьер-министром, К.К. Токаев сыграл важную роль в институционализации этого курса. В своей книге «Под стягом независимости» [27] К.К. Токаев подробно описал многовекторность как основу внешнеполитической стратегии Казахстана, подчёркивая её прагматичность и направленность на сохранение баланса между крупными державами. В ряде программных речей 2019-2024 гг. президент К.К. Токаев конкретизировал

данный подход, когда ввёл понятия «равноудалённости», «ответственной и предсказуемой внешней политики» и «новой культуры многосторонности». В его интерпретации многовекторность уже не просто балансирование между внешними центрами силы, но и активное участие в формировании международных правил и норм, что соответствует роли Казахстана как средней державы [2, 4, 26].

В научной среде многовекторность получила широкое распространение и стала предметом анализа как казахстанских [168-170, 187], так и зарубежных [196] исследователей.

Так, геополитический контекст имеет важное значение для формирования многовекторной внешней политики РК. Казахстан вынужден выстраивать сложные отношения с крупными державами с целью сохранения независимости и суверенитета [2, 196]. Экономическая взаимозависимость объясняется исследователями зависимостью внешней политики государства от природных ресурсов или ресурсной экономикой.

1.1.1 Теория средней державы во внешней политике государства

Теория средней державы занимает важное место в исследованиях внешней политики, так как она позволяет объяснить поведение и стратегии государств, которые находятся в промежуточном положении между великими и малыми державами. Средние государства, как правило, обладают ограниченными ресурсами экономического, политического и военного характера, но в то же время они способны оказывать значительное влияние на ход международных процессов и региональных дел. Средние государства нередко выступают в качестве связующего звена между глобальными и малыми странами, выполняя роль посредников, стабилизаторов, проводников многосторонних инициатив [186].

Изначально концепт средней державы возник преимущественно в контексте таких западных держав, как Австралия, Канада и скандинавских государств, которые оказывали влияние на международные отношения не через ресурсы, а через дипломатию [202]. Эти государства влияли и стремились стабилизировать мировой порядок через институты и многостороннее сотрудничество. Например, Канада рассматривается как эталон средней державы и её опыт позволяет выделить основные характеристики этих государств.

Во-первых, геополитическое расположение между различными уровнями силы. В случае с Канадой это США, а также сотрудничество и партнёрство с западными альянсами, как НАТО и G7. Это вынуждает Канаду балансировать между союзом с США и ролью младшего партнёра крупных игроков.

Во-вторых, ограниченные, но значимые ресурсы, что значит при отсутствии военной мощи, Канада обладает развитой экономикой и богатой ресурсной базой, что позволяет влиять на мировую политику.

В-третьих, внешнеполитическое поведение. Канада выступает в качестве моста, что означает участие в миротворческих миссиях, международных переговорах и климатической дипломатии, что позволяет выступать в качестве активного игрока.

В-четвёртых, приверженность к многосторонности и нормам международного порядка. Участие Канады в международных организациях, как ООН, ВТО, НАТО и др. Ориентация на институциональные формы сотрудничества является одной из характеристик среднего государства [203].

Эти черты носят универсальный характер и применимы к другим средним державам.

В последние годы список стран, позиционирующих себя как среднюю державу, расширился. Так, если в классических работах к средним державам относили Австралию и Канаду, то в современных условиях в данную группу включают Турцию, Индонезию, Южную Корею, Бразилию и Казахстан. Эти страны демонстрируют активность в дипломатии, инициативы в региональных делах, стремление балансировать между великими державами с целью сохранения суверенитета.

Новые средние державы происходят в основном из глобального Юга и привносят иные характеристики и модели поведения. Так, например, сравнительный анализ характеристик традиционных, западных средних держав и новых средних держав глобального Юга показывает: во-первых, что традиционные державы располагаются в устойчивых демократических регионах, которые тесно связаны с Западом. Их статус укреплялся союзами с большими державами в рамках НАТО, ЕС, Британского содружества и др. Новые средние державы действуют в условиях региональной нестабильности и многополярного давления. Во-вторых, традиционные державы опираются на развитую экономику, высокие технологии, стабильные институты и ограниченную военную помощь. Новые средние державы также обладают природными ресурсами, демографическим потенциалом и др. В-третьих, традиционные державы характеризуются приверженностью к многостороннему сотрудничеству, дипломатии, нормам международного права. Новые средние державы проявляют большую гибкость и прагматизм. В-четвёртых, традиционные державы выполняют роль стабилизаторов мирового порядка, продвигая западные ценности. Новые средние государства стремятся трансформировать порядок, в котором будут представлены интересы развивающихся стран [203]. И у традиционных, и у новых средних держав есть и универсальные характеристики: геополитическое расположение между большими державами, наличие разного типа ресурсов; использование дипломатии и многосторонности как главного инструмента, «нишевая дипломатия», т.е. концентрация на тех сферах, где есть максимальное влияние. Однако новые средние державы действуют более прагматично и стремятся к роли лидера в регионе.

Одним из первых исследователей, который разработал теорию средней державы, является датский учёный Карстен Хольбраад, написавший книгу

«Middle Powers in International Politics» [202]. В этой работе он предложил концептуальные рамки для анализа роли средних держав в международной системе согласно их позиции в геополитике и геоэкономике. По его мнению, средние державы являются акторами, которые несмотря на неспособность конкурировать с великими державами на равных, всё же играют заметную роль на региональном и даже глобальном уровне.

К. Хольбраад выделили ключевые характеристики средних держав, как стремление к многостороннему сотрудничеству, приверженность к международному праву и институтам, а также акцент на дипломатических механизмах взаимодействия вместо прямого использования военной силы. Средние державы могут компенсировать ограниченность своих ресурсов и вносить вклад в поддержание международного порядка.

Таким образом, подход К. Хольбраада стал отправной точкой для дальнейших исследований роли средних держав в мировой политике, их внешнеполитических стратегий, направленных на балансирование между великими державами и защиту своего суверенитета.

Существенный вклад в теорию средних государств внесли Эндрю Ф., Ричард Хиггот, Ким Носсал в своей книге «Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order» [204]. В отличие от Хольбраада, который анализировал роль средних держав в основном через призму их положения в мировой иерархии, эти авторы подчеркнули важность анализа поведения государств на международной арене. Таким образом, Купер, Хиггот, Носсал определяют средние державы не только по их объективным показателям (территория, география, население), но и по их внешнеполитической активности. Учёные выделяют определённые признаки среднего государства: участие в многосторонних институтах, посреднические функции в конфликтах, приверженность нормам международного права, а также акцент на мягкой силе дипломатии.

Таким образом, теория среднего государства позволяет анализировать внешнюю политику Республики Казахстан.

Концепция многовекторности является внешнеполитической доктриной Республики Казахстан, основные характеристики которой имеют принципиальное значение для анализа её адаптивности и гибкости в меняющихся международных условиях. Именно концепция многовекторности позволяет понять как РК одновременно избегает зависимости от одного центра силы и развивает отношения с глобальными и региональными державами. В то же время концепция многовекторности остаётся практико-ориентированным принципом, а не общепризнанной теорией. Это снижает универсальность её применения при анализе внешнеполитической проблематики. Теория средней державы представляет инструмент для сравнения позиций государств. В то же время эта теория, разработанная для западных стран, требует адаптации к реальности евразийского, постсоветского пространства.

1.3 Евразийский регионализм: сущность и особенности

1.3.1 Евразия как геополитическое пространство

Анализ дефиниций «Евразия» и «евразийский регионализм» необходим для изучения внешней и региональной политики Казахстана. Эти понятия включают различные измерения, как геополитика, экономика, история, культура и идеология. Все эти измерения определяют разные траектории взаимодействия между государствами.

Известные эксперты в области евразийских исследований, как немецкий учёный А. Либман и российский учёный Е. Винокуров предлагают рассматривать три основных подхода к понятию «Евразия»: континент, идеология, постсоветское пространство [142].

Концепция постсоветской Евразии. Историко-геополитическим измерением Евразии является концепция постсоветской Евразии, которая возникла после распада СССР в 1991 г. В новой регионализации бывшие советские республики формировали общность, объединённую общим историческим прошлым, экономическими и культурными связями. Аналитическая актуальность данного подхода объясняется несколькими факторами. Во-первых, это сравнительная сопоставимость государств, имеющих общие характеристики, как политические режимы, экономические модели развития, культурные связи. Во-вторых, сохраняющаяся и достаточно устойчивая взаимозависимость между странами в области экономики, торговли, логистики, безопасности, миграции. В-третьих, сотрудничество между постсоветским экспертным сообществом, которое объединяют методологические подходы, знание русского языка, устоявшиеся с советских времён научные связи.

Таким образом, общее советское наследие позволяет проводить исследование на единых методологических подходах. В политологической литературе Центральная Азия рассматривается через призму различных аналитических подходов – от геополитических до институциональных.

По мнению российских экспертов развитие Центральной Азии следует анализировать в рамках процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Этот подход объясняется исторической, культурно-цивилизационной общностью, а также практическим отсутствием методологических трудностей.

Таким образом, концепция постсоветского евразийства возникла как ответ на распад СССР и строилась на исторической и культурно-цивилизационной общности. Однако в условиях глобализации и роста взаимозависимости международных экономических и торговых связей данная концепция трансформировалась в прагматичное евразийство [148]. Этот подход формируется не столько на общей исторической, культурной и географической общности, сколько на конкретных механизмах экономического и

институционального взаимодействия и создании устойчивых региональных связей.

Прагматичное евразийство основано на расширении сотрудничества со всеми странами, включая западные. Это сотрудничество способствует модернизации и технологическому развитию государства. В условиях санкционной политики, также глобальной трансформации мировой политики и экономики евразийский прагматизм приобретает особое значение. Прагматичное евразийство предполагает активное сотрудничество с западными странами. Такой подход является эффективным, в частности, для Казахстана, который стремится к диверсификации и модернизации своей экономики, а также стремится к интеграции в мировую экономику.

Таким образом, концепция постсоветской Евразии подходит для анализа заданной в диссертации проблематики. В целом, этот подход является не столько утверждением о единстве рассматриваемого геополитического пространства, сколько общей рамкой для дискуссии.

Евразия как идеология. Евразийская идеология является политико-культурной концепцией, целью которой является формирование общих культурно-цивилизационных и философских ценностей. Так как основоположниками евразийства являются представители первой волны русской эмиграции (Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.), то современное российское руководство использует евразийство как идеологический ресурс и как евразийское пространство. Современная Россия, основываясь на этой концепции, создаёт интеграционные проекты под своим руководством и тем самым легитимизирует свой контроль и укрепляет зависимость постсоветских стран от РФ. В современной интерпретации евразийство по-прежнему рассматривается определёнными авторами как альтернатива западному миру [205].

После 2022 г. мы можем наблюдать динамику развития этой идеи от антизападных настроений до формирования глобального незападного мира [205].

Концепция евразийского пространства, сочетающего гумилёвскую интерпретацию Евразии [206], русско-азиатский синтез, геополитический континентализм и т.п., также формирует понятие лидерства России и объединение вокруг неё против Запада.

Для внешней политики независимого Казахстана данная концепция имеет ограниченное применение. С одной стороны, при анализе необходимо учитывать исторические и культурные связи, с другой, они не коррелируются с многовекторной внешней политикой Республики Казахстан.

Евразия как континент. Этот подход фокусируется на взаимосвязанности евразийского пространства и рассматривает Евразию как континент без деления на европейскую и азиатскую части. Так, С. Фриман [207] называет разделение на Азию и Европу условным, сформированным не на географическом факторе, а на культурно-цивилизационном. В пользу этой точки зрения говорит факт существования активных потоков торговли, миграции, обмен идеями и т.п.

Поэтому при определении Евразии следует принимать во внимание исторически сложившиеся связи, особенно в условиях роста взаимозависимости и трансрегионального сотрудничества. Примером межрегиональных связей является расширение экономических связей между Европейским Союзом и Китаем ASEM (Asia-Europe Meeting). Именно эту платформу следует рассматривать как проявление европейско-азиатского регионализма.

Шведский учёный Йоханнес Линн [208] подчёркивает, что именно экономическая и торговая активность связывает азиатскую и европейскую части континента. В современном мире ключевыми объединяющими факторами между Европой, Россией, Китаем и Центральной Азией являются транспортные коридоры, торговые маршруты и инвестиционные потоки. Для Казахстана, который позиционирует себя в качестве связующего звена или моста между Европой и Азией этот фактор позволяет использовать преимущества своего географического расположения.

Следует отметить, что в научной литературе доминируют понятия «постсоветское евразийство» и «евразийская идеология».

Исходя из существующих подходов к определению «регион» и «Евразия» представляется необходимым сформулировать дефиницию «евразийский регионализм». Это позволит более глубоко проанализировать особенности политики евразийского регионализма РК.

Понятие «евразийский регионализм» приобретает особое значение в современных многоуровневых и разнонаправленных интеграционных процессах, охватывающих страны постсоветского пространства, Китая, Турции, Ирана и стран Восточной Европы. По различным определениям евразийский регион определяется в различных композициях.

Таким образом, евразийский регионализм как процесс охватывает суперконтинент с растущими экономическими взаимосвязями, формирующими долгосрочную архитектуру. Однако границы евразийского региона определяются не только географическими рамками, но и региональными державами, как Россия и Китай, которые имеют собственные геополитические и геоэкономические интересы [158]. Они формируют интеграции под своим лидерством, как ЕАЭС и ШОС, инициатива «Пояс и путь».

Евразийский регионализм является сложным процессом, в котором сочетаются как институциональные, так и историко-культурные характеристики. Евразийский регионализм также обусловлен политическими, культурными и экономическими особенностями стран региона.

Ещё одной чертой евразийского регионализма является разнообразие интеграционных моделей. Евразийский экономический союз в какой-то степени создан по модели Европейского Союза с акцентом на формальное правовое оформление и институционализацию [209].

Шанхайская организация сотрудничества [55] представляет собой корпоративный азиатский подход, который опирается на принципы гибкого взаимодействия, невмешательства и суверенитета, что отражает влияние

китайской политической философии и региональной традиции взаимной выгоды.

Таким образом, евразийский регионализм нельзя рассматривать в рамках единой модели интеграции. Это разнообразие создаёт как потенциал для сближения народов на основе взаимодействия различных моделей, так и препятствия, связанные с согласованием интересов, что объясняет фрагментарный характер интеграционных процессов на евразийском пространстве [209].

В евразийском регионализме большую роль играет культура и понятие цивилизационной идентичности. В целом, культурная идентичность играет важную роль в формировании регионализма. Примером могут служить ЕАЭС, АСЕАН и ЛАГ. В этих организациях важной составляющей является не только экономическое, но и гуманитарное сотрудничество. Общая история, языковая и традиционная близость создают пространство, в рамках которого государства готовы к сближению.

Так, в рамках ЕАЭС культурный фактор используется для легитимации интеграции на постсоветском пространстве. В дискурсе политических лидеров и идеологов необходимость интеграции наряду с экономическими выгодами также обосновывается «общей судьбой», «цивилизационным единством» и др. [38, 129].

Культурная составляющая делает эффективным влияние мягкой силы. Особую роль играют образовательные, культурные, медийные программы, которые становятся эффективными механизмами гуманитарного сближения. Примерами являются китайская инициатива «Пояс и путь» [66], турецкая инициатива по созданию Организации тюркских государств [60].

Несмотря на тот факт, что культурная и цивилизационная идентичность играют значительную роль, их реализация имеет ограничения и создаёт вызовы для регионализации и интеграции, причиной чему является различие культур, религий, менталитета и традиций стран Евразии. Глубокая культурная неоднородность региона может порождать противоречия; интерпретация исторического прошлого, усиление национализма могут тормозить процессы регионализации.

Важной характеристикой евразийского регионализма является экономическое сотрудничество или практическое сотрудничество или реализация идеологических заявлений.

1.3.2 Индикаторы евразийского регионализма

Исходя из определений региона и специфики евразийского пространства, можно выделить ряд ключевых индикаторов, определяющих евразийский регионализм. Эти индикаторы следует рассматривать как аналитический инструмент, так и в качестве практического ориентира для формирования евразийской политики РК.

Одним из основных индикаторов является формирование устойчивой геополитической и геоэкономической архитектуры, в которой ведущую роль играют региональные государства: Китай и Россия. Именно Пекин и Москва формируют ключевые форматы евразийского взаимодействия, как ЕАЭС, ШОС, инициатива «Пояс и путь», которые могут иметь как взаимодополняющий, так и конкурирующий характер.

Следующий индикатор связан с наличием разнообразных моделей сближения. Эти модели отражают различия в исторических связях, политических систем, внешнеполитических приоритетов государств. В результате в Евразии существуют как жёсткие формы интеграции, как Евразийский экономический союз, так и более гибкие формы, как Шанхайская организация сотрудничества и менее формализованные, как Организация тюркских государств.

Важным индикатором евразийского регионализма является культурно-цивилизационный фактор, играющий ключевую роль в формировании интеграционных ориентиров и легитимации региональных объединений. В рамках ЕАЭС активно используются такие понятия, как общее историческое прошлое, культурно-цивилизационное единство, языковая близость стран постсоветского пространства [49]. Эти нарративы представляют собой символическое дополнение к экономическим составляющим интеграции, и проявляются в большей степени в формате мягкой силы. Взаимодействие в рамках инициативы «Пояс и путь» основывается на концепции Сообщества единой судьбы и взаимосвязанности [67]. В случае с Организацией тюркских государств упор делается на возрождение общей идентичности и культурной общности. Однако значимость этого индикатора может быть снижена в силу целого ряда факторов, как этноконфессиональная, религиозная, историческая неоднородность евразийского пространства [60]. Ситуация усложняется ростом процессов национальной идентичности в государствах региона.

В результате регионализм и регионализация в Евразии требуют осторожности и учёта всех факторов при проектировании региональных структур интеграции и взаимодействия.

Не менее важным индикатором следует считать рост экономической взаимозависимости стран региона, который выражается в укреплении торговых, инвестиционных и логистических связей. Экономические связи усиливаются за счёт сопряжения стратегий ЕАЭС и ИПП, а также цифровой интеграции и др. Наличие общих рисков, вызовов и угроз формирует основу для сотрудничества в области безопасности, борьбы с различными формами преступности, миграционными потоками, экологическими и другими проблемами. ШОС и другие организации по безопасности формируют механизмы, координирующие совместные усилия по борьбе с угрозами. Общие действия организаций формируют евразийскую архитектуру безопасности.

Базовым следует считать нормативную легитимацию интеграционных процессов. Это разработка концептуальных и доктринальных документов, стратегических инициатив, официальных дискурсов. Все эти документы и

материалы обосновывают необходимость кооперации и интеграции. Особое значение в этом контексте приобретают такие дискурсы, как «Большая Евразия» [40], «евразийская идентичность» [9], «периферийная дипломатия» [57], «сообщество единой судьбы» [67], «тюркская идентичность» [60] и др. На практике это проявляется в подписании соглашений о стратегическом партнёрстве, институционализации отношений, создании регулятивных норм и правил.

Таким образом, евразийский регионализм представляет собой комплексный процесс, в котором переплетаются геополитические, экономические, культурные и цивилизационные нарративы.

Отличительные черты евразийского регионализма по сравнению с другими моделями регионализма. Сравнительный анализ евразийского с другими моделями необходимо провести для изучения его специфики и выявления возможностей и ограничений.

Европейский Союз выступает образцом наднациональности, АСЕАН является примером дипломатической координации, Африканский Союз представляет собой разрыв между амбициозными целями и реальными возможностями их реализации.

Так, Европейский Союз строится на принципе верховенства права и постепенном углублении интеграции, ЕАЭС и ШОС опираются на политическую координацию и межправительственный контроль.

Институты ЕС (Европейская комиссия, Европейский парламент, Суд Европейского Союза) обладают автономией и решения данных органов являются обязательными для всех государств-участников, в некоторых случаях - даже вопреки национальным интересам отдельных стран. Это является результатом добровольного делегирования части своего суверенитета наднациональным органам.

В ЕАЭС также функционируют наднациональные органы (Евразийская экономическая комиссия, Суд ЕАЭС). Однако автономия наднациональных органов ЕАЭС ограничена и ключевые решения принимаются Советом глав государств и Советом глав правительств. Это приводит к подчинению правил и норм политическим договорённостям. Показательным примером является ситуация с введением и отменой ограничений на экспорт продовольствия: несмотря на общие обязательства по свободному движению товаров отдельные государства-члены (РФ и РК в 2020-2022 гг.) в одностороннем порядке ввели запреты на вывоз зерна, сахара и подсолнечного масла. Все эти действия обосновывались продовольственной безопасностью. Евразийская экономическая комиссия не смогла решить эту проблему и только призвала к поиску взаимовыгодных решений. Это свидетельствует о том, что интеграционный процесс зависит от политической воли политиков и демонстрирует ограниченность наднациональных органов в создании единого экономического пространства.

ШОС также представляет собой пример евразийского регионализма, который отличается от ЕС логикой функционирования. В основе деятельности

ШОС лежит межправительственный контроль и политическая координация [56]. Это позволяет сохранить гибкость в принятии решений и приоритет национального суверенитета. Принятие решений на основе консенсуса. Институты, как Секретариат в Пекине, РАТС выполняют технические функции и не обладают автономией. ШОС акцентирует внимание на вопросах безопасности и геополитической стабильности. Организация сохраняет свои первоначальные цели: борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Экономическое сотрудничество находится в начале формирования единого нормативного или институционального поля.

Интеграционные документы ШОС ограничиваются рамочными программами и декларативными заявлениями, которые формируют в основном общие направления сотрудничества. Так, например, Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества 2003 г., планы действия на 2017-2021 гг., а также её продление до 2025 г., хотя и формулируют общие цели сотрудничества в области торговли, транспорта, энергетики, цифровой экономики и экологии, но остаются декларативными.

Эти документы не содержат механизмов принуждения к выполнению обязательств и не имеют наднациональных органов для их реализации [56]. Так, попытки институционализировать экономическое сотрудничество, например, создание Банка развития ШОС так и не воплотились в жизнь. Также не была создана единая нормативная база по упрощению таможенных процедур и транспортной интеграции. ШОС использует интеграционные инструменты как политико-дипломатические механизмы и средства согласования позиций, а не как правовые механизмы, которые имеют обязательную силу.

Таким образом, в сравнении с ЕС, который выступает образцом нормативно-правовой интеграции, ШОС представляет собой модель «гибкого институционализма».

Институты АСЕАН имеют достаточно несложную структуру (Секретариат в Джакарте, специализированные комитеты и рабочие группы) и не обладают значительными полномочиями. Это обеспечивает устойчивость АСЕАН. Государства-члены АСЕАН избегают передачи части суверенитета наднациональным органам, как это широко практикуется в ЕС. Основным принципом АСЕАН является равноправие стран-участниц и добровольность.

«ASEAN WAY» [69] является механизмом принятия решений, это особенность АСЕАН. «ASEAN WAY» построен на принципах консенсуса, невмешательства во внутренние дела стран-участниц организации. Данный механизм предоставляет возможность сделать АСЕАН неконфликтной организацией. Следует отметить, что для АСЕАН консенсус предполагает равноправное согласование интересов и баланса между малыми и средними государствами-участниками организации, в то время как в ШОС консенсус означает необходимость учитывать позиции Китая и России.

Африканский Союз имеет свои наднациональные органы: комиссия, Панафриканский парламент, Суд и Совет мира и безопасности [71]. Несмотря на наличие институтов, их реальная автономия ограничена, а решения не имеют

обязательной силы. В этом проявляется схожесть с евразийскими региональными организациями. Механизмы принятия решений в Африканском Союзе также основаны на межгосударственном согласии. Работу Организации замедляют противоречия между странами с разным уровнем экономического и политического развития.

Такая же зависимость от консенсуса и для евразийского регионализма. Но в Африканском Союзе эти проблемы усиливаются неоднородностью стран-участниц, а также частыми политическими и экономическими кризисами.

Ключевым инструментом интеграции Союза является Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), которая объединяет 55 государств. Задача создания единого экономического пространства сталкивается с рядом проблем, включая тарифные барьеры, отсутствие согласованной политики в сфере инвестиций, конкуренция и другие препятствия [70].

Социальная база Африканского Союза остаётся слабой и фрагментированной. Союз использует идею «панафриканской идентичности» и единства континента. Однако реальное вовлечение гражданского общества, академических кругов и бизнеса остаётся ограниченным. Таким образом, существует разрыв между принятием решений на межправительственном уровне и восприятием этих идей на уровне гражданского общества.

Подобная ситуация существует и на уровне институтов. Так, Африканский Союз выполняет в основном консультативные функции и не обладает реальными полномочиями. Поэтому Союз остаётся проектом политических элит и бизнес-элит, а также международных доноров, а не широких масс [70].

В этом отношении Африканский Союз похож на евразийский регионализм, где интеграционные процессы также в основном инициируются сверху.

Для евразийского регионализма также характерен разрыв между масштабными целями и ограниченными результатами. Отличие заключается в том, что в Африканском Союзе приоритет отдаётся созданию общего рынка и либерализации торговли, тогда как в Евразии акцент делается на инфраструктурные и геополитические аспекты.

Сравнительный анализ показал, что евразийский регионализм развивается по иной логике, чем другие модели. В отличие от ЕС с его наднациональными институтами и верховенством права, интеграция в ЕАЭС и ШОС основана на межправительственном контроле и политической координации. Сравнение с АСЕАН выявило сходство в опоре на консенсус, однако если в Юго-Восточной Азии он служит инструментом равноправного согласования интересов, то в Евразии отражает баланс между ведущими державами. Африканский Союз демонстрирует схожесть в разрыве между амбициями и практическими результатами. В то же время Союз делает акцент на создание единого рынка, тогда как евразийский регионализм сосредоточен на инфраструктурных и геополитических аспектах.

Таким образом, евразийская модель характеризуется сохранением протестов суверенитета и зависимостью от воли политических лидеров, что позволяет регионализму быть гибким и адаптивным, но в то же время ограничивает глубину интеграции.

1.4 Казахстан в контексте евразийского регионализма

1.4.1 Основные инструменты адаптации Казахстана к новым мировым реалиям в рамках евразийского регионализма

Евразийский регион и евразийский регионализм является важнейшей составляющей казахстанской внешней политики, что объясняет активное участие РК в интеграционных проектах, как ЕАЭС, ШОС. При формировании своей внешнеполитической стратегии Астана вынуждена учитывать определённые ограничения, накладываемые интересами региональных и глобальных держав в регионе Центральная Азия [158]. Казахстан как средняя держава занимает важное геополитическое и геоэкономическое значение. Однако влияние России, Китая, США и Новая большая игра в центральноазиатском регионе приводят к необходимости выработки стратегии и механизмов адаптации для обеспечения безопасности страны и роста влияния в регионе.

Казахстанская стратегия адаптации основывается на принципах многовекторности, прагматизма и устойчивого развития.

Одним из ключевых инструментов адаптации является дипломатическое маневрирование между геополитическими интересами региональных и глобальных государств и сохранением баланса интересов [28]. С целью сохранения и укрепления своей независимости и экономического развития Казахстан выстраивает конструктивные отношения с РФ, КНР, США, ЕС, Турцией, странами исламского мира и др. Эта политика имеет своей целью избежать чрезмерной политической и экономической зависимости от одного партнёра. В рамках ООН, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, ОТГ и диалоговых площадок, как С5+1 Казахстан стремится достичь международной узнаваемости, активно участвовать в процессах регионального и глобального взаимодействия и развивать многостороннее сотрудничество.

Не менее важным инструментом адаптации следует считать политику диверсификации экспорта, привлечение инвестиций и технологий, развитие транспортно-логистической системы. Эти шаги помогают Казахстану интегрироваться в региональные и глобальные экономические процессы. Создание единого экономического пространства с целью доступа к рынкам стран-участниц и рынкам третьих стран для РК через членство в ЕАЭС. Участие в ШОС и китайской инициативе «Пояс и путь» расширяет возможности торгового взаимодействия, развития транспортных коридоров и реализации

инфраструктурных проектов. ВТО является возможностью интеграции страны в мировое торговое пространство.

Республика Казахстан использует транзитный потенциал страны для снижения зависимости от традиционных маршрутов. Национальная программа «Нұрлы жол» и инициатива «Пояс и путь» позволяют увеличить объём транзитных перевозок и способствуют привлечению дополнительных иностранных инвестиций в транспортный сектор государства. Развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута [86], связывающего Китай, Центральную Азию, Кавказ, Турцию, Европу, является альтернативой маршрутам, проходящим через территорию России. Такие транспортные узлы и логистические центры, как «Достык-Алашанькоу», «Алтынколь-Хоргос», порт Актау способствую повышению эффективности транзита через территорию Казахстана.

В целом, использование Казахстаном логистики как инструмента адаптации минимизирует риски, связанные с геополитическими изменениями и торговыми ограничениями/санкциями, а также развивает логистические хабы. Это является основой для укрепления роли РК в евразийских транспортных потоках.

Проблемы безопасности в региональном контексте следует рассматривать через призму теоретических подходов Барри Бузана и Оле Вейвера [155], их теории комплекса региональной безопасности. Авторы утверждают, что безопасность государства формируется не только на национальном уровне, но и во взаимодействии с соседними странами. Поэтому безопасность региона определяется не только наличием конфликтов, но степенью институционализации механизмов их разрешения. Членство государства в международных организациях по безопасности рассматривается как уровень региональной безопасности. Однако эти организации не всегда обеспечивают национальную безопасность государства-члена.

В сфере безопасности адаптация Казахстана использует многоуровневый подход, сочетающий союзнические обязательства с расширением сотрудничества с различными международными партнёрами. Так, членство в ОДКБ не ограничивает Астану от взаимодействия с НАТО и другими западными странами [54]. Участие в миротворческих миссиях ООН укрепляет международную репутацию Казахстана как ответственного актора в сфере глобальной безопасности [90]. Военно-техническое сотрудничество с Турцией и Китаем направлено не только на модернизацию вооружённых сил и развитие собственного военно-промышленного производства.

Это позволяет диверсифицировать оборонную политику, поддерживать баланс интересов ведущих государств, укрепить свою роль в евразийской архитектуре безопасности.

При анализе заданной в диссертации проблематики через призму неолиберализма особое внимание уделяется международным институтам, создаваемым для сотрудничества и достижения общих целей. Институты играют важную роль в анализе евразийского регионализма и формируют рамки

для взаимодействия государств, определяют характер региональных процессов и влияют на внешнюю политику РК.

Региональные организации представляют не только платформу для дипломатического диалога и экономического сотрудничества, но и формируют институциональную среду, влияющую на стратегические решения страны. Так, Казахстан использует участие в таких организациях, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, ОТГ для построения взаимовыгодных отношений с Россией, Китаем и Турцией и др. Региональные институты также позволяют Казахстану лавировать между интересами различных стран.

Институциональный анализ позволяет оценить, как Казахстан адаптируется к требованиям международных организаций и участвует в выработке норм, формируя механизмы, обеспечивающие продвижение национальных интересов. В качестве примера можно привести позицию Казахстана, нацеленную на закрепление за ЕАЭС преимущественно экономического, а не политического характера.

Институциональный подход следует дополнить либеральным межправительственным подходом, который помогает объяснить политику Казахстана в региональных объединениях через призму рационального выбора и компромиссов. Либеральный межправительственный подход строится на рациональном выборе государства, исходя из его национальных интересов [195]. Рациональный выбор как теория предполагает, что государства при принятии решений, их действия обоснованы национальным интересом [200].

Казахстанская внешняя политика, с одной стороны, включает все ключевые характеристики, присущие государственному рациональному выбору, с другой, этот выбор ограничен влиянием крупных игроков, экономической зависимостью и геополитическими изменениями вокруг региона и в мире в целом.

Участие Казахстана в ЕАЭС и ШОС с позиций рационального выбора следует анализировать как стремление найти оптимальный баланс между экономическими выгодами, безопасностью, суверенитетом и геополитической стабильностью. Так, рациональный выбор в пользу ЕАЭС проявляется в экономическом и геополитическом интересе Казахстана. Однако ограниченность рационального выбора Казахстана заключается в доминировании РФ в принятии решений и зависимость от российской экономики. Также следует отметить разделённые риски в связи с санкционной политикой Запада. Участие Казахстана в ШОС – это выбор в пользу безопасности, энергетической безопасности и геополитики, так как членами организации являются ведущие страны глобального Юга. О рациональном выборе Казахстана свидетельствует его участие в китайской инициативе «Пояс и путь». В то же время ограничителем членства РК в ШОС является необходимость лавирования между двумя ключевыми лидерами организации – Китаем и Россией, между КНР и Индией, а также рост влияния Ирана. Также следует добавить и ограниченные экономические возможности ШОС. Инициатива «Пояс и путь» также имеет свои ограничители, как торговый

дисбаланс, рост финансовой зависимости РК от КНР, контроль Китаем ключевых инвестиционных решений, определённые антикитайские настроения на уровне гражданского общества.

В рамках теории функционализма можно проанализировать механизмы евразийского регионализма Казахстана, особенно в сфере экономического сотрудничества, которое является основой ЕАЭС.

Однако одной из составляющих функционализма является механизм spillover, при котором экономическая интеграция, достигая определённого уровня, переходит и в другие области, углубляя политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности. Казахстан заинтересован в сохранении независимости и укреплении суверенитета. Казахстан пытается избегать включения политических аспектов в интеграцию, о чём не раз заявляло руководство страны. Находясь в сложной геополитической локации, Казахстан стремится избежать дополнительных обязательств политического характера, что может стать препятствием при проведении многовекторной внешней политики.

Таким образом, регионализм в XXI в. представляет собой многогранный процесс, который трансформировался в новый регионализм, выходящий за рамки географического пространства и межгосударственных отношений. Термин «возрождение регионализма», используемый Харреллом, указывает на то, что процессы регионализма и регионализации продолжаются и приобретают новые черты в условиях глобализации, включая рост роли негосударственных акторов, транснациональных сетей, цифровой связанности, проектной дипломатии и конкуренции интеграционных связей, значение стандартов и регуляторных режимов, и зависимость интеграции от инфраструктуры, логистики и цепочек поставок.

1.4.2 Индикаторы евразийского регионализма и их проявление во внешней политике Казахстана

Исходя из теоретических подходов к регионализму и регионализации следует выявить индикаторы, которые позволяют измерить, идентифицировать и интерпретировать стратегию РК в рамках евразийской кооперации и интеграции.

Одним из ключевых индикаторов является *формирование устойчивой геополитической и геоэкономической архитектуры*, в которой определяющую роль играют Китай и Россия. Эти государства инициируют и развивают основные интеграционные форматы, как ЕАЭС и ШОС. Эти и другие структуры формируют многоуровневую и сложную институциональную конфигурацию, в которой пересекаются интересы многих государств.

В такой сложной ситуации Казахстан проводит сбалансированную многовекторную внешнюю политику, которая направлена на маневрирование между интересами КНР и РФ, а также на адаптацию к меняющейся геополитической, геоэкономической ситуации вокруг региона. Основными

ресурсами в этой политике является географическое расположение и транзитный потенциал страны. Данная стратегия направлена на диверсификацию внешнеполитических векторов с целью избежать доминирования одного из них и сохранить стратегическую автономию.

Институциональное разнообразие является важным индикатором евразийского регионализма и отражает различие форм и уровней интеграции и отсутствие унифицированной модели регионального взаимодействия, которые объясняются различиями между странами. Так, членство Казахстана в ЕАЭС, организации с жёсткой институционализацией, ставит перед страной задачу избегать политической интеграции и ограничиваться «экономическим евразийством» [31]. Для РК ШОС является более гибкой координационной структурой, позволяющей укреплять отношения с различными центрами силы и при этом избегать обязательств, мешающих проводить многовекторную внешнюю политику.

Другие важные вектора, такие, как турецкий в рамках ОТГ, и платформы С5+1, позволяют сохранять баланс внешнеполитической стратегии и формировать альтернативные модели регионализации для того, чтобы уравновесить российский и китайский вектора.

Таким образом, институциональное разнообразие евразийского сотрудничества становится для Казахстана важным внешнеполитическим ресурсом для гибкого позиционирования себя в регионе. Селективная интеграция определяет степень участия в институтах и объединениях, соответствующих национальным интересам и национальной безопасности.

Данная логика подтверждается и в официальном внешнеполитическом дискурсе Республики Казахстан. Так, президент К.К. Токаев в своём выступлении на Международном форуме «Астана» подчёркивает прагматичный и многосторонний характер внешней политики Казахстана, основанный на взаимодействии с различными международными институтами и отказе от жёсткой блоковой привязки. Это свидетельствует о том, что участие Казахстана в региональных и глобальных форматах носит селективный характер и определяется соображениями национальных интересов и безопасности [25].

Культурно-цивилизационный фактор является важным индикатором казахстанской евразийской региональной политики и играет ключевую роль в формировании интеграционных нарративов и легитимации сотрудничества. Именно историческая и культурная общность народов региона может стать основой взаимопонимания и регионализации. Казахстан активно использует своё уникальное геополитическое расположение на стыке цивилизаций, обладает многоконфессиональным и многонациональным обществом. Астана гибко использует нарративы идентичности в зависимости от внешнеполитического контекста. Это означает, что Казахстан не придерживается единого образа идентичности, а варьируется в зависимости от внешнеполитического партнёра. Так, в рамках ЕАЭС акцент делается на общую советскую историю и русский язык. В ОТГ - на тюркскую идентичность.

Участие в инициативе «Пояс и путь» предполагает диалог и взаимосвязь культур. В отношениях со странами Запада внимание акцентируется на наличии демократических реформ [12].

Рост экономической взаимозависимости является важным индикатором, который выражен в росте взаимной торговли, инвестициях, сопряжении транспортных и энергетических систем, а также развитии цифровой инфраструктуры. Для Казахстана экономическая взаимозависимость является механизмом для создания устойчивой архитектуры регионализации.

Казахстан использует свои активы транзитного государства на пересечении важнейших транспортных и торговых маршрутов (участие в Транскаспийском международном транспортном маршруте), свой транзитный потенциал (участие в инициативе «Пояс и путь»). Это позволяет Астане развивать и альтернативные логистические маршруты.

Казахстан также активно продвигает возможности интеграции в торговые цепочки с Россией и Китаем. Так, в рамках ЕАЭС Астана стремится получить преференциальный доступ к рынкам стран-членов в сфере агропромышленного комплекса, машиностроения и переработки сырья. Участие в инициативе «Пояс и путь» позволит Казахстану обеспечить приток инвестиций в экономику страны, создать крупные агропромышленные комплексы, индустриальные предприятия, экспортировать сельскохозяйственную продукцию и стратегические природные ресурсы. Как отмечается в исследовании, проекты инициативы могут «охватывать ряд секторов, включая энергетику, транспорт, сельское хозяйство и туризм» [175].

В сфере технологической кооперации и цифровой взаимозависимости Казахстан продвигает «Цифровую повестку ЕАЭС» с целью создания единых технологических стандартов [50].

Инвестиционная зависимость основана на формировании Казахстаном благоприятного инвестиционного климата для стран ЕАЭС, ШОС и КНР. Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА) привлекает капитал и обеспечивает трансрегиональное финансовое посредничество [5]. Одним из важнейших активов казахстанской евразийской региональной политики следует считать содействие сопряжению макрорегиональных инициатив, как ЕАЭС и ИПП [177]. Это сопряжение позволило Казахстану избежать конфликта интересов между РФ и КНР через институциональное взаимодействие. Оно также даёт возможность Астане избегать втягивания в определённые спорные вопросы во взаимоотношении двух региональных держав. Сопряжение также позволит укрепить свой статус в качестве ключевого транзитного узла между Китаем, Россией, Европой и странами Южной Азии, а также развивать транзитную инфраструктуру, привлекать инвестиции, усилить свою вовлечённость в цепочки добавленной стоимости.

В результате использования этих активов Казахстан представляет собой продуманную внешнеполитическую стратегию, сочетающую в себе гибкость, адаптивность и многовекторность.

1.4.3 Казахстан и евразийский регионализм

Анализ стратегии Казахстана в рамках евразийского регионализма через призму ключевых теорий, как неореализм, неофункционализм, конструктивизм, регионализм, новый регионализм позволяют выявить ***структурные принципы и адаптационные подходы***.

Теория неореализма или структурного реализма позволяет объяснить логически выверенную стратегию балансирования, выживания, сдерживания, прагматизма. Евразийская политика РК подтверждает ключевое положение неореализма о том, что внешняя политика государства определяется не столько внутренними причинами, сколько структурой международных отношений, характеризующейся асимметрией в распределении власти между странами [200].

Казахстан рассматривает своё участие в евразийском регионализме не только с целью развития экономики и расширения торгового сотрудничества, а также для роста политического влияния. Для РК это возможность минимизировать риски и защитить свой суверенитет в условиях роста геополитической конкуренции и давления со стороны РФ и КНР. Астана осознаёт, что в условиях ограниченного стратегического пространства отказ от участия в многосторонних форматах может привести к снижению международной субъектности государства. Своё участие в интеграционных и других платформах Астана использует, в том числе, как инструменты стратегического маневрирования, как каналы влияния и механизмы балансировки интересов с целью избежания односторонней зависимости [2].

Таким образом, в логике неореалистического анализа казахстанский евразийский регионализм следует рассматривать как способ адаптации РК к условиям меняющейся геополитики.

С точки зрения неофункционализма политика РК в отношении ЕАЭС демонстрирует селективное использование механизмов неофункционализма, которое выражается в поддержке Казахстаном функционального взаимодействия членов Союза, прежде всего, углубления экономического и торгового сотрудничества. В то же время политика Астаны направлена на контроль глубины интеграции и отказ от политической интеграции. Отказ от ключевой составляющей неофункционализма – «переливания» ресурсов и полномочий – указывает на то, что при анализе казахстанского евразийского регионализма применение теории неофункционализма носит ограниченный характер.

В отношении ШОС казахстанская политика демонстрирует подход гибкой координации. Изначально Шанхайская организация сотрудничества представляла собой площадку для борьбы с тремя основными угрозами: терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом. В настоящее время функциональные задачи ШОС расширились, охватывая энергетическое сотрудничество, культурное взаимодействие, логистику. Казахстан

поддерживает это расширение функций и их институционализацию, но при этом не стремится к углублению интеграции в политическую сферу.

Таким образом, казахстанская политика евразийского регионализма демонстрирует ограниченную неофункциональную стратегию, когда Астана поддерживает углубление сотрудничества в прагматических областях, но при этом контролирует политическое сближение с целью удержать баланс между интеграцией и суверенитетом. Такая политика особенно актуальна на фоне усиления конкуренции между РФ и КНР в Центральной Азии в условиях меняющейся геополитики.

Казахстан как средняя держава, оказавшись в новых реалиях современного мира, вынужден применять адаптационные внешнеполитические стратегии для минимизации рисков зависимости от одного партнёра и использования регионализма в качестве важной части своей многовекторной внешней политики. Так, действия с позиции ограниченного неофункционализма позволяют Казахстану участвовать в региональных интеграциях и других объединениях, как ЕАЭС, ШОС, ОТГ и др. В то же время такой подход объясняется фрагментированностью евразийского регионализма со множеством государств и организаций, имеющих как совпадающие, так и противоречивые интересы с отсутствием единой политической повестки.

Конструктивистский подход к анализу евразийского регионализма предполагает рассматривать его не только как результат прагматических расчётов государств, но и как продукт идей, норм и идентичностей, которые формируют представления о Евразии как о политико-культурном пространстве. В этом смысле Казахстан участвует в конструировании региона через нарративы об исторической и культурно-цивилизованной общности, транслируемые как в официальном дискурсе, так и в академической среде. Поэтому евразийство здесь выступает не просто географическим обозначением, а рамкой, которая придаёт региональному взаимодействию смысл и легитимность, задаёт его символические основания.

Показательным примером является инициатива первого президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, который в 1994 г. предложил идею создания Евразийского союза, аргументируя её не только экономическими связями, но и культурно-цивилизационной общностью [34]. В дальнейшем данная идея получила институциональное оформление: в 2014 г. был создан Евразийский экономический союз как устойчивый интеграционный формат на постсоветском пространстве.

В рамках ОТГ евразийский контекст выражается в заявлениях и инициативах Астаны по развитию культурных, образовательных, гуманитарных программ. Например, формирование общего образовательного пространства тюркского мира, поддержка идеи создания Академии тюркских народов и продвижение проекта «Тюркское видение - 2040» [61].

Таким образом, поддержка и развитие идеи евразийской общности, особенно объединённой идентичности, позволяют Казахстану на официальном

уровне позиционировать себя в качестве моста между Востоком и Западом, основываясь на конструктивистском элементе внешней политики.

Анализ стратегии казахстанского евразийского регионализма с позиций конструктивизма позволяет понять формирование нарратива о центральной роли Казахстана как ключевого регионального актора в регионе ЦА. Для этого РК использует как дискурсивные, так и институциональные механизмы. На официальном и академическом уровне в качестве ключевой идеи используется евразийство. Эта идея артикулируется в стратегических документах. Так, в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы, Стратегии «Казахстан - 2050» и др. прямо указано на роль Казахстана как инициатора евразийской интеграции, на цель продвижения идеи евразийства как основы сбалансированной региональной политики [2, 3].

Выступления и речи первого президента Н.А. Назарбаева сыграли важную роль в концептуализации базы евразийства [34].

На институциональном уровне эта стратегия проявляется в активном участии Казахстана в ЕАЭС, ШОС, ОТГ и других региональных и межрегиональных платформах, как СВМДА, сотрудничество в формате С5+1 и др. Участие Казахстана в этих структурах не ограничивается только экономическим сотрудничеством, но и распространяется на культурную и гуманитарную сферы. Не менее важную роль играет и дискурс о евразийской идентичности, основанной на общих исторических цивилизационных ценностях.

Анализ евразийской политики Казахстана с позиций неолиберального институционализма [205, 224] позволяет раскрыть стратегию государства, направленную на укрепление сотрудничества, взаимовыгодного развития, стабильности через многосторонние институты и их механизмы. Неолиберальная логика может объяснить членство Казахстана в ЕАЭС. Официальная Астана использует участие в организации для доступа к рынкам, развития логистической инфраструктуры и др.

В рамках ШОС, следуя логике неолиберализма, Казахстан развивает сотрудничество в области региональной безопасности, происходит реализация совместных проектов в области энергетики, логистики, туризма и др.

В рамках неолиберального подхода Казахстан стремится использовать своё участие в региональных и межрегиональных организациях для укрепления своей субъектности, расширения экономических возможностей и создания стабильной среды.

Политика Республики Казахстан в сфере евразийского сотрудничества может быть проанализирована через призму современных подходов к регионализму и регионализации, которые в совокупности отражают идеологические и практические стороны интеграции и кооперации. Казахстанская политика демонстрирует оба направления. Так, в рамках регионализма Астана участвует в создании и институционализации формальных, кооперационных или интеграционных механизмов,

координирующих торгово-экономическую повестку, реализацию совместных инфраструктурных проектов и другие направления взаимодействия.

Одновременно на уровне регионализации Казахстан вовлечён в более гибкие, преимущественно сетевые формы взаимодействия, которые развиваются через трансграничные связи бизнеса, транспортно-логистические коридоры, энергетическое сотрудничество, образовательные и гуманитарные обмены, а также согласование норм и правил в отдельных секторах. В этом смысле евразийское сотрудничество для Казахстана выступает не только институциональным выбором, но и практикой постоянной адаптации к меняющейся геополитической среде: через диверсификацию форматов и партнёров страна стремится расширить пространство манёвра, снижать внешние риски и укреплять собственную субъектность.

Казахстанский регионализм отличается от европейского, тяготеет к более прагматичным формам взаимодействия, что приближает его к концепции нового регионализма [166, 174].

В этом контексте Казахстан выстраивает свою стратегию, рассматривая регионализм не только как фиксированное географическое пространство, сколько как систему, сконструированную по экономическим, политическим и социальным характеристикам. Новый регионализм формируется через дискурсивные практики, политические инициативы, кооперационные взаимодействия. В рамках дискурса о евразийстве Казахстан продвигает идею о срединной роли РК, выступая инициатором и участником региональной кооперации и интеграции, а также позиционируя себя в качестве моста между Востоком и Западом [4].

Ключевыми элементами являются определения «физическая и экономическая взаимосвязанность», которая соответствует функциональной регионализации. Физическая связанность обеспечивается инфраструктурными проектами, в частности, сопряжением национальной казахстанской программы «Нұрлы Жол» с китайской инициативой «Пояс и путь» [16] или развитием Транскаспийского международного транспортного коридора, а также созданием транзитных хабов, как Хоргос, порт Актау. Следует также отметить и участие страны в энергетических и цифровых коридорах.

Таким образом, Казахстан в логике нового регионализма не только вовлечён в работу существующих структур, но и стремится участвовать в формировании повестки, как субъект регионального конструирования.

1.4.4 Казахстан в евразийской и азиатской модели регионализма

Участие Казахстана в евразийском регионализме следует объяснять через сочетание, как европейской и азиатской моделей, с преобладанием азиатской прагматичной модели. Европейский подход проявляется в казахстанской интеграционной политике [2] через интерес к институционализации, укреплению экономической интеграции и созданию регулирующих правил. Примером может служить участие РК в ЕАЭС. Однако отличие от Европейского

Союза, который считается моделью интеграции в мире, Евразийский экономический союз не имеет сильной нормативной базы, общих ценностей демократии и рыночной экономики.

Эти и другие факторы объясняют ограниченную заинтересованность Казахстана в политической интеграции и ориентацию преимущественно на экономическое сотрудничество.

Участие в ЕАЭС для Астаны является инструментом расширения внешнеэкономических и внешнеторговых возможностей, привлечения иностранных инвестиций, снижения транзакционных издержек при доступе к рынкам третьих стран.

Отказ от политической координации и интеграции и от создания наднациональных структур позволяет сохранять свободу внешнеполитического маневрирования.

Участие Казахстана в евразийском регионализме в большей степени объясняется азиатским подходом к региональной интеграции. Этот подход строится на таких составляющих, как прагматизм, гибкость, приоритет национальных интересов, развитие инфраструктуры. Так, участие стран Южной и Юго-Восточной Азии в интеграционных образованиях построено на взаимной экономической выгоде, без политического сближения. Примером может служить АСЕАН, а также такие механизмы, как ШОС, Азиатско-тихоокеанские экономическое сотрудничество (АТЭС) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство. Эти структуры демонстрируют характерные черты азиатского подхода - отказ от жёсткой институционализации, экономический прагматизм и отсутствие требований по политической унификации.

Гибкость азиатской модели проявляется в возможности для стран-членов избегать жёстких обязательств и выбирать степень своего участия в интеграции. В отличие от европейского подхода, предполагающего единые регуляторные правила, единые стандарты для всех стран-членов, азиатская модель допускает принципы «разной скорости» и «вариативной геометрии».

Так, страны АСЕАН позволяют разным странам продвигаться с различной скоростью.

Принцип «разной скорости» (multi-speed integration) позволяет странам-участницам или странам-членам интегрироваться в различные инициативы и механизмы интеграции с разной степенью интенсивности и в разное время [209]. Государства, продвинутые в какой-либо сфере (экономика, торговля, безопасность) могут инициировать или участвовать в интеграционных процессах, не ожидая присоединения других. Страны, менее готовые, могут присоединяться к этим процессам по мере готовности.

Принцип «вариативной геометрии» (variable geometry) более гибко трактует принципы интеграции и регионализации [210]. Государства могут объединяться или интегрироваться, не участвуя в одних и тех же процессах и не имея ядра, вместо которого могут быть группы государств с пересекающимися интересами.

Одной из ключевых особенностей азиатского подхода является приоритет национального суверенитета, который не предполагает создания наднациональных органов и делегирования им части своего суверенитета. Фундаментальной основой такой интеграции является невмешательство во внутренние дела государства и уважение независимости. Примером является принцип взаимодействия государств-членов АСЕАН, закреплённый в документах организации, как декларация АСЕАН [68] и устав АСЕАН [69], которые предусматривают, что государство не вмешивается даже в случае серьёзных внутренних кризисов. Другим примером может служить ШОС, который также делает акцент на суверенитет, несмотря на широкую повестку дня борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Решения в Организации принимаются на основе консенсуса.

Основным способом укрепления связи между государствами при азиатском подходе является развитие инфраструктуры. Вместо создания сложных политических конструкций акцент делается на развитие дорог, железных дорог, трубопроводов и логистических хабов. Примером может служить китайская инициатива «Пояс и путь», основанная не на политическом сближении, а на экономическом сотрудничестве. Инициативы АСЕАН по развитию инфраструктуры, как Master plan on ASEAN connectivity направлены на строительство автомагистралей, железнодорожных линий (железнодорожное сообщение Сингапур - Куньмин), морских портов и др. Эти проекты направлены на расширение торговых и миграционных связей между государствами-членами. ШОС также объединяет государства с различными политическими системами, большое внимание уделяется развитию энергетических маршрутов и транспортных маршрутов.

Таким образом, развитие инфраструктуры является инструментом евразийской интеграции и регионализации, позволяющее создавать региональные связи между государствами, минимизируя политические обязательства. Однако следует учитывать, что не существует единой азиатской модели. Это объясняется разнообразием моделей политического, экономического и культурного развития стран-участниц.

Таким образом, регионализация в Евразии имеет характеристики как европейской [100], так и азиатской моделей [72, 73].

В Евразии наблюдается взаимодействие/конкуренция между различными интеграционными проектами, которые инициируются европейской стороной, как Восточное партнёрство или Global Getaway, так и азиатской, как китайская инициатива «Пояс и путь» [142].

Евразийский регионализм формируется в контексте сложных взаимоотношений ключевых акторов, обладающих собственными интересами и демонстрирующими различную готовность к компромиссам между различными моделями сотрудничества [158].

1.4.5 Казахстанский евразийский регионализм и многовекторная внешняя политика РК

Казахстанский евразийский регионализм следует рассматривать как основу реализации многовекторной внешней политики государства, так как представляет собой институциональные и дипломатические механизмы для взаимодействия как с региональными, так и нерегиональными акторами международных отношений. Главная задача – сохранение своей субъектности – достигается Казахстаном через поддержание баланса сил в стране и в регионе Центральная Азия.

На практике многовекторность реализовывается через институциональные механизмы. Участие РК в разноформатных и межрегиональных структурах, как ЕАЭС, ШОС, СВМДА, С5+, ООН и др. позволяют Казахстану проводить гибкую сбалансированную политику, не зависеть от одного центра силы. Механизмы балансировки интересов позволяют РК выступать в качестве посредника в региональных и межрегиональных спорах. Участие в этих организациях институционализирует дипломатические отношения страны и интегрирует РК в легальную систему взаимоотношений, определяемых взаимными обязательствами, нормами и механизмами разрешения споров.

Если обратиться к теории многовекторности, то очевидно, что многовекторность не относится к числу формализованных теорий международных отношений и является концептуальной моделью внешней политики государства, выработанной в процессе адаптации к геополитической среде. В контексте казахстанской внешней политики многовекторность выступает в качестве прикладной стратегической идеи в ответ на необходимость балансирования между региональными и нерегиональными державами.

В этом смысле многовекторность можно связать с теорией баланса сил [200], особенно в контексте малых государств/экономик. Для таких акторов ключевой задачей становится не конкуренция за доминирование, а сохранение собственной субъектности в среде, где правила и риски во многом задаются более мощными игроками. Поэтому внешняя политика строится как поиск управляемого равновесия между интересами крупных держав, позволяющего удерживать суверенитет, поддерживать автономию во внутреннем и внешнем курсе и сохранять контроль над природными и стратегически значимыми ресурсами.

На практике эта логика реализуется через диверсификацию внешних связей и инструментов: государство расширяет круг партнёров, распределяет экономические и политические зависимости, а также опирается на различные форматы взаимодействия, двусторонние и многосторонние, чтобы снизить уязвимость и сохранить пространство для самостоятельных решений. В результате многовекторность выступает не набором деклараций, а прикладным механизмом управления рисками и адаптации к конкурентной геополитической среде.

В числе рисков следует назвать: зависимость от одного внешнего актора, что может привести к дальнейшему ограничению суверенитета и снижению автономии внутренней и внешней политики [1, 2]. К рискам экономическим следует отнести монополизацию инфраструктурных и сырьевых потоков одним или несколькими экономическими партнёрами [79]. Риск стратегической маргинализации связан с исключением государства из региональных и глобальных процессов вследствие доминирования одного внешнего актора. Остаются риски укрепления сырьевой/ресурсной экономики и ресурсноориентированной внешней политики [211].

Многовекторность также связывают с концепцией band wagoning [212], согласно которой слабые государства присоединяются к более сильным с целью обеспечения безопасности или развития. При этом отношения предполагают, что более слабое государство признаёт лидерство более сильного.

Многовекторность предполагает выстраивание отношений сразу с несколькими центрами силы с целью сохранения суверенитета, максимизации выгоды, маневрирования между великими державами. Различия между band wagoning и многовекторностью заключаются в том, что первое предполагает выбор одного сильного партнёра или присоединение к военным и экономическим блокам. В реальной политической ситуации band wagoning может применяться Казахстаном, внешняя политика которого строится на многовекторности, как ситуативное сближение, когда РК присоединяется к инициативам больших держав, если это соответствует национальным интересам государства.

Таким образом многовекторность имеет схожие характеристики и различия с теорией баланса сил и концепцией band wagoning. Эти три подхода демонстрируют различия в подходах малых государств/экономик к внешнеполитическим угрозам. В теоретическом плане многовекторность ближе к классическому балансированию в рамках теории баланса сил, так как стремится уравновешивать влияние региональных и глобальных держав, а также старается минимизировать чрезмерную зависимость от одной из них.

Многовекторность также следует рассматривать через призму концепции Евразийского моста, которая появилась в начале 1990-х гг. и связана с идеей первого президента РК Н. Назарбаева о создании трансконтинентальной инфраструктуры, которая должна была связать Европу с Азией через территорию Казахстана. Впервые эта идея и сам термин прозвучал в его выступлении в МГУ в 1994 г. [34].

Несколько факторов объясняют появление термина «Евразийский мост». Во-первых, это геополитический фактор, который связан с основной внешнеполитической и внешнеэкономической задачей, стоявшей перед молодым независимым государством, а именно интеграция в региональное и глобальное пространство, создавая маршруты, соединяющие Европу и Азию. Примером может служить международный транспортный коридор «Западная Европа - Западный Китай» [81]. Этот проект не только обеспечивает Казахстану

ключевое транзитное положение, но и стратегическую значимость на международной арене.

Во-вторых, экономический фактор, который объясняется стремлением Казахстана диверсифицировать экспортные маршруты для своих природных ресурсов, чтобы избежать чрезмерной зависимости от одного партнёра. Примером может служить строительство в 2006 г. нефтепровода Казахстан-Китай (Атасу-Алашанькоу) для снижения зависимости от российских трубопроводов [19].

В-третьих, идеологический фактор, связанный с формированием новой национальной идентичности [9].

Результатом поиска своей исторической и географической роли стала концепция моста между Европой и Азией, который объединяет различные культурно-цивилизационные пространства [4].

Ещё одним важным фактором следует считать адаптацию к глобализации. Начиная с 2000-х гг. стратегия Казахстана направлена на поиск своего места в международных отношениях, связанных с либерализацией торговли и усилением конкуренции за мировые торговые маршруты, что в научной литературе определяется как «активное участие в процессах международной интеграции и её роль в глобальных производственных цепочках и инфраструктурных проектах для укрепления экономики и повышения статуса страны в мировом сообществе» [174]. Так, например, развитие транспортного потенциала позволяет быть Республике Казахстан конкурентоспособной на мировом уровне, стать транзитным узлом, включённым в глобальные цепочки стоимости. Это позволяет не только диверсифицировать торговые маршруты, но и выходить за пределы сырьевого сектора.

Таким образом, развитие трансконтинентальной связанности Казахстана является практическим воплощением идеи евразийского моста и адаптационным механизмом к условиям меняющейся глобализации.

Многовекторная внешняя политика тесно связана с неоевразийством, идеей, которая предлагает новое конструктивное видение евразийского пространства. В неоевразийской идее переплетаются три ключевых направления: постсоветское сотрудничество, инфраструктурные коридоры в Евразии, континентальные сотрудничество с внешними акторами.

Направление «постсоветское пространство» связано с интеграцией в рамках ЕАЭС [49], и ОДКБ [53]. Большая часть экспертов характеризует это направление как инструмент укрепления влияния России на постсоветском пространстве [158].

Второе направление представлено китайской инициативной «Пояс и путь» [66] и европейскими программами, имеющими характер трансъевразийской связанности, как EU Global Gateway [91], Трансъевропейская транспортная сеть. Эти и другие проекты имеют своей целью связать инфраструктуры, создать транспортные узлы и цифровые связанности [67, 45].

Все эти проекты пересекаются в Центральной Азии, где Казахстан занимает центральное место и является участником многих транспортных коридоров. Эти инфрастуктурные связи, с одной стороны, создают материальную основу связанности евразийского пространства. С другой, являются важнейшими векторами включения Казахстана в глобальные цепочки стоимости, что снижает зависимость от ограниченного числа маршрутов. Одним из перспективных проектов региональной экономической связанности является экономический коридор Шымкент – Ташкент – Худжанд.

Таким образом, транспортные и инфраструктурные проекты следует рассматривать как практическую реализацию неоевразийской концепции.

Третье направление связано с континентальным сотрудничеством с внешними акторами, что позволяет создавать евразийское пространство, где сосуществуют и сотрудничают различные культуры и цивилизации. Так, например, в рамках Большой Евразии необходимо скоординировать российскую, китайскую [52] и тюркскую модели развития [61].

Сложная природа Евразии и связанные с ней процессы требуют новых, расширенных подходов в новых геополитических условиях. Эксперты указывают на то, что необходимо уходить от понятия Евразия как постсоветского пространства к более открытому, многоакторному и многоуровневому пространству с участием региональных держав (КНР, ЕС, Индия, Турция, Иран, АСЕАН и др.).

Сегодня неоевразийское пространство представлено тремя уровнями [142]: малая Евразия и интеграция внутри неё – постсоветское пространство; общая евразийская интеграция через экономическое и инфраструктурное взаимодействие между странами Евразии; Большое евразийское пространство. Последний уровень имеет сходство с китайской концепцией Сообщества единой судьбы [41, 42], которая основана на взаимном интересе и равенстве государств континента. Евразийство в практике различных государств приобретает многослойный и неоднородный характер.

Однако в современных геополитических реалиях создание неоевразийского пространства, основанного на взаимопонимании и сотрудничестве, представляется маловероятным. Особенно из-за острых геополитических и геоэкономических противоречий между Россией и Западом.

Следует отметить, что неоевразийство как важная рационалистская концепция, остаётся важным стратегическим направлением РК даже в современной турбулентной геополитике. Прежде всего, это связано с различиями в понимании неоевразийства и евразийства со стороны России и Казахстана, которые связаны с принципиальными различиями во внешнеполитических целях, исторических контекстах и масштабах амбиций. Так, например, под влиянием таких идеологов, как А. Дугин, российское понимание евразийства направлено на геополитическую мощь России и противостояние западному влиянию [205]. Казахстан выступает за региональное и международное сотрудничество с целью расширения дипломатических и экономических связей, основанном на принципе

многовекторности внешней политики РК [2]. В своей внешней политике РФ последовательно продвигает идею постсоветского пространства под лидерством Москвы. Основными инструментами реализации этой идеи являются проекты евразийской интеграции (ЕАЭС), а также создание славянско-тюркской общности, где роль ядра будет играть РФ. Это позволит создать альтернативный Западу полюс силы.

Казахстанская внешняя политика имеет сбалансированный характер и направлена на расширение связей с разными странами и участие в международных организациях.

Таким образом, несмотря на пересечение интересов Казахстан и Россия имеют разные установки. Если Москва стремится к геополитическому ревизионизму, то Астана проводит инклюзивную многостороннюю дипломатию.

Шкала амбиций или сравнение стратегических устремлений России и Казахстана также показывает различия. Так, Россия демонстрирует геополитические амбиции и формирование доминирующей евразийской сферы влияния, что означает устойчивый контроль над странами евразийского региона/постсоветского пространства. Политическое влияние на бывшие советские республики в вопросах безопасности и дипломатии. Экономическое влияние, означающее контроль над ключевыми торговыми и инфраструктурными потоками. Военное влияние проявляется через военную интеграцию и размещение военных баз, а также право вмешиваться под предлогом защиты русскоязычного населения [40].

Казахстан, напротив, выступает за укрепление внутренней устойчивости через участие в экономических, транспортных [16] и дипломатических инициативах [2, 20].

1.5 Методология диссертационного исследования

На основе теоретического анализа в диссертационной работе определены методологические подходы к изучению евразийского регионализма Республики Казахстан. Рассматриваемая проблематика носит комплексный характер и требует многоуровневого анализа, сочетающего различные исследовательские инструменты. Выбор данного подхода продиктован тем, что регионализм по своей природе является многокомпонентным явлением. В его структуре одновременно присутствуют геополитические расчёты, экономические интересы, институциональные механизмы и культурно-цивилизационные представления, которые не существуют изолированно, а взаимодействуют и усиливают друг друга. Поэтому корректная интерпретация регионализма требует аналитической рамки, способной учитывать эту взаимосвязанность факторов. Казахстан выстраивает свою стратегию участия в евразийском регионализме, исходя из того, что является полупериферийным, ресурсным, транзитным и полиэтническим государством, внешняя политика которого

строится на многовекторности и прагматизме. Все эти данные определяют формат сотрудничества и степень участия в интеграциях.

Во-первых, методология исследования предполагает, что регионализм нельзя свести к единой институциональной модели, так как сочетает в себе характеристики классического регионализма, основанного на межгосударственном сотрудничестве; неофункционализма, основанного на поэтапной экономической интеграции; конструктивизма – о формировании новой региональной идентичности; нового регионализма, включающем негосударственных акторов в процесс регионализации и гибких форматов взаимодействия. Данный подход позволяет объяснить политику Казахстана как с точки зрения интересов выживания и балансирования, так и с ценностной позиции и идеологической составляющей.

Во-вторых, при анализе евразийского регионализма Казахстана следует учитывать разнообразие форматов регионального сотрудничества с участием РК. При этом следует брать во внимание такие характеристики форматов, как институциональность, степень формализации и уровень обязательств. Так как Казахстан участвует как в институционализированных (ЕАЭС), так и в гибких платформах с координационными механизмами (ШОС, ОТГ, С5+1 и др.), то для их анализа следует применять многоуровневую методологию. Региональный уровень анализирует наднациональные структуры, форматы регионального управления. Национальный уровень исследует внутренние стратегии Казахстана, которые определяют выбор формы и степень участия в этих форматах. Аналитический инструментарий основывается на институциональной селективности и функциональной интеграции. Первое связано с глубиной и форматом участия РК в различных структурах с целью сохранения независимости и суверенитета. Второе означает выбор практически полезных сфер сотрудничества, как логистика, энергетика, цифровизация без политической интеграции.

В-третьих, евразийский регионализм является одним из ключевых инструментов реализации многовекторной внешней политики РК. Участие в различных форматах позволяет проводить стратегию выживания и адаптации в условиях геополитической турбулентности. Внешнеполитическое маневрирование даёт возможность укрепить экономические возможности за счёт доступа к рынкам, инвестициям, логистическим маршрутам; повышать международную субъектность, участвуя в многосторонних форматах, закрепляя имидж миролюбивого и ответственного государства на международной арене; снижать риски зависимости от одного центра силы, развивая партнёрские отношения с другими государствами; усиливать свой транзитный потенциал, позиционируя себя в качестве Евразийского моста.

Для анализа этих процессов в диссертации будут использованы такие методы, как сравнительная внешнеполитическая аналитика для сравнения казахстанского подхода с подходами других малых и полупериферийных государств, стратегия которых тоже основана на принципах баланса и прагматизма. Для того, чтобы понять, как малые государства/экономики могут

применить регионализм в своих национальных интересах следует обратиться к институциональному анализу. Поведение малых государств в международной системе характеризуется структурными ограничениями и стратегией адаптации. Это использование многосторонних форматов для достижения своих целей, компенсируя ограниченные возможности путём институциональной встраиваемости. Институциональная встраиваемость может рассматриваться как стратегический инструмент малых государств, не обладающих экономическим и силовым ресурсом региональных и глобальных держав [157]. Участие Казахстана в ЕАЭС, ШОС и ОТГ отражает функциональное распределение внешнеполитических приоритетов: экономическая интеграция реализуется преимущественно через ЕАЭС, безопасность – через механизмы ШОС, а идентичностная и гуманитарная повестка – в рамках ОТГ. Такая конфигурация позволяет стране укреплять международную субъектность и одновременно решать несколько задач: укреплять статус значимого участника региональных и шире – глобальных процессов; опираться на институциональные механизмы снижения рисков в сфере безопасности; влиять на формирование повестки и правил взаимодействия в разных форматах; а также частично компенсировать ограниченность собственных военных, экономических и иных ресурсов за счёт кооперации и многосторонних инструментов.

В-четвёртых, дискурсивный и нарративный анализ позволяет проследить как Казахстан формирует и продвигает нарративы о различных моделях регионализма. При этом в рамках внешней политики РК регионализм понимается не как жёстко заданная модель, а как открытая вариативная структура, границы которой могут меняться в зависимости от геополитического контекста, экономических потребностей и вопросов безопасности. В этом смысле показательно, что в современной литературе регионализация определяется как процесс, который «сохраняет суверенитет государств-участников, одновременно способствуя расширению сотрудничества» [171].

В-пятых, качественный и количественный анализ экономических, торговых и инфраструктурных связей является эмпирическим методом, позволяющим верифицировать уровень вовлечённости Казахстана в процессы евразийского регионализма.

Количественный анализ показывает масштаб и направленность экономической вовлечённости в различные структуры, степень зависимости от конкретных региональных партнёров, а также позволяет выявить риски для казахстанской стороны.

Качественный анализ направлен на изучение структуры взаимодействия, как партнёрство, институционализация, координация, стандартизация и роль транснациональных компаний.

Таким образом, комбинация этих двух методов позволяет понять, насколько декларируемая внешнеполитическая стратегия, особенно в области евразийского регионализма, подкреплена конкретными внешнеэкономическими шагами и институционализацией отношений.

Важнейшим инструментом при анализе заданной в диссертационной работе проблематики является уровневая методология, основанная на разграничении микро-, мезо- и макрорегиональных процессов. Казахстан в силу геополитического расположения и транзитного потенциала, наличия природных ресурсов, функционирует на всех трёх уровнях.

Микроуровень Казахстана представлен отдельными областями, которые участвуют в логистических и других региональных кластерах. Так, Алматинская область играет ключевую роль в развитии Центрально-Азиатского транспортного коридора, соединяющего Казахстан с Китаем через сухопутный порт Хоргос и международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» [8]. Этот кластер также усиливает транзитный потенциал Казахстана в рамках инициативы «Пояс и путь».

Мезорегионы выполняют функцию мостов между локальными и глобальными уровнями. Этот уровень важен для Евразии, так как именно на нём реализуются энергетический, транспортный и торговый процесс интеграции. Ещё одной важнейшей характеристикой мезоуровня является то, что он представляет собой пространство функционального регионализма, основанного не на идеологической, а на прагматической основе. Так, Казахстан является участником транснациональных инфраструктурных проектов, связывающих Казахстан и Центральную Азию с КНР, РФ и Европой.

Макрорегионы охватывают широкие геополитические пространства, служат рамками для стратегически важных интеграционных проектов в рамках межрегионального сотрудничества. Евразия в этом контексте представляет собой макрорегион, в котором пересекаются интересы ведущих глобальных и региональных государств и формируются различные интеграционные модели, как ШОС, ЕАЭС, ЕС [83], инициатива «Пояс и путь», С5+1 [88]. Казахстан, активно вовлечённый во все эти процессы, стремится адаптироваться к геополитическим изменениям и формировать собственную повестку дня.

Поэтому уровневый анализ позволит рассмотреть участие Казахстана в многоаспектном процессе регионализма. Уровневый анализ помогает выявить функции каждого из этих уровней в формировании политических, экономических и культурных стратегий РК.

Уровневая методология позволяет рассматривать евразийский регионализм, не ограничиваясь рамками постсоветского пространства. Так, Казахстан может выступать как макроактор, который участвует в таких глобальных инициативах, как С5+1 и инициатива «Пояс и путь». Также как мезоуровневый интегратор, выступающий в качестве Евразийского моста, связывающего регионы Евразии. В качестве национального объекта РК реализует адаптационные стратегии на внутреннем уровне.

Уровневая методология также позволяет выявить различные механизмы кооперации/интеграции.

Каждый уровень отличается от другого своими механизмами, институтами, интересами и акторами. Так, на макроуровне доминируют интересы и стратегии региональных и глобальных держав. На этом уровне

казахстанская политика базируется на принципах многовекторности, что означает взвешенность, гибкость и адаптивность. Это позволит избежать зависимости от одного центра силы, особенно в условиях глобальной конкуренции. Продвижение принципов нейтралитета и посредничества повысят авторитет РК на международной арене. Участие в глобальных институтах позволит Казахстану легитимировать свою внешнюю политику и придерживаться норм международного права. На макроуровне Казахстан также может выстраивать ситуативные коалиции на основе совпадения интересов и прагматизма.

Таким образом, на макроуровне Казахстан стремится действовать не как объект, а как субъект международных отношений, выстраивая внешнюю политику, основанную на принципе многовекторности.

На мезоуровне преобладают секторальные и функциональные механизмы, как логистические хабы, энергетические сети и транспортные коридоры. Интеграция осуществляется на основе общих интересов государства и регионов, оформляются в виде соглашений, в основном без политических обязательств. От участия на этом уровне Казахстан получает ряд стратегических, экономических и институциональных выгод, которые усиливают региональную и глобальную роль страны. Геоэкономическая реализация транзитного потенциала позволяет РК участвовать в энергетических, логистических цепочках, получать доходы от логистики, транзита и экспорта услуг. Мезоуровень позволяет снижать зависимость от одного партнёра, развивая альтернативные транспортные и энергетические маршруты. Участие в этих проектах не требует политической интеграции или глубокой институционализации, что важно для Казахстана в условиях политической нестабильности.

Таким образом, мезоуровень представляет собой оптимальную зону выгодного и прагматичного регионализма.

На микроуровне механизмы кооперации опираются на локальные инициативы, в виде кластеров, специальных экономических зон, трансграничного и приграничного сотрудничества, где интеграция происходит снизу вверх.

Этот методологический подход также позволяет проанализировать возможности Казахстана выстраивать евразийскую региональную политику вне рамок советского и постсоветского регионализма и выработать стратегию к более современной модели регионального развития в условиях сложной конфигурации евразийского пространства. Уровневая методология позволяет выявить различия в интеграционных процессах, а также характере угроз, с которыми сталкивается Казахстан. Это позволит РК встраиваться в различные форматы и механизмы межрегионального взаимодействия на всех уровнях, выстраивая взаимодействие от геополитического и геоэкономического сотрудничества с региональными акторами и международными организациями до функционального и нормативного взаимодействия в рамках региональных и трансграничных проектов.

Резюме

Анализ теоретических подходов к исследованию политики РК по евразийскому регионализму показал необходимость комплексного подхода, который включает как классические теории международных отношений (неореализм, функционализм, либеральный институционализм, конструктивизм), так и современные концепции регионализма, как новый регионализм, регионализация, неоинституционализм.

В рамках теорий реализма и неореализма следует анализировать казахстанскую стратегию по адаптации к геополитическому влиянию со стороны региональных и глобальных держав для того, чтобы обеспечить свою безопасность и субъектность. Эта стратегия основана на принципе многовекторности, которая позволяет не только балансировать между интересами РФ, КНР, США, ЕС и др. государств, но и использовать дипломатическое маневрирование и рациональный выбор для минимизации рисков и чрезмерной зависимости от одного центра силы.

Функционализм и неофункционализм позволяют анализировать участие Казахстана в региональных форматах, как ШОС и ЕАЭС. Это проявление прагматизма во внешней политике РК, который проявляется в избегании вовлечения страны в политическую интеграцию.

В рамках данной проблематики регионализацию целесообразно трактовать как относительно гибкий и слабо формализованный процесс, отличающийся от регионального институционализма, который опирается на закреплённые правила и организационные структуры. Регионализация, как правило, развивается по логике «снизу»: её драйверами выступают практические потребности хозяйственных акторов и приграничных территорий, что выражается в расширении торговых потоков, транспортно-логистических маршрутов и повседневных кооперационных связей. Поэтому импульсы такого взаимодействия чаще исходят из экономической целесообразности и регионального спроса, чем из централизованных политических инициатив.

Неоинституциональный подход позволяет объяснить причины, по которым Казахстан поддерживает институционализацию, например, в рамках ЕАЭС, но при этом стремится ограничить политическую интеграцию. Согласно интересам РК, институты должны быть инструментами не подчинения, а адаптации, которые не противоречат национальным интересам, создают предсказуемую среду для взаимодействия и дают возможность участвовать в формировании повестки дня.

Социокультурная регионализация объясняет культурно-цивилизационные связи Казахстана со странами Центральной Азии, Россией, Китаем и Турцией и др. на основе общей истории, культуры, религии и языка. Участие РК в ОТГ отражает стремление страны укрепить региональную идентичность в условиях геополитических перемен.

Особое значение имеет уровневая методология, позволяющая проанализировать политику Казахстана на макро-, мезо- и микроуровнях с

целью реализации национальных интересов в рамках интеграционных и кооперационных форматов.

Анализ понятий «Евразия» и «евразийский регионализм» формируют рамки для исследования вопросов диссертации. Евразийская политика Казахстана не должна рассматриваться только в одном направлении, а на пересечении геополитических, идеологических, экономических, культурных траекторий.

Так, концепция постсоветской Евразии позволяет анализировать политику РК в общих исторических рамках, выявляя наиболее устойчивые и перспективные для национальных интересов страны направления.

Концепция идеологического евразийства рассматривается не только, как возможность развития, но и как средство политического давления со стороны России, что негативно складывается на многовекторности, особенно в условиях противостояния России с Западом.

Концепция Евразии как континента позволяет проанализировать роль Казахстана как транзитного хаба между Европой и Азией, определить значимость проектов в сфере торговли, инфраструктуры, логистики, таких как инициатива «Пояс и путь», Транскаспийский маршрут, цифровые повестки и др.

Концепция евразийского регионализма позволяет проанализировать стратегию Казахстана по участию в различных форматах от формальных (ЕАЭС) до гибких (ШОС, ОТГ). Это даёт возможность оценить адаптивность казахстанской внешней политики в условиях разнообразия интеграционных моделей и фрагментарности евразийского регионализма.

Концепция культурного и цивилизационного регионализма позволяет показать, каким образом Казахстан использует инструменты «мягкой силы» в региональной политике. К ним относятся участие в образовательных и культурных программах, а также поддержка инициатив тюркского сотрудничества, направленных на укрепление гуманитарных связей и формирование позитивного образа страны в регионе.

Для глубокого и системного анализа евразийской региональной политики Казахстана необходимо использовать категорию индикаторов евразийского регионализма, которые позволяют структурировать понимание интеграционных процессов, выявить доминирующие тренды для адаптации многовекторной внешней политики РК к условиям фрагментированной Евразии.

Так, индикатор формирования устойчивой геополитической и геоэкономической архитектуры позволяет проанализировать не только роль ключевых акторов, которые продвигают собственные региональные форматы, как ЕАЭС, ШОС, С5+1, но и оценить системные ограничения и возможности дипломатических манёвров для РК.

Индикатор разнообразия моделей сближения характеризирует институциональную гибкость региона от более институционализированных и формализованных механизмов (ЕАЭС) до более гибких форматов сотрудничества (ШОС ОТГ). В этих условиях становится очевидной возможность для Казахстана адаптировать своё участие в региональных

форматах в зависимости от своих национальных интересов и на основе многовекторной внешней политики.

Индикатор экономической взаимозависимости необходим для оценки ресурсного и транзитного потенциала Республики Казахстан. Данный анализ необходим для выявления перспективных направлений экономической интеграции.

Культурно-цивилизационный индикатор нужен для оценки использования нарративов общей истории, языка, идентичности для легитимации интеграционных процессов.

Индикатор общих угроз и вызовов позволяет анализировать участие Казахстана в региональных инициативах по безопасности. Следует отметить, что Казахстан стремится расширить спектр своего участия в сфере безопасности вне рамок постсоветского пространства. Эта политика основана на дипломатическом балансе и необходимости технологического обновления сферы обороны, а также укрепления связей с различными центрами силы, как США, КНР, ЕС, Турция [90, 58].

Индикатор нормативной легитимации объясняет участие страны в форматах регионализации, основанной не столько на экономической выгоде и прагматизме, сколько на ценностной, культурно-цивилизационной общности. Примерами являются концепция Большой Евразии, тюркская идентичность, китайская концепция «Сообщество единой судьбы» и др. Авторитарные режимы всё активнее используют транснациональные механизмы для продвижения альтернативных норм.

Таким образом, использование системы индикаторов евразийского регионализма необходимо для комплексного анализа внешнеполитической стратегии Казахстана в Евразии. Такой анализ объясняет не только существующую ситуацию, но и даёт возможность выявить перспективные тренды с учётом национальных интересов и глобального развития.

2 ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

2.1 Роль Казахстана в условиях трансформации регионального порядка

Целью данной главы является анализ роли Казахстана в условиях трансформации регионального порядка через призму его участия в различных евразийских интеграциях, кооперациях, форматах. В рамках исследования рассматриваются структурные особенности ключевых региональных организаций (ЕАЭС, ШОС), а также альтернативные форматы сотрудничества (ОТГ, СВМДА, С5+1) с акцентом на роль Казахстана. Как отмечают авторы статьи, «подходы к евразийскому регионализму с новой перспективы позволяют рассматривать Казахстан не только как участника постсоветского пространства» [174]. Проблематика главы анализируется через призму уровневого подхода (макро-, мезо- и микроуровни). Такой подход позволит выявить на каком уровне РК в большей степени достигает своих целей по защите национальных интересов, экономическому развитию, укреплению своей субъектности.

Евразийский регионализм представляет собой комплекс политических, экономических, институциональных и культурных процессов, которые направлены на формирование устойчивых форм взаимодействия между государствами и гражданскими обществами. В частности, подчёркивается, что «международное сотрудничество и интеграция являются стратегическими элементами внешней политики и экономического развития Казахстана» [174]. Данные действия являются ответом стран-участниц на региональную нестабильность, экономическую взаимозависимость, вызовы глобализации и т.п.

Для анализа заданной в диссертации проблематики, автор диссертационной работы опирается на теории, концепции, как классический и новый регионализм, теория больших и малых государств, межгосударственный институционализм и конструктивизм. Такой подход позволяет анализировать различные аспекты процессов регионализма и регионализации, как уровень институционализации, экономические, социальные, культурные аспекты взаимодействия, различный уровень стран-участниц, отличие их политических режимов и т.д. Данные теории позволяют анализировать евразийский регионализм не только как продукт межгосударственных соглашений, но и как результат стратегического выбора стран, их адаптивных практик.

На практике евразийский регионализм проявляется в таких формах, как институционализированные интеграционные объединения с формальной правовой базой, органами управления, механизмами регулирования, возможной трансформацией экономических связей в политические. Диалоговые платформы и координационные форматы, которые обеспечивают гибкий диалог без обязывающих механизмов. Сетевые инициативы и инфраструктурные

проекты, которые включают транспортные, логистические, энергетические и цифровые связи, оформленные в виде проектов и партнёрств. Культурно-гуманитарные и цивилизационные форматы, направленные на укрепление идентичности, общности, развитие мягкой силы, функциональные коалиции и временные альянсы, которые создаются для решения конкретных проблем в области безопасности, климата, водных ресурсов и др.

В условиях расширяющейся регионализации и меняющегося формата международных отношений участие государства в этих процессах приобретает сложный характер. Республика Казахстан демонстрирует эффективную политику адаптации к меняющейся геополитике и геоэкономике. В центре этой стратегии находится поиск балансов между региональными обязательствами и национальными интересами в военно-политической, торгово-экономической и культурной сферах.

Особенность казахстанского подхода заключается в том, что он может участвовать одновременно в различных форматах интеграции и кооперации. Это позволяет использовать плюсы схожих и даже конкурирующих объединений, повышая стратегическую гибкость и минимизируя риски. В научной литературе подчёркивается, что «Концепция многовекторной внешней политики является фундаментальным принципом внешнеполитической стратегии Казахстана. Она выражает стремление к многостороннему взаимодействию на мировой арене» [172].

Современные реалии геополитики и геоэкономики формируют полицентричные модели евразийского регионализма, что означает отсутствие одного доминирующего центра. В Евразии формируется сеть перекрёстных, параллельных, сосуществующих и конкурирующих интеграционных, кооперационных инициатив. При этом исследователи отмечают, что «страны Центральной Азии имеют собственные интересы и приоритеты и не являются просто пешками в соперничестве великих держав» [172]. Крупные региональные страны формируют собственные форматы взаимодействия в сфере экономики, торговли, логистики, энергетики и культуры. На этих направлениях активизируются Китай, Индия, Турция. Также в эти процессы вовлекаются и внешние акторы, как США, Япония, Южная Корея, которые усложняют евразийский регионализм.

В данном контексте малые и средние государства типа Казахстана получают возможность не только балансировать и адаптироваться к меняющейся геополитике, но и использовать механизмы для того, чтобы участвовать в формировании повестки дня интеграционных и кооперационных образований и платформ. Это соответствует теориям межуровневого регионализма и нового регионализма, согласно которым регион является открытой средой, где взаимодействуют различные акторы, как государства, международные организации, ТНК, субрегиональные альянсы и частные участники.

Новый регионализм подчёркивает, что регионализм и интеграция не всегда строятся по модели Европейского Союза. При этом экономика и

безопасность не являются основной причиной интеграции и кооперации. Регионализм представляет собой множественный процесс, включающий экономические, политические, культурные, экологические взаимные интересы. В таких условиях государства могут участвовать сразу в нескольких интеграционных и кооперационных структурах. Этот процесс доказывает, что новый регионализм имеет многоуровневый и многослойный характер.

Так, евразийский регионализм демонстрирует, что в современных условиях регионы формируются не только сверху вниз, но и снизу вверх. При этом интеграция и кооперация не обязательно формируются вокруг одного ядра: их может быть несколько, а интересы и инициативы проявляются на трёх уровнях (микро-, мезо- и макро-), что позволяет государствам адаптировать свою внешнюю политику к меняющимся условиям.

Казахстан на практике демонстрирует именно такую политику, одновременно являясь членом ЕАЭС, ШОС, ОТГ и других форматов. Эти форматы не связаны институциональными, нормативными связями. Это позволяет Казахстану не зависеть от одного центра силы.

Таким образом, через призму нового межуровневого регионализма следует анализировать евразийскую политику Казахстана, который стремится усиливать свою субъектность в международных отношениях. Астана не просто адаптирует чужие правила, но и стремится институционализировать свои инициативы и интересы. Примером может служить инициатива по формированию зелёных коридоров ШОС, устойчивой транспортной инфраструктуры в рамках Среднего коридора, созданию региональных механизмов по водным и климатическим вопросам, развитию цифровой торговли в рамках ЕАЭС.

РК также демонстрирует способность интегрироваться в деятельность различных организаций; умение выстраивать асимметричные отношения с региональными и нерегиональными государствами в рамках своей многовекторной внешней политики. При этом Казахстан стремится превратить эту асимметрию в преимущества для себя. Это проявляется в стремлении стать узлом сопряжения интересов различных стран и организаций, т.е. стать центром глобальных логистических, экономических, энергетических связей. Этому способствует ресурсный, уникальный транзитный потенциал страны и культурная роль в Евразии. Многовекторная внешняя политика Казахстана укладывается в рамки прагматичного нового регионализма и становится механизмом расширения пространства для манёвра.

Таким образом, современная евразийская реальность характеризуется множеством акторов, пересечением интересов, форматов взаимодействия. Это требует новой методологии, основанной не только на традиционных геополитических и геоэкономических подходах, но и междисциплинарном и комплексном понимании процессов, имеющих институциональные (правила, структуры, механизмы), функциональные (торговля, логистика, экология, энергетика), а также социокультурные (мягкая сила, идентичность, ценностные ориентиры) компоненты. Поэтому подходы с позиций конструктивизма, нового

регионализма позволяют выйти за рамки государственно-центристской концепции.

Такой анализ позволит выявить возможность Казахстана формировать и реализовывать прагматичную адаптивную и многовекторную внешнюю политику, которая позволяет лавировать между различными форматами евразийского регионализма, защищать национальные интересы в условиях меняющейся геополитики.

В этом контексте Казахстан обладает всеми характеристиками для того, чтобы стать естественным транзитным звеном между крупнейшими экономическими центрами мира. Свой транзитный потенциал РК использует как инструмент экономической и геополитической независимости [4].

Развитие транзитного потенциала страны является важнейшим приоритетом и отражено в стратегических документах РК [2, 4]. Этот приоритет выражается в следующих целях: укрепление Казахстана как Евразийского моста между Востоком и Западом; формирование устойчивых и взаимовыгодных внешнеэкономических связей; привлечение инвестиций в данную сферу; расширение участия в международных транспортных коридорах. В качестве реализации данной стратегии можно привести участие в инициативе «Пояс и путь», Средний коридор, Программа ЕС «Глобальные ворота», «Центральная Азия-Южная Азия» и др. [2, 82].

Такая стратегия способствует доступу к международным рынкам и логистическим хабам, гармонизации стандартов и процедур, достижению инфраструктурной совместимости, повышению доверия со стороны партнёров и укреплению дипломатической субъектности РК.

По официальным данным министерства транспорта Республики Казахстан в 2023 г. объём грузоперевозок через территорию страны составил 32 млн. тонн. Эта цифра достигнет 35 млн. тонн к 2029 г. Транзит по Северному и Среднему коридорам набирает скорость и 2023-2024 гг. составил 26 млн. тонн, что на 65 процентов больше, чем в предыдущие 2 года [103]. В 2025 г. Казахстан участвует в 13 транспортных коридорах, включая железнодорожные и автомобильные [112].

Помимо транзитного потенциала в рамках евразийского регионализма ключевыми элементами являются энергетика, цифровизация, климатическая повестка и др. Во-первых, энергетический потенциал играет важную роль в укреплении геоэкономической субъектности страны. Это проявляется в возможности РК участвовать в формировании новых энергетических маршрутов. Участие РК в энергетическом сотрудничестве в рамках ЕАЭС, ШОС [57], переход к зелёной экономике делают страну значимым энергетическим партнёром в евразийском пространстве. В частности, исследователи отмечают, что «отражая положение Стратегии «Казахстан-2050» о том, что «эпоха углеводородной экономики подходит к концу», развитие альтернативной и зелёной энергетики стало одним из направлений государственной политики Казахстана» [173].

Во-вторых, внедрение цифровой таможни, электронной логистики, участие в проектах по кибербезопасности позволяют Казахстану усиливать свои позиции в новых секторах евразийской интеграции и кооперации.

В-третьих, Казахстан, продвигая инициативы по решению водной проблемы в Центральной Азии, формирует новые функциональные коалиции и формы взаимодействия в рамках евразийского регионализма. Так, в рамках центральноазиатского водного диалога Республика выступает инициатором платформы по согласованию политики распределения трансграничных водных ресурсов между странами региона. В 2023 году был организован Центральноазиатский форум по устойчивому водному управлению. Целью форума является создание диалоговой площадки для поиска механизмов по совместному управлению бассейнами рек Амударья и Сырдарья с участием всех пяти стран региона.

В-четвёртых, важную роль в евразийском регионализме играет культурно-цивилизационный аспект. Он проявляется в продвижении идей диалога цивилизаций, проведении Конгресса лидеров мировых и традиционных религий [106], реализации международных образовательных программ (например, «Болашақ»), а также в развитии культурного сотрудничества в рамках ОТГ. В совокупности это способствует включению страны в гуманитарные региональные сети.

2.2 Институциональные формы регионального сотрудничества

2.2.1 Казахстан и ЕАЭС: институциональные пределы Союза в контексте евразийского регионализма

Несмотря на то, что ЕАЭС является одной из самых формализованных, имеющих экономические структуры, интеграцией, не следует отождествлять евразийский регионализм с ЕАЭС, что сужает возможности его анализа. ЕАЭС не может претендовать на универсальный характер предлагаемой интеграции для всей Евразии из-за целого ряда существующих проблем: ограниченное членство, структурные проблемы и характер интеграционных процессов. Евразийский экономический союз представляет собой гибридную форму региональной интеграции.

Одним из аргументов универсальности ЕАЭС в евразийском регионализме является географическая и институциональная ограниченность. Это противоречит амбициозным заявлениям сторонников Большой Евразии о трансрегиональном характере интеграционного пространства [49].

На практике ЕАЭС включает только постсоветские страны, не охватывает такие центры силы, как Китай, Индия, Турция и др. Эти центры силы играют важную роль в евразийском регионализме, так как формируют собственные проекты, как инициатива «Пояс и путь» или ОТГ, в которых участвуют и члены ЕАЭС, и государства постсоветского пространства. Различные

внешнеполитические ориентиры этих стран свидетельствуют об ограниченности ЕАЭС по масштабу и охвату. Так, Грузия, Украина и Молдова, несмотря на общие исторические, культурные и экономические связи с Россией и другими странами бывшего СССР, демонстрируют желание интегрироваться с Западом в рамках Восточного партнёрства и Соглашениях об ассоциациях, стремясь получить членство в Европейском Союзе и НАТО.

Такие страны, как Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан либо не имеют членства в ЕАЭС, либо демонстрируют слабую заинтересованность в этой интеграции. Такую позицию можно объяснить экономическими и политическими причинами. Несмотря на экономическую взаимозависимость от России, эти страны стремятся защитить, насколько это возможно, свой рынок. В политическом плане они избегают привязанности и зависимости от одного единственного центра и стремятся проводить многовекторную внешнюю политику (Узбекистан) либо оставаться на позиции нейтралитета (Туркменистан).

Таким образом, Евразийский экономический союз не охватывает все государства, особенно центры силы, что не является характеристикой его универсальности, как интеграционного проекта для всей Евразии.

В этом контексте сведение евразийского регионализма исключительно к ЕАЭС представляется упрощённым подходом. Этот подход не учитывает многообразия интеграционных и кооперационных процессов, происходящих в Евразии. Уже упомянутые в первой главе индикаторы евразийского регионализма выходят далеко за рамки ЕАЭС и включают экономический, геополитический, культурно-цивилизационный и другие характеристики.

Такой упрощённый подход также игнорирует наличие параллельных или альтернативных процессов, происходящих в Евразии, как ШОС, ОТГ, С5+1 и др. Эти объединения выполняют различные функции от экономического сотрудничества, обеспечения безопасности до развития инфраструктурных и логистических проектов с вовлечением крупнейших экономик Евразии.

Сложный характер процессов евразийского регионализма требует межуровневого (микро-, мезо- и макроуровень) и межсекторального (экономика, торговля, безопасность, энергетика) анализа.

Такой подход поможет оценить стратегии, которые реализует Казахстан с целью выстраивания гибкой модели участия в различных траекториях. Участие в различных интеграциях, кооперациях и союзах позволяет РК проводить политику, основанную на прагматизме и избирательном участии. Это означает выбор тех форматов, которые отвечают национальным текущим интересам страны с целью адаптироваться к меняющейся геополитике и геоэкономике вокруг региона и в мире в целом, а главное сохранить субъектность в условиях конкуренции интеграционных и кооперационных процессов в Евразии.

Внутренние ограничения ЕАЭС также не позволяют Союзу выступать в роли главного или основного центра евразийского регионализма. В целом, участвуя в институционализации в рамках ЕАЭС, государства-члены демонстрируют различия в уровнях политической воли, институциональной

приверженности, стратегических интересов. Это не позволяет сформировать устойчивый, всеобъемлющий интеграционный проект на евразийском пространстве.

Внутренние ограничения ЕАЭС носят комплексный характер и потому не позволяют Союзу претендовать на роль главного центра евразийского регионализма. Во-первых, институциональная архитектура по-прежнему остаётся преимущественно межправительственной: полномочия наднациональных органов ограничены, механизмы принуждения к исполнению слабые, а право на исключения и оговорки широко используется. В результате не совпадают темпы и глубина имплементации единых правил: часть норм де-факто применяется с задержкой или в урезанном виде, что воспроизводит «регуляторный разбой» внутри общего рынка.

Во-вторых, на уровне экономической практики сохраняются нетарифные барьеры, чувствительные национальные ограничения в стратегических отраслях (энергетика, транспорт, агросектор), а также различия в промышленной политике. Объявленные цели по углублению общих рынков (включая энергетику и услуги) неоднократно сталкивались с перенастройкой сроков и параметров. Это снижает предсказуемость деловой среды и ограничивает потенциал ЕАЭС как «собирающего» центра регионализации для третьих стран.

В-третьих, асимметрия экономических масштабов и внешнеполитических условий подталкивает государства-члены к разным стратегиям адаптации к внешним шокам. Санкционная турбулентность, изменения логистики и платёжных цепочек усилили разнобой мер экономической безопасности и контроля риск-комплаенса. На макроуровне проявляются различия стратегических интересов и степени политической воли: одни партнёры заинтересованы в глубокой либерализации и экспорте стандартов, другие – в защите внутреннего рынка и избирательной интеграции. На микроуровне социальная легитимность интеграции неоднородна, что сужает пространство для долгосрочных компромиссов.

В сумме это формирует модель «переменной геометрии»: ЕАЭС остаётся полезной платформой экономической координации и снижения транзакционных издержек, но пока не конвертирует институциональную базу в устойчивый, всеобъемлющий интеграционный проект для широкой Евразии. Полицентричность регионализма, конкурирующие форматы (ШОС, ОТГ, инициатива «Пояс и путь», двусторонние соглашения) и разнонаправленные внешние акторы государств-участников объективно ограничивают притягательность ЕАЭС как единственной опорной конструкции и закрепляют за ним роль одного из узлов, а не якоря евразийской архитектуры.

Асимметрия экономического потенциала стран-членов ЕАЭС, которая не только снижает эффективность интеграции, но и влияет на восприятие государствами-членами Союза. По состоянию на 2024 г. доля России в обеспечении ВВП ЕАЭС составляла 85%. В сравнении доля Казахстана и Белоруссии всегда была всего 6-7%, Кыргызстана и Армении 0,5-1% [73].

Асимметрия в таких больших пропорциях приводит к доминированию России, которая определяет не только формирование общих стандартов и регулирование общих институтов, но и выработку стратегии развития Союза. Несмотря на геополитические перемены в мировой политике, в 2022 г. внешнеторговый оборот России со странами-членами составил 31,1 млрд. что превышает совокупный объём торговли между остальными членами [77]. Россия также остаётся основным инвестором в экономики стран-участниц ЕАЭС. Например, в Казахстане в 2023 г. российские инвестиции составили 18 млрд. долларов США [74].

Эта асимметрия делит страны-участницы на доминирующих и подчинённых участников. Например, Армения и Кыргызстан обладают ограниченным влиянием на принятие решений внутри Союза. Это снижает их внешнеполитическую автономию.

В академической литературе для описания асимметричных интеграционных форматов нередко используется понятие «младшие партнёры» - государства, которые при формально консенсусных процедурах обладают ограниченной способностью задавать повестку и чаще выступают правоприменителями в вопросах тарифной политики, нетарифного регулирования и внешнеэкономических соглашений. В рамках ЕАЭС к этой категории обычно относят меньшие по масштабам экономики/страны, прежде всего Армению и Кыргызстан: участвуя в принятии решений, они сравнительно реже инициируют ключевые изменения в таможенно-тарифном режиме и техническом регулировании, адаптируясь к уже согласованным на союзном уровне рамкам.

Такое распределение ролей согласуется с выводами теории иерархии и асимметричных союзов: акторы с меньшим экономическим и институциональным ресурсом получают доступ к выгодам интеграции (расширенный рынок, единые стандарты, «зонтичные, внешнеторговые договорённости»), но уступают повесткообразующую функцию более крупным участникам, обладающим большим весом и административной ёмкостью для продвижения новых правил.

Такой тип сотрудничества укладывается в теории реализма и неореализма, мир-системного анализа Валлерстайна [188], которые можно трактовать как центр-периферийные отношения. Одно из первых исследований подобного рода отношений в постсоветских странах анализируется в работах американского политолога Филиппа Редера и др. зарубежных экспертов [213].

Основные характеристики патрон-клиентских отношений присутствуют в рамках ЕАЭС. Асимметрия власти, когда гегемон в лице России устанавливает правила, а клиенты в лице других государств-членов вынуждены адаптироваться к этим правилам. Например, внедрение цифровой маркировки товаров продвигалась Россией, была впервые внедрена на её территории. Несмотря на принцип консенсуса в принятии решений и на обеспокоенность Армении и Кыргызстана технической неподготовленностью и зависимостью от

российского оператора, Москва продвигает свою модель в качестве общепринятого стандарта.

ЕАЭС может получить краткосрочные выгоды от унификации правил и снижения трансакционных издержек – прежде всего через лучшую прослеживаемость товарных потоков, борьбу с контрафактом и сопоставимость статистики. Формально решения принимаются консенсусом, но фактически повестка формируется «старшим партнёром» за счёт контроля над критической инфраструктурой, экспертными ресурсами и экспорта регуляторных стандартов. Пример с цифровой маркировкой показателен: техническая и нормативная архитектура сначала закрепляется на национальном уровне в России, после чего транслируется как общеобязательная для всего союза, даже если часть членов выражает озабоченность собственными техническими ограничениями и зависимостью от единого оператора.

Для «младших партнёров» последствия амбивалентны. С одной стороны, появляется эффект масштаба и возможность ускоренной модернизации путём подключения к готовым платформенным решениям. С другой – формируются блокирующие эффекты: технологическая привязка к конкретному стандарту и поставщику, рост издержек переподключения, уязвимость из-за концентрации данных и инфраструктуры вне национальной юрисдикции. Дополнительно усиливаются неформальные механизмы контроля – от селективного правоприменения до «связывания» технических регламентов с торговыми и политико-безопасностными вопросами, что позволяет перераспределять издержки адаптации в пользу центра и извлекать ренту через исключения и льготы.

Смягчить асимметрию и сохранить цифровой суверенитет возможно при соблюдении нескольких условий. Во-первых, поэтапное внедрение общих стандартов должно опираться на прозрачные критерии готовности и внешний технический аудит. Во-вторых, необходимы совместимость и взаимное признание решений (открытые интерфейсы, возможность моделей с несколькими операторами, отсутствие эксклюзивности для единственного провайдера). В-третьих, критичные данные и элементы инфраструктуры целесообразно локализовать или распределять между юрисдикциями союзников. В-четвёртых, следует ввести компенсационные механизмы: фонд адаптации для МСП, субсидирование переходных затрат и программы наращивания национальной экспертизы.

Иными словами, патрон-клиентская логика не отменяет интеграцию, но задаёт траекторию. Чем убедительнее «младшие партнёры» институционализируют предохранители и «пакеты» встречных уступок, тем выше вероятность, что единые стандарты будут функционировать как общедоступное благо, а не как инструмент закрепления зависимости внутри ЕАЭС.

Помимо асимметрии в рамках ЕАЭС также проявляется и другая характеристика патрон-клиентских отношений в ключевых областях, как экономическая сфера. Так, например, возрастает экспортная ориентация на

Россию таких стран, как Кыргызстан. Если посмотреть на динамику после пандемии в 2019 г. доля экспорта РФ составляла 20%. В 2023 г. более 30% экспорта направлялось в Россию. Для Армении эта цифра составила 25% [130]. В 2024 г., в первом квартале 2025 г. 88% экспорт российского золота проходил через Армению, что свидетельствует о структурной зависимости от российского товарного потока [87].

Всё это свидетельствует о том, что РФ становится главным внешнеэкономическим партнёром, что затрудняет экономическую и торговую диверсификацию для младших партнёров, а также создаёт санкционные риски, нестабильность в курсах валют и изменения в торговом регулировании.

Во внешнеполитической сфере патрон-клиентские отношения проявляются в ограничении автономии младших партнёров возможности проводить самостоятельную внешнюю политику, так как существует зависимость от страны-патрона в экономической, торговой и инвестиционной сфере, а также в области безопасности. Например, вынужденная солидарность в рамках международных организаций. Так, в рамках ООН Беларусь почти всегда голосует в унисон с Россией, что отражает глубокую политико-экономическую и военную зависимость от РФ в рамках союзного государства. Казахстан и Кыргызстан воздерживаются от голосования по вопросу российско-украинского конфликта, что отражает многовекторный характер внешней политики.

Компенсации также демонстрируют патрон-клиентские отношения. В рамках ЕАЭС это является отражением асимметрии, когда страна-патрон сохраняет влияние, а государства-клиенты обеспечивают себе необходимый им ресурс. Так, Беларусь получает от РФ нефть и газ по льготным ценам для союзников. Кыргызстан получает безвозмездную помощь от Москвы. В 2017 г. РФ списала долг Кыргызстану в сумме 240 млн. долларов, а также спонсировала модернизацию энергетического сектора страны [131].

Особую роль в отношениях с Россией играет вопрос о трудовой миграции. Миграционное сотрудничество выступает важным фактором сближения государств-членов ЕАЭС. Российский рынок остаётся основным направлением для мигрантов из стран Центральной Азии. В рамках ЕАЭС трудовая миграция имеет как преимущества, так и риски. Денежные переводы от трудовых мигрантов из Кыргызстана и Армении составляют 30% от ВВП, снижая социальное напряжение внутри стран-отправителей [84].

Однако такая зависимость от миграционных переводов несёт определённые риски. Экономическая нестабильность, ухудшение отношения к мигрантам в России, колебания валют могут сократить объём переводов, что будет негативно отражаться на положении стран-отправителей.

Учитывая все вышеперечисленные ограничения, которые не позволяют ЕАЭС выступать в роли универсальной и главной интеграции в евразийском регионализме, следует остановиться на нескольких ключевых факторах, позволяющих Казахстану вести прагматичную и неполитизированную политику в рамках ЕАЭС.

Одним из ключевых факторов является экономическая самодостаточность, которая обеспечена богатыми природными ресурсами; макроэкономическая устойчивость; развитая финансово-институциональная структура. Так, Казахстан обладает обширными запасами ключевых энергоносителей и стратегических ископаемых. По состоянию на 2024 г. Казахстан входил в число мировых лидеров по добыче нефти (30 млрд. баррелей подтверждённых запасов) [85].

Первое место в мире по добыче урана позволяет национальной компании «Казатомпром» обеспечивать поставки на рынки КНР, ЕС, США и Японии. Это минимизирует зависимость от инфраструктуры ЕАЭС. Традиционно большая часть экспорта, в том числе и урана, происходит через российские железные дороги и порты, что создаёт риски зависимости, особенно в условиях санкций. Эта зависимость является проблемой для Казахстана, как крупного экспортёра урана и играет важную роль в глобальной энергетической безопасности. Поэтому геополитическое значение запасов урана для Казахстана подчёркивает необходимость стратегической диверсификации экспортных маршрутов, связанных с чрезмерной зависимостью от РФ.

Казахстан обладает подтверждёнными запасами редкоземельных металлов. Месторождения РЗМ входят в Атбасар-Джезказган-Шуский медный пояс. РК может стать поставщиком критических ресурсов в условиях конкуренции за контроль над цепочками поставок редкоземельных металлов. Добыча и, в особенности, переработка РЗМ способствует уходу от сырьевой зависимости, а также усиливает экономический суверенитет Республики Казахстан.

Наличие РЗМ помогает избежать зависимости от одного центра силы. Так, в 2023 г. Казахстан подписал Меморандум о взаимопонимании по развитию стратегического партнёрства в области устойчивых цепочек поставок критически важных сырьевых ресурсов, включая редкоземельные металлы [17].

Особую роль в укреплении экономической автономии Казахстана играет деятельность Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) [5], который был официально открыт в 2018 г. именно с целью укрепления экономической диверсификации и экономической независимости РК. МФЦА функционирует в рамках специального правового режима, основанного на принципах английского общественного правового режима, с независимой судебной системой и международным арбитражем, что делает его уникальным прецедентом на постсоветском пространстве. МФЦА представляет альтернативный вариант доступа к международному капиталу, минуя геополитические, санкционные и валютные риски, связанные с ограничениями в рамках ЕАЭС. Через МФЦА Республика Казахстан может интегрироваться в глобальные финансовые рынки, усиливая многовекторную внешнюю политику и международную субъектность государства.

Членство Казахстана в ВТО в 2015 г. обеспечило стране институциональный доступ к глобальной системе правил и стандартов, регулирующих международную торговлю, что существенно расширило

возможности страны по выходу за рамки ограниченного экономического пространства ЕАЭС.

Так, например, РК получила возможность использовать механизмы разрешения споров для защиты своих национальных интересов в случае торговых конфликтов с другими государствами, включая членов ЕАЭС. Членство в ВТО позволяет РК участвовать в многосторонних переговорах по либерализации торговли и обеспечивает выход на мировые рынки независимо от участия в евразийских интеграционных процессах. Например, Астана расширяет сотрудничество с КНР, странами Юго-Восточной Азии и европейскими странами. Нормы транспарентности ВТО по торговой политике положительно влияют на инвестиционный климат и снижают риски для зарубежных инвесторов. Это повышает конкурентоспособные возможности страны по сравнению с другими членами ЕАЭС.

Таким образом, членство в ВТО символизирует переход от мезоуровня регионального взаимодействия в рамках ЕАЭС к макроуровню глобальной торговой интеграции. Членство в ВТО позволяет Казахстану выстраивать более гибкую внешнеэкономическую стратегию, минимизировать риски зависимости от одного партнёра, тем самым повышая свою институциональную и торговую зависимость.

Геополитическая многовекторность является важным стратегическим инструментом для того, чтобы не замыкаться в рамках ЕАЭС. Во-первых, это возможность участия РК в различных международных, региональных и межрегиональных организациях и диалоговых площадках. Казахстан активно участвует в работе ШОС, ОТГ, С5+1, а также глобальных организациях, как ООН, ВТО, ОБСЕ и др. Такой институциональный плюрализм позволяет Казахстану не замыкаться в рамках одного направления и расширять внешнеполитическое и внешнеэкономическое пространство. Во-вторых, это развитие альтернативных экономических направлений. Например, экономическое сотрудничество РК с КНР в рамках китайской инициативы «Пояс и путь». Уже в 2023 г. объём товарооборота между РК и КНР превысил товарооборот между РК и РФ. Казахстан расширяет экспортные поставки в страны ЕС. В 2023 г. 21% от всего поставляемого в Союз урана было поставлено из Казахстана [78].

Инфраструктурная диверсификация означает, что Казахстан стремится выйти за рамки логистической зависимости от России и расширить свои экономические и торговые возможности. В условиях геополитической турбулентности, санкционной политики и проблем с традиционными маршрутами, Казахстан предпринимает меры по диверсификации направлений транзита и торговли. Такая политика позволяет, во-первых, снизить транспортные риски, связанные с монополией одного партнёра. В условиях, когда большая часть транзитных перевозок осуществляется через российскую территорию, в новой геополитике страна сталкивается с целым рядом вызовов от политической до санкционной нестабильности и логистических ограничений. Например, некоторые грузы казахстанского происхождения,

проходящие через Россию, задерживались на границе европейских стран для выяснения происхождения товара.

Логистические ограничения также являются частью разделённых рисков для РК. Задержка на железнодорожных пограничных переходах наблюдалась в 2022-2023 гг. Задержка транзита казахстанских грузов по маршрутам Казахстан-Россия-Европейский Союз. Так, например, на станциях Брест (Беларусь) и Забайкальск (граница с Китаем) из-за санкций увеличилось время оформления и обработки казахстанских и др. грузов [133].

Эти логистические проблемы усиливают необходимость для Казахстана диверсифицировать транспортные маршруты для того, чтобы снизить зависимость от инфраструктурных ограничений российских коридоров.

Однако все эти разделённые риски и геополитическая ситуация вокруг региона ЦА не означает отход Казахстана от сотрудничества и партнёрства с Россией в ряде приоритетных областей. Основными ключевыми областями являются энергетическая сфера и область безопасности. Россия остаётся одним из крупнейших торговых партнёров и инвесторов в экономику Казахстана.

Прежде всего, это стратегически важное направление сотрудничества между РК и РФ в области энергетики. Так, каспийский трубопроводный консорциум транспортирует около 80% нефти из Казахстана от Тенгиза к терминалу в Новороссийске, далее - к мировым рынкам.

В 2025 г. Казахстан увеличил экспорт через КТК на 12%, достигнув 64,8 млн. тонн нефти. По нефтепроводу КТК прокачивается около 80% всей экспортной нефти Казахстана [125]. Транзит нефти и нефтепродуктов остаётся важной сферой экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией [18]. Сохранившаяся после распада СССР общая нефтепроводная система не была рассчитана на транзит нефти в обход РФ. КТК остаётся основой казахстанско-российского сотрудничества, а также сеть железных дорог, по которым происходит отгрузка нефтепродуктов. Таким образом, на сегодняшний день варианты транспортировки нефти вне России остаются неэффективными и дорогостоящими.

Сохраняющееся значение российско-казахстанского сотрудничества в энергетической сфере подтвердил визит президента В.В. Путина в Астану в 2024 г. Несмотря на усилия Астаны по диверсификации внешнеэкономических связей и укреплению многовекторности внешней политики, казахстанская зависимость по-прежнему сохраняется в вопросах экспорта энергоресурсов.

Россия и Казахстан продолжают укреплять энергетическое сотрудничество, обсуждая совместные проекты по разработке нефтегазовых месторождений, поставкам и транзиту углеводородов, газификации регионов Казахстана российским газом, а также строительству ТЭЦ и развитию ВИЭ. Взаимодействие в энергетике носит стратегический характер как в традиционных, так и в перспективных отраслях энергетики.

2.2.2 Евразийский регионализм ШОС: институты, возможности и ограничения

В отличие от ЕАЭС, институционализированной структуры, ШОС является более гибкой, слабо институционализированной моделью сотрудничества, которая не предполагает наличие наднационального регулирования и жёсткой правовой базы. Деятельность Организации базируется на межгосударственных соглашениях. Принятие решений осуществляется на основе консенсуса. Устав ШОС [56] декларирует в качестве принципов: уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела государств-членов, отказ от навязывания единых стандартов развития. Это происходит из-за политико-экономического разнообразия участников, среди которых есть крупные державы (Китай, Россия, Индия), а также малые и средние государства (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и др.), находящиеся на разных уровнях экономического развития и имеющие отличные модели внутреннего управления.

Такая ситуация требует более гибкой дипломатии и многостороннего диалога, который будет учитывать многообразие национальных интересов и внешнеполитических стратегий.

Для стран ЦА такой формат особенно актуален по следующим причинам:

Во-первых, возможность вести сбалансированную внешнюю политику без жёсткой привязки в одному центру силы. Такая возможность объясняется тем, что в ШОС отсутствуют жёсткие обязательства, ограничивающие внешнеполитические связи стран-участниц. Принцип невмешательства также позволяет государствам самостоятельно выстраивать связи с внешними акторами. ШОС также не навязывает политические модели развития. Например, страны ЦА проводят многовекторную внешнюю политику, чему не препятствует членство в ШОС.

Во-вторых, ШОС представляет возможность странам региона рамочные условия для реализации совместных проектов без жёстких обязательств. Это означает, что государства могут вовлекаться в эти проекты по мере своих возможностей и интересов. Так, например, ШОС выступает как платформа для координации усилий в борьбе с транснациональной преступностью, как терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм, наркотрафик и организованная преступность.

ШОС представляет собой гибкую площадку для взаимодействия государств региона в формате, не предполагающем жёстких обязательств. Такой подход позволяет странам-участницам вовлекаться в совместные инициативы в соответствии со своими национальными интересами и возможностями. Особое значение в рамках ШОС имеет координация усилий в противодействии транснациональным угрозам, таким как терроризм, экстремизм, сепаратизм, незаконный оборот наркотиков и организованная преступность.

Ключевым механизмом, обеспечивающим реализацию антитеррористической повестки ШОС, выступает Региональная антитеррористическая структура (РАТС), штаб-квартира которой расположена в Ташкенте. В рамках РАТС регулярно проводятся совместные учения и

оперативно-профилактические мероприятия, направленные на повышение уровня взаимодействия между компетентными органами государств-членов.

В 2019 г. в Казахстане прошли учения «Сары-Арка – Антитеррор - 2019» [139], где отрабатывалась нейтрализация вооружённых террористических формирований с использованием современных технологий. Ежегодно проводятся и масштабные манёвры «Мирная миссия»: в 2021 г. на территории России учение «Мирная миссия - 2021» с участием восьми государств ШОС были посвящены освобождению населённого пункта, захваченного условными террористами, и требовали тесной координации вооружённых сил [139]. В Таджикистане в 2023 г. учения «Рубеж - 2023», направленные на укрепление границ и предотвращение проникновения террористических группировок [139].

Таким образом, РАТС ШОС функционирует как эффективная региональная структура, обеспечивающая согласованное реагирование на транснациональные угрозы в условиях добровольного, но скоординированного участия стран-участниц. Это демонстрирует потенциал ШОС как платформы, способной объединить усилия без необходимости создания наднациональных механизмов или обязательных норм.

Региональные проекты также осуществляются в сфере логистики, развивая инфраструктурную совместимость и участие в трансрегиональных коридорах. Примером является коридор «Западный Китай - Западная Европа» [81], проходящий через страны Центральной Азии и являющийся ключевым проектом в рамках более широкой повестки дня ШОС. Участие в транспортных проектах в рамках ШОС позволяет Казахстану становиться частью евразийской транзитной архитектуры и выходить на рынки Китая, Южной Азии, России и Европы.

Обладая большими запасами углеводородов, Казахстан заинтересован в ШОС как диалоговой площадке по вопросам энергетической безопасности и диверсификации экспорта энергоресурсов. Астана использует ШОС как канал энергетической дипломатии, особенно с такими странами, как Китай и Индия.

В-третьих, ШОС является для Казахстана дипломатической площадкой для продвижения собственных интересов и укрепления международного авторитета.

Будучи государством со сложной геополитической локацией, Казахстан сталкивается с рядом вызовов. Это технологическая зависимость, ограниченный доступ к международному финансированию, дефицит институциональной базы для реализации масштабных проектов. В этом случае ШОС выступает в качестве механизма компенсации этих ограничений.

Технологическая зависимость. ШОС представляет платформу для обмена технологиями. Совместные предприятия, особенно в нефтегазовой промышленности, являются стратегическим подходом к модернизации отраслей производства. В 2025 г. Казахстан предложил создать Альянс технопарков ШОС, в рамках которого страны могли бы обмениваться стартапами и лучшими практиками, координировать поддержку приоритетных

технологических направлений, а также развивать совместные инвестиционные инструменты и инновационные экосистемы.

Ограниченный доступ к международному финансированию. В рамках саммитов ШОС Казахстан выступил за создание Совместного инвестиционного фонда, а также за использование Международного финансового центра «Астана» как центра для финансирования региональных инициатив. На саммите ШОС в июле 2023 г. президент К. Токаев подчеркнул, что МФЦА уже работает с Россией, Китаем, Индией, Узбекистаном и Кыргызстаном, где зарегистрировано более 20% компаний стран ШОС [23].

Дефицит институциональной базы для реализации масштабных проектов. Казахстану сложно самостоятельно запускать крупные международные проекты. Стране не хватает необходимых инструментов (финансовые механизмы, как банки, инвестиционные фонды) и структур (рабочие группы, координационные органы, фонды, агентства), поэтому нужны международные платформы как ШОС для объединения усилий с целью реализации проектов.

Дефицит институциональной базы для реализации масштабных проектов. Казахстан располагает собственными институтами развития, однако для запуска и доведения до стадии, приемлемой для проектного (банковского) финансирования крупных трансграничных инициатив ему системно не хватает масштабных финансовых инструментов (длинные и дешёвые деньги, гарантийные окна, проектная подготовка) и надёжных координационных структур (постоянные рабочие группы, проектные офисы). Поэтому Астана опирается на международные платформы, прежде всего такие, как ШОС, чтобы агрегировать ресурсы и разделить риски с партнёрами. В институциональном арсенале ШОС для этого существует Деловой совет (консультация бизнеса и экспертиза проектов) и Межбанковский консорциум (МБК ШОС), учреждённый Советом глав правительств в 2005 г. для предоставления финансирования и банковских услуг инвестиционным проектам стран-членов; в его состав входит и Банк развития Казахстана. Эти механизмы создают «тонкую» инфраструктуру координации, но не заменяют полноценного банка развития Организации.

Отсюда – характерная для региона диверсификация источников финансирования: когда нужно перейти от согласованных намерений к стройплощадке, Казахстан привлекает многосторонние банки развития. Так, в 2024 г. Всемирный банк и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций совместно профинансировали проект TRACE (участок Жезказган- Караганда Северного коридора): общий бюджет около 1,53 млрд. долларов США, вклад по 650 млн. долларов со стороны Всемирного банка и АБИИ соответственно [82]. Это типичный пример, когда внешние финансовые организации закрывают дефицит длинного капитала и проектной экспертизы, а политико-дипломатическая «зонтичная» координация осуществляется через региональные форматы.

Похожая логика наблюдалась и раньше: магистраль «Западная Европа – Западный Китай» внутри Казахстана финансировалась траншами Всемирного банка и АБР (проекты South-West /CAREC-1), что позволило модернизировать сотни километров при ограниченности внутренних ресурсов. Здесь международные институты закрывали пробелы в проектировании, экологической и социальной экспертизе, закупках и внешнем мониторинге [81]. Эффективность трансграничных инфраструктурных проектов во многом зависит от качества институционального управления.

Важно отметить, что в самой ШОС вопрос о создании Банка развития ШОС и/или специального счёта обсуждается много лет, но остаётся нерешённым – именно поэтому на практике страны-участницы, включая Казахстан, продолжают опираться на уже работающие глобальные и региональные финансовые организации. Это подтверждается как официальными справками ШОС о текущей архитектуре (где Межбанковский консорциум выступает платформой софинансирования через национальные банки), так и аналитическими обзорами о стагнации идеи ядра банка развития.

РИСКИ. Несмотря на преимущества, участие Казахстана в ШОС сопряжено с рядом рисков.

Политическая асимметрия и конкуренция между ведущими странами-членами ограничивают влияние РК на принятие решений. Лидирующие позиции в ШОС занимают Китай, Россия, Индия и с 2023 г. Иран, которые имеют свои собственные интересы в Организации, порождающие внутреннюю политическую асимметрию. Эти державы формируют повестку для Организации, продвигая собственные интересы.

В рамках ШОС Китай является ключевым партнёром Казахстана, особенно в рамках инициативы «Пояс и путь». Для Казахстана это возможность получать инвестиции в стратегические вектора экономики: транспортную инфраструктуру, логистику и энергетику. Это усиливает позиции страны в качестве транзитного узла между Китаем и Европой. Например, железнодорожный маршрут «Китай - Европа» через Казахстан, включая сухой порт Хоргос на казахстанско-китайской границе.

Этот маршрут является ключевым звеном инициативы «Пояс и путь». В современных исследованиях подчёркивается, что «по сравнению с другими государствами Центральноазиатского региона в рамках инициативы «Один пояс, один путь» подавляющее большинство китайских проектов разрабатывается Казахстаном» [175]. Китайские инвесторы финансируют строительство дорог, логистических центров и терминалов. Энергетические проекты связаны с инвестированием в строительство и модернизацию нефтегазовой инфраструктуры в Казахстане. Китайские компании имеют долевое участие в нефтяных месторождениях и газопроводе «Центральная Азия - Китай», который проходит через казахстанскую территорию, доставляя туркменский газ в КНР [83]. При этом РК получает доход от транзита. Одним из важных направлений является сотрудничество в области индустрии, в рамках

которого реализуются проекты, как строительство заводов, логистических хабов, создание производств по переработке сырья.

Несмотря на позитивные стороны КНР и РК в рамках ШОС и инициативы «Пояс и путь» подобные проекты связаны с ростом устойчивой зависимости от китайских финансовых ресурсов, технологий и менеджмента. Так, например, в рамках инициативы «Пояс и путь» реализуются проекты по строительству высоковольтных линий электропередач ЛЭП «Север-Восток-Юг» [110], модернизация автодорожного коридора «Западная Европа – Западный Китай» и сухого порта Хоргос. Эти проекты финансируются за счёт китайских денег и реализуются китайскими подрядчиками.

Ещё одним потенциальным риском для Казахстана является возможное снижение интереса КНР в рамках ШОС и ИПП. Во-первых, это реакция Пекина на продолжающееся стратегическое сближение РК и РФ. Москва продолжает и наращивает темпы по участию в ключевых отраслях казахстанской экономики. Например, планируемое строительство АЭС российской компанией «Росатом» может восприниматься Китаем как сигнал приоритетности других направлений внешней политики РК [111]. Это может повлиять на степень вовлечённости Китая в крупные казахстанские инфраструктурные и энергетические проекты.

Во-вторых, диверсификация партнёров центральноазиатского региона со стороны Китая может ослабить роль Казахстана как ключевого партнёра КНР в рамках инициативы «Пояс и путь», ШОС и формата «С5+Китай». Это приведёт к сокращению объёма инвестиций, ослаблению транспортных и логистических проектов, а также снижению политической значимости РК как транзитного узла между Китаем и Европой. Это означает, что возможна переориентация китайских инвестиций и ресурсов. В условиях геополитических изменений Китай может перераспределять ресурсы в более лояльные государства региона.

Одним из рисков является экономическая зависимость, которая представляет важный и потенциально уязвимый аспект для Казахстана. Несмотря на то, что доля китайских кредитов стране менее 10% по сравнению с другими странами региона, экономическая зависимость проявляется в структуре инвестиций. Так как китайские инвестиции идут в ключевые и стратегические области экономики, то часто проекты с КНР финансируются не всегда через открытые конкурентные проекты, а через частно-государственные соглашения. Это свидетельствует о возможности преференциального доступа китайских компаний к стратегическим ресурсам.

Торговый дисбаланс является одной из структурных проблем в региональном экономическом взаимодействии. Казахстан, как и другие государства ЦА, в основном экспортирует в КНР сырьё, в то время как импортирует готовую продукцию. Такой формат торговли в интересах Китая, но задерживает индустриализацию Казахстана и усиливает рост зависимости от китайского импорта. Снижение положительного сальдо и узкая структура экспорта снижают добавленную стоимость в экономике.

В сотрудничестве между РК и КНР в рамках ШОС и ИПП одной из ключевых проблем является ограниченный технологический трансфер.

Большинство крупных инфраструктурных и энергетических проектов реализуется в основном китайскими компаниями в процессе всей производственной цепочки. Такая модель делает Казахстан зависимым от внешних технологий, тормозит развитие местных компетенций, снижает стимулы к инновациям. В результате страна рискует остаться на периферии глобальной экономики, выступая в качестве потребителя, а не производителя.

Таким образом, сотрудничество между Казахстаном и Китаем в рамках ШОС следует анализировать через призму классических теорий и внешнеполитических компетенций Китая. С позиций структурного реализма эти отношения объясняются борьбой за влияние и сохранение баланса сил. Китай стремится укрепить свои позиции в соседних регионах/периферии, продвигая различные проекты. Участие Казахстана объясняется стремлением сохранить субъектность и баланс между ведущими центрами силы. Согласно неолиберальному институционализму, сотрудничество сторон развивается в рамках ШОС. Однако серьёзная экономическая асимметрия в различных областях приводит к дисбалансу. С точки зрения теории зависимости Казахстан является малой экономикой, занимающей периферийную позицию. Теория мягкой силы и экономическая дипломатия объясняют, как Пекин реализует различные проекты в области экономики, торговли, образования с целью усиления своего влияния в Казахстане и в регионе в целом.

На концептуальном уровне данная политика коррелируется с китайской теорией периферийной дипломатии, направленной на стабилизацию и развитие соседних территорий. Казахстан в этой стратегии занимает важное место, как транзитный, энергетический и политический партнёр. Концепция сообщества единой судьбы основана на идее общего развития и инклюзивности.

Таким образом, взаимодействие РК и КНР в рамках ШОС сочетает в себе защиту национальных интересов, институционализированное сотрудничество и китайские внешнеполитические подходы.

Ограниченность интеграционного потенциала ШОС в евразийском контексте. Однако несмотря на многообразие форматов взаимодействия и наличие в качестве членов ведущих государств, ШОС также не может претендовать на универсальный характер интеграции для всей Евразии.

Во-первых, разнородность государств-членов. Организация объединяет страны, имеющие разную степень экономического развития с различными политическими режимами и отличающимися геополитическими интересами.

Россия в рамках ШОС заинтересована в сохранении влияния на постсоветском пространстве и в Евразии. Москва активно укрепляет отношения со странами ЦА стремясь сбалансировать влияние Пекина. Россия пытается удержать деятельность ШОС в фокусе безопасности и ограничить её трансформацию в экономический инструмент КНР. Это оказывает существенное влияние на региональную ситуацию и баланс сил в Евразии. Это противоречие между безопасностью и экономическими преференциями Китая отражает более широкую динамику отношений между РФ и КНР.

Через формат ШОС Россия также продвигает идею многополярности и противовеса западному влиянию. Поэтому Организация рассматривается Москвой как часть широкой коалиции наряду с БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ. Так, создание Большого Евразийского партнёрства рассматривается Россией как стратегия с включением стран ШОС, БРИКС и ЕАЭС [42, 162].

Эти идеи закреплены в декларациях, принятых документах ШОС. В 2021 г. в Душанбе было подчёркнуто, что ШОС привержена «формированию многополярного мира».

Развитие энергетических и транспортных коридоров внутри ШОС соответствует геополитическим интересам России. Например, развитие международного транспортного коридора «Север-Юг» позволяет Москве играть важную роль транзитного координатора. Значение этого коридора, который соединяет РФ со странами Персидского залива и Южной Азии, приобретает важное значение в связи с геополитическими переменами, изменившими традиционные маршруты.

Не менее важным фактором является роль ШОС в борьбе с терроризмом и наркотрафиком. Для российской стороны большое значение имеет стабильность стран ЦА, граничащих с Афганистаном.

Таким образом, роль России в ШОС можно объяснить с позиций структурного реализма, где РФ рассматривает ШОС в большей степени как инструмент геополитического влияния, в меньшей – как интеграцию. Москва видит в Организации инструмент сохранения баланса сил в Евразии, часть широкой коалиции (БРИКС, ШОС, ЕАЭС), платформу для укрепления национального суверенитета государств-членов и невмешательства во внутренние дела. Все эти принципы соответствуют российской концепции многополярного мира. Эта стратегия также коррелируется с теорией регионализма, когда РФ на платформе ШОС может сохранять влияние в регионе ЦА без жёстких обязательств.

Во-вторых, одной из особенностей ШОС является отсутствие наднациональных институтов, ограничивающая её потенциал, как полноценной интеграционной структуры. В отличие от Европейского Союза и частично от Евразийского экономического союза в ШОС решения принимаются консенсусом, что ограничивает её возможность реализовывать общие решения, обязательные к исполнению. Необходимость согласия всех членов делает невозможным принятие решений, если не согласны крупные члены, как Китай, Россия, Индия, Иран. Например, попытки продвижения экономической повестки Организации, как создание Банка развития ШОС или зоны свободной торговли не были реализованы из-за разногласий между членами [56].

Отсутствие общих политик в области данной означает, что каждая страна сохраняет самостоятельность в экономической и внешнеторговой деятельности. Например, несмотря на заявления о развитии общего экономического пространства, в реальности отсутствуют совместные тарифные и нетарифные регуляторы, единая миграционная политика, и финансовые инструменты для развития интеграции. В качестве примера можно привести вопрос о переходе на

расчёт в национальных валютах. Этот вопрос активно обсуждался на саммитах ШОС в 2022 и 2023 годы. Однако не был выработан механизм реализации и расчёты осуществляются в долларах США. Для Казахстана такой формат имеет как положительный, так и негативный контекст. С одной стороны, сохранение принципа равноправия и невмешательства помогает Астане сохранять статус-кво и возможность балансировать. С другой стороны, отсутствие наднациональных институтов затрудняет защиту собственных интересов в случае наличия разных позиций с крупными государствами-членами Организации.

Таким образом, отсутствие наднациональных структур в ШОС можно рассматривать через призму гибкого/нового регионализма, когда объединения стремятся сохранить достаточный уровень суверенитета и формируются не как полноценные экономические или политические союзы.

В-третьих, фокус на безопасности больше, чем на экономике. Изначально ШОС была создана с целью борьбы с силой трёх зол, а также укрепления доверия на границах между государствами-членами. С этой целью была создана РАТС, координирующая деятельность по обеспечению совместной безопасности. Несмотря на то, что с 2010 гг. на повестке дня появляются экономические вопросы, как инвестиции, торговля, энергетика, цифровизация и др., эти вопросы имеют второстепенный характер.

Отсутствие единого экономического пространства и согласованных механизмов координации торгово-экономических процессов. На практике это означает, что ШОС функционирует как диалоговая площадка по безопасности, а экономическое сотрудничество осуществляется на двусторонней основе.

Однако инициатива «Пояс и путь» представляет пример многостороннего взаимодействия. В этом контексте ШОС выступает как дипломатическая и институциональная основа, предоставляя инициативе легитимность и устойчивость.

В-четвёртых, одним из ограничителей интеграционного потенциала ШОС является отсутствие универсальных норм и ценностей, которые могли бы создать базу для устойчивой региональной интеграции. В отличие от Европейского Союза, где интеграция строится, в том числе, и на общих демократических ценностях, государства-члены ШОС имеют различные политические и идеологические установки. Это делает невозможным выработку универсальных норм для всей Евразии [56].

Таким образом, ШОС, являясь важным актором в Евразии, остаётся инструментом регионального взаимодействия с ограниченной институциональной базой и специализацией в основном в области политического взаимодействия и в сфере безопасности.

Шанхайская организация сотрудничества играет важную роль в формировании региональной идентичности стран Центральной Азии [165].

2.2.3 Уровневый анализ участия Казахстана в ЕАЭС и ШОС

Анализ структуры, возможности и ограничения деятельности таких организаций с участием РК, как ЕАЭС и ШОС позволяет понять на каком уровне Казахстан реализует свои национальные интересы в условиях новой геополитики. Применение уровневого метода, основанного на анализе микро-, мезо- и макроуровней, даёт возможность определить степень институциональной вовлечённости, характер сотрудничества и механизмы стратегического маневрирования.

Макроуровень. На макроуровне участие Казахстана в ЕАЭС и ШОС отражает стремление РК проводить взвешенную и многовекторную внешнюю политику, балансируя между основными геополитическими центрами как Россия, Китай, США, ЕС. Такая политика позволяет Казахстану укреплять свою субъектность и выстраивать сотрудничество со всеми странами.

В рамках ЕАЭС Казахстан участвует в институционализации экономического сотрудничества в сферах торговли, инвестиций, энергетики, логистики. Однако при этом Астана выступает против политической интеграции. Казахстан стремится сохранить суверенитет, не впадая в зависимость от одного центра силы [1, 2]. Такая позиция является достижением в сфере политической автономии.

В ШОС Казахстан выступает за продвижение диалога между ведущими и средними державами Евразии с целью прагматичного сотрудничества. Географическое положение и многовекторная внешняя политика позволяют РК выступать в качестве посредника между Востоком и Западом [57].

Одним из важнейших направлений является участие в инициативе «Пояс и путь», дипломатической платформой для которой стал ШОС. Однако существуют и ограничения. Например, рост экономического влияния Китая в Организации усиливает зависимость таких стран, как Казахстан. Неоднородный состав государств-членов ШОС, имеющих различные интересы, ограничивает интеграционные возможности Организации.

Таким образом, на макроуровне Казахстан демонстрирует политику геополитического балансирования, стратегической гибкости и дипломатии, основанные на принципах многовекторной внешней политики.

Однако этот успех имеет ряд структурных ограничений, таких как политическая и экономическая асимметрия внутри ЕАЭС и ШОС. Китай и Россия обладают большим влиянием в этих организациях. Определённую сложность представляет и наличие взаимно конкурирующих интересов государств-членов данных организаций.

Внешнеэкономическая зависимость от китайских инвестиций и российского энергетического рынка приводят к риску ограничения экономического суверенитета Казахстана [184]. Рост долга, торговые дисбалансы, ограниченный технологический трансфер и институциональное неравенство в долгосрочной перспективе могут подрывать устойчивость внешней политики и национального развития. В экспертной среде активно обсуждаются мифы и реальные масштабы китайского присутствия в Казахстане [179].

Примером внешнеэкономической зависимости Казахстана могут служить проекты по строительству различных объектов. Так, при строительстве ТЭЦ в Экибастузе китайские инвестиции, поставка оборудования, управление остаётся под контролем китайской компании. Это означает, что казахстанская сторона может быть ограничена в управлении стратегическими объектами.

Ещё один пример – это экспорт нефти через территорию России. Основной объём казахстанской нефти идёт через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Это делает Казахстан уязвимым не столько к экономическим, сколько к геополитическим факторам. В 2022 г. случился прецедент, когда был приостановлен экспорт казахстанской нефти по КТК [114].

Таким образом, совокупное действие этих и других факторов может ограничить способность Казахстана к стратегическому планированию, индустриальному развитию и проведению независимой внешней политики.

Также следует отметить, что участие Казахстана в других форматах макроуровня, как ООН, СВМДА, ОБСЕ, ОТГ, С5+1 укрепляет многовекторную внешнюю политику.

Мезоуровень: институциональное и инфраструктурное взаимодействие. На мезоуровне евразийского регионализма Казахстан активно участвует в развитии прикладных и институциональных форм сотрудничества, которое ориентировано на реализацию конкретных проектов. Мезоуровень следует анализировать как промежуточный между макро- (геополитическим) и микро- (локальным) уровнями. Примером может служить цифровизация налоговых и таможенных процедур, унификация технических регламентов, сближение санитарных стандартов.

Казахстан заинтересован в координации инфраструктурных, логистических, инвестиционных и инфраструктурных проектов в рамках ШОС. Особое значение в этом контексте имеет реализация инициативы «Пояс и путь». Астана стремится диверсифицировать торгово-транспортные связи и развивать транзитный потенциал через развитие Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос», а также через участие в Транскаспийском международном транспортном маршруте, соединяющем Казахстан с Китаем, Азербайджаном, Грузией и Турцией.

Мезоуровневая деятельность проявляется и вне рамок США и ЕАЭС. Важную роль играет сотрудничество с ЕС (ERASMUS+, GSP+, Horizon Europe).

В рамках этих организаций и форматов Казахстан участвует в экономическом, образовательном, экологическом сотрудничестве. РК активно сотрудничает со структурами ООН, как ПРООН, Всемирный Банк и др. по программам устойчивого развития. Практическая реализация целей устойчивого развития в Казахстане также поддерживается программными документами ПРООН, направленными на институциональное развитие, социальную устойчивость и экономическую диверсификацию страны.

Таким образом, на мезоуровне Казахстан также реализует свою многовекторную внешнюю политику, основанную на институциональной координации и прикладных проектах. Это позволяет РК защищать свои

национальные интересы, основываясь на прагматизме и балансе в рамках сложной архитектуры евразийского регионализма.

Микроуровень: локальные и негосударственные форматы взаимодействия в рамках евразийского регионализма включают трансграничное взаимодействие, культурный и образовательный обмен, бизнес-сотрудничество и НПО. Микроуровень дополняет мезо- и макроуровни, формируя прочные связи евразийского регионализма.

Трансграничное сотрудничество проявляется в участии Казахстана в ряде трансграничных инициатив с Китаем, Узбекистаном, Кыргызстаном. МЦПС «Хоргос» является одним из наиболее успешных примеров трансграничного сотрудничества.

Ещё одним примером является кооперация между южным Казахстаном и Узбекистаном. Так, в марте 2023 г. Астана и Ташкент утвердили новую дорожную карту по созданию агропромышленного кластера по переработке на базе международного центра промышленного сотрудничества «Central Asia» на границе в зоне пунктов «Атамекен-Гулистан». Центр будет включать производственные площадки, склады, а также транспортную инфраструктуру. Это позволит ускорить грузоперевозки, снизить логистические затраты, сократить число участников в цепочке поставок, уменьшить конечную стоимость продукции для потребителей, повысить скорость поставок и развивать производственную кооперацию в рамках коридора «Север - Юг». Официальное открытие центра промышленной кооперации запланировано на первую половину 2027 года.

Евразийский регионализм на микроуровне реализуется через ряд механизмов, которые направлены на развитие приграничного сотрудничества. Это сотрудничество реализуется на уровне региональных администраций. Для поддержки бесперебойного товарооборота создаются «зелёные коридоры», упрощённые процедуры на таможнях и т.п.

Таким образом, механизмы реализации микроуровневого регионализма во внешней политике Казахстана включают институциональную поддержку торговых и бизнес-инициатив, которые способствуют созданию рабочих мест и в целом влияют на развитие приграничных регионов.

Уровневый анализ участия РК в ЕАЭС и ШОС позволяет выявить на каком уровне страна наиболее эффективно реализует свои национальные интересы в евразийском регионализме. Применение уровневой методологии показывает, как Казахстан вовлечён в институциональные структуры и характер сотрудничества, ограничения и механизмы адаптации.

Исходя из уровневого анализа, следует отметить, что наиболее значимые результаты Казахстан достигает на макроуровне. Это объясняется тем, что на этом уровне есть все условия для реализации многовекторной внешней политики, позволяющей балансировать между центрами силы с целью сохранения своей субъектности.

Возможности действовать на мезоуровне ограничиваются разницей в развитии стран-участниц. Отличные уровни подготовки государственных

институтов, разная готовность к совместной работе, цифровизации, привлечению инвестиций, разная эффективность управления этими процессами. Эти факторы мешают реализации общих проектов, замедляют принятие решений и приводят к асимметрии в получении выгод сторонами.

Влияние микроуровня на внешнюю политику РК остаётся ограниченным, так как не затрагивает системные вопросы распределения ресурсов, регулирования внешней торговли, инвестиционной политики и стратегического планирования.

2.3 Казахстанская политика евразийского регионализма в альтернативных форматах ОТГ, С5+1, СВМДА

2.3.1 Казахстан в Организации тюркских государств: культурно-цивилизационный вектор евразийского регионализма

Продолжая исследовать участие РК в евразийских интеграциях и других форматах сотрудничества, следует анализировать членство Казахстана в альтернативных институциональных и диалоговых платформах, которые расширяют стратегию евразийского регионализма страны. Эти форматы имеют другие механизмы и принципы деятельности.

Одним из ключевых направлений в этом контексте выступает Организация тюркских государств, основанная на этнокультурном и языковом родстве тюркских народов. В процессе поиска этой идентичности государства-члены стремятся развивать экономическую и гуманитарную кооперацию.

Участие в ОТГ представляет культурно-цивилизационный вектор евразийского регионализма Казахстана. ОТГ выступает в качестве механизма гибкого регионализма, основанного на общности языка, культуры и ментальности тюркских народов. Данный формат позволяет РК институционализировать гуманитарное сотрудничество, которое можно сочетать с прагматизмом многовекторной внешней политики. Такая политика Казахстана актуальна в условиях глобальной геополитической конфронтации, когда цивилизационно-культурные идентичности являются не только фактором внутренней консолидации государства, но и средством позиционирования государства на внешнеполитической арене.

С теоретической точки зрения данная политика может быть проанализирована через призму конструктивистского подхода к регионализму. Согласно этой теории, международные отношения формируются не только под влиянием материальных интересов или необходимости безопасности, но через социально-сконструированные идентичности, общие нарративы и культурную близость [214].

Американский политолог А. Вендт [214] доказывает, что государства формируют взаимоотношения, основываясь не только на формах традиционной

кооперации, но и на культурно-цивилизационной идентичности, которая способствует консолидации акторов, разделяющих общие ценности.

Профессор политологии Э. Адлер подчёркивает, что международные отношения развиваются также под влиянием идей, норм, идентичности, общих практик, которые формируют восприятие акторами самих себя и других [215].

Участие Казахстана в процессе формирования тюркской региональной идентичности, основанной на общих исторических, культурных и языковых кодах, реализуется в рамках институтов, механизмов взаимодействия, саммитов, а также координации в сфере культуры и образования. Для Казахстана это инструмент активного формирования не только региональной идентичности, но и политической субъектности. РК выступает в ОТГ как инициатор, участвующий в формировании повестки дня [60]. Например, создание институциональной архитектуры тюркского пространства, как Организация тюркских государств (ОТГ), Тюркская Академия, Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави.

Сотрудничество в рамках ОТГ не ограничивается только культурно-цивилизационными направлениями, но имеет и более практическую составляющую, как транспортно-логистическое взаимодействие. В 2022 г. на саммите в Самарканде государства-члены ОТГ подписали соглашение о создании упрощённого транспортного коридора, который позволит облегчить взаимодействие между странами ОТГ, включая правила таможенного оформления и обмена информацией.

Создание транспортно-логистических связей стран-членов ОТГ, прежде всего связано с проектом Среднего коридора (Транскаспийский международный транспортный маршрут), проходящий по линии Казахстан, Каспий, Азербайджан, Грузия, Турция. Снижение времени прохождения груза на границах между странами ОТГ делает маршрут более конкурентоспособным по сравнению с Северным через РФ, так как проходимость грузов может достигать 4 млн. тонн грузов ежегодно.

Развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута имеет и политическую поддержку. Так, президент К.К. Токаев назвал Серединный коридор одним из ключевых приоритетов внешнеэкономической стратегии страны. Он подчеркнул необходимость развития и модернизации транспортно-логистической инфраструктуры, включая морские пути, железнодорожные узлы, приграничные хабы, а также цифровизацию таможенных процедур для создания «бесшовного пространства» между тюркскими государствами [30].

Такая позиция отражает не только стремление РК стать транзитным хабом между Востоком и Западом, но и стратегическую ориентацию на институциональное закрепление транспортной интеграции. Это означает, что в рамках ОТГ на постоянной основе координируются инициативы, проекты, создаются нормативные механизмы, которые приведут к формированию устойчивых логистических связей между тюркскими государствами.

В подтверждение данной стратегии Казахстан значительно нарастил внутренние инвестиции в транспортную инфраструктуру. С 2013 г. объём вложений в модернизацию железных дорог, автодорог, портов (Актау и Курык), который составил 35 млрд. долларов США [134].

Под эгидой ОТГ реализуются и другие инфраструктурные инициативы, как создание особой экономической зоны «TURANSEZ» в Туркестане [135], совместные цифровые платформы, центр «зелёной» экономики, банковские механизмы, что создаёт комплексную экосистему поддержки транзита [120].

Таким образом, членство РК в ОТГ позволяет Казахстану не только занимать стратегическую позицию транзитного узла в евразийском регионе, но и быть ключевым участником международных транспортных цепочек. Астана также участвует в разработке правил внутри ОТГ, что означает возможность формировать условия по тарифам, стандартам, по безопасности и цифровизации маршрутов. Так, Казахстан участвовал в серии региональных семинаров по внедрению программы «Authorized Economic Operator»; в программе по внедрению цифровой электронной системы TIR [92], который позволяет отслеживать груз в режиме онлайн и тем самым снижать риски.

В 2024 г. министры транспорта в г. Шуша подписали меморандум о взаимопонимании и расширении электронных разрешений [93], а встреча в Баку в 2025 г. утвердила дорожную карту по внедрению электронной системы международных дорожных перевозок (e- TIR) на всей территории стран ОТГ [92].

Формирование повестки дня усиливает уровень экономической самостоятельности Казахстана, снижает зависимость от доминирующих направлений, помогает диверсифицировать и балансировать свою внешнеэкономическую политику.

Участие Казахстана в ОТГ следует рассматривать как многоуровневый процесс на микро-, мезо- и макроуровнях. Микроуровень в большей степени связан с мягкой силой: образование, культура, формирование тюркской идентичности. Эта деятельность формирует базу для социальной интеграции. Примером является ТЮРКСОЙ, в рамках которого проводятся совместные фестивали, конференции и выставки. Этот уровень также демонстрирует сотрудничество в области туризма, как автобусный маршрут Туркестан – Ташкент, создание туристического кластера «По Шёлковому Пути», объединяющий культурные и логистические ресурсы южных регионов Казахстана, Узбекистана и Таджикистана [121]. Культурное взаимодействие становится предпосылкой и для торговой кооперации. Инициатива приграничного коридора «Туркестан-Шымкент-Ташкент-Худжанд», как часть международного коридора Север-Юг, инфраструктурно усилит взаимосвязь рынков стран Центральной Азии. Президент К. Токаев на форуме в Ташкенте в 2019 г. предложил проект туристического кластера Туркестан-Самарканд-Бухара, объединяющего города Казахстана и Узбекистана [124].

На мезоуровне Казахстан участвует в разработке и реализации институциональных соглашений и нормативных рамок внутри ОТГ. Это

уровень, на котором формируются правила и процедуры в различных областях, как транспорта, цифровизации, таможни, образования и культуры.

Таким образом, мезоуровень является определяющим для участия РК в ОТГ, так как закрепляет роль Казахстана в качестве логистического узла и участника в выработке нормативных правил.

Макроуровень участия РК в ОТГ направлен на диверсификацию партнёрства и баланс во внешней политике. В контексте геополитической турбулентности в Евразии, ОТГ выступает в качестве альтернативной интеграционной платформы для ЕАЭС и ШОС. Так, в октябре 2025 г. на саммите ОТГ в г. Габала (Азербайджан) президент К. Токаев заявил, что ОТГ «становится значимым фактором» и призвал к укреплению её международного правового статуса, а также к усилению практического сотрудничества в таких сферах, как транспорт, энергетика, инвестиции, цифровизация [24].

Таким образом, для внешней политики Казахстана ОТГ является альтернативной геополитической площадкой, которая позволяет выстраивать независимую евразийскую политику регионализма.

Однако участие Казахстана в ОТГ сопряжено с определёнными рисками, обусловленными геополитической напряжённостью, экономической зависимостью, внутренней политической динамикой. Эти факторы формируют сложный контекст для казахстанской сбалансированной внешнеполитической стратегии. Являясь членом ОТГ, Казахстан взаимодействует с региональными державами, как Россия и Китай, которые по-разному воспринимают углубление тюркской идентичности, что ставит вопрос о необходимости поддерживать внешнеполитической стратегии. Являясь членом ОТГ, Казахстан взаимодействует с региональными державами, как Россия и Китай, которые по-разному воспринимают углубление тюркской идентичности, что ставит вопрос о необходимости поддерживать внешнеполитический баланс. Например, Россия рассматривает тюркскую интеграцию как вызов своему влиянию в Центральной Азии. Усиление ОТГ может снизить позиции ЕАЭС в двусторонних отношениях.

Стремление Турции создать новый геополитический центр влияния, объединяющий тюркские страны, может смесить стратегические приоритеты Казахстана в сторону турецкой повестки.

С одной стороны, это соответствует интересам РК, с другой – создаёт риски экономической зависимости. Турецкие компании наращивают своё присутствие в различных секторах казахстанской экономики. Это может привести к избыточной зависимости от каптала и инвестиций из Турции. Так, например, турецкие строительные компании получили доступ к крупным инфраструктурным проектам в Казахстане, в том числе и в Астане. Это усложняет участие компаний из других стран.

Ещё одним риском или ограничителем в рамках ОТГ является схожесть экономических моделей государств-членов. Ресурсная экономика стран ограничивает возможность эффективной экономической кооперации и интеграции.

Таким образом, возможности углубления сотрудничества в рамках Организации тюркских государств перспективны и логичны с политической и культурно-цивилизационной точки зрения, но имеют ограничения с экономической.

2.3.2 Казахстанская политика евразийского регионализма в формате С5+1

Казахстан проводит политику евразийского регионализма и через формат С5+1, который является гибким инструментом укрепления кооперации в Центральной Азии, а также повышения субъектности региона в системе международных отношений. Как отмечается в исследовании «поддержка прочных, открытых и прозрачных двусторонних и многосторонних связей оказывает положительное влияние как на развитие государств, так и на их становление в качестве независимых игроков на международной арене» [171]. Эта платформа позволяет центральноазиатским государствам выстраивать диалог с одним из внешних партнёров на основе принципов автономии в принятии решений и согласования общих задач. Казахстан активно использует данный формат как инструмент своей многовекторной внешней политики с целью сохранения своей субъектности и региональной стабильности.

Формат С5+1 представляет собой пример гибкого регионализма, адаптированного к специфике ЦА. Эволюция данного формата, от односторонней помощи до партнёрского сотрудничества, стала результатом структурных изменений в самом регионе, как усиление внутрирегионального взаимодействия, особенно после смены власти в Узбекистане [72]. Формат С5+1 был институционально оформлен в рамках Совместной декларации о партнёрстве и сотрудничестве [63].

Для стран ЦА участие в таких форматах позволяет диверсифицировать внешнеполитические направления и расширить функциональные коалиции. Последнее означает создание временных или устойчивых союзов стран, направленных на решение конкретных проблем, как управление водными ресурсами, изменение климата, развитие инфраструктуры и цифровизация [62].

Одним из ярких примеров сотрудничества стран ЦА в рамках формата С5+1 является сотрудничество по водной проблематике. Так, США инициировали проект Smart Waters (2015-2020) [94], который был реализован через USAID в партнёрстве с региональными академическими и экспертными центрами. В рамках проекта Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан согласовали принципы обмена информацией о водопользовании, развивали совместные образовательные проекты, создали сеть специалистов в этой сфере.

Таким образом, возникла функциональная коалиция пяти стран ЦА и США, основанная не на общей политике или экономике, а на решении важной проблемы на базе площадки С5+1 [162].

Казахстан реализует политику евразийского регионализма не через наднациональные или общие институты, а через практическое взаимодействие на приоритетных направлениях. Поэтому Казахстан использует формат С5+1 как эффективный механизм нового регионализма, позволяющего адаптироваться к меняющимся условиям глобальной и региональной политики. Этот формат позволяет региональным государствам выстраивать прагматичное сотрудничество с внешними акторами без институциональных ограничений и других факторов интеграции/кооперации. Казахстан и его партнёры готовы формировать повестку дня и выбирать механизмы решения общих проблем. Это важно также и для реализации многовекторной внешней политики РК, так как позволяет балансировать между региональными и глобальными державами без риска вовлечения в конфронтационные модели влияния. Платформы С5+1 являются платформой функционального взаимодействия, когда страны объединяются с целью решения конкретных задач. Так, в рамках С5+США реализованы инициативы по устойчивому развитию исследовательским и образовательным программам.

В рамках С5+ЕС активно обсуждаются вопросы «зелёного перехода», цифровизации, инфраструктурных проектов. Особенность формата С5+ЕС заключается в гуманитарной направленности, что позволяет РК интегрировать европейский опыт в области государственного управления, образования, устойчивого развития. Это свидетельствует о стремлении строить прозрачное и подотчётное государство [44].

Формат С5+ЕС позволяет Казахстану позиционировать себя как связующее звено между Европой и Азией, тем самым усиливая свою роль в евразийском регионализме [95]. Астана демонстрирует усилия по внедрению западных норм и стандартов в условиях евразийского регионализма.

Данная политика демонстрирует тот факт, что РК является моделью устойчивого развития и прогрессивного реформаторства.

Сотрудничество с ЕС предоставляет Казахстану платформу для расширения своего влияния на евразийские региональные процессы. Так, геополитическое расположение делает Казахстан ключевой транзитной страной в европейской инициативе Global Gateway.

На саммите ЕС-Центральная Азия в Самарканде в 2022 г. обсуждался вопрос о формировании экономического транспортного координационного механизма в рамках Global Gateway [91]. Согласно официальной информации в рамках Расширенного соглашения о партнёрстве и сотрудничестве [12] и новой Стратегии ЕС по ЦА [44], Казахстан рассматривается как ключевой экономический и политический партнёр [45, 185].

Таким образом, участие в формате С5+ЕС способствует укреплению роли Казахстана в процессах евразийского регионализма за счёт усиления его логистического потенциала, а также внедрения европейских подходов в государственном управлении, экологической политике и цифровизации [163].

Формат С5+Китай имеет в основном экономическую направленность и представляет собой важную региональную направленность внешней политики

РК. Центральное место этой политики занимает участие РК в инициативе «Пояс и путь», а также сопряжение ИПП с казахстанской программой «Нұрлы Жол» [176]. Это помогает Казахстану развивать свой транзитный потенциал, встраиваясь в региональные и глобальные транспортные цепочки. Успешным примером сопряжения является создание международного логистического хаба «Хоргос – Восточные Ворота» [8] и сопряжённой с ним специальной экономической зоны, построенной при участии китайской корпорации COSCO.

Формат С5+США играет важную роль в процессе формирования и развития евразийского регионализма РК [62]. Формат С5+США позволяет диверсифицировать внешнеэкономические и внешнеполитические связи и способствует выходу за рамки доминирующего влияния России и Китая. Этот формат позволяет США сохранить своё присутствие в ЦА, а Казахстану укреплять американский вектор в качестве альтернативного в своей многовекторной внешней политике.

С5+Россия. Формат С5+Россия не является официально учреждённым форматом сотрудничества. Он представляет собой собирательное обозначение для различных встреч и инициатив глав государств пяти центральноазиатских стран и президента РФ. Данная внешнеполитическая платформа, во-первых, является логическим продолжением постсоветской региональной логики. Во-вторых, это – геополитическая среда, в которой реализуется евразийская региональная политика Казахстана. Россия стремится сохранить Казахстан, как и другие бывшие советские республики, в качестве части постсоветского пространства. При этом Москва использует нарративы общего советского наследия, культурных и экономических связей, в том числе, и через интеграции, как ЕАЭС и ОДКБ. Тематика взаимодействия РК и РФ ограничена преимущественно вопросами политического, экономического, культурно-гуманитарного сотрудничества и вопросами безопасности.

Однако в отличие от форматов С5+ЕС и С5+Япония [65], в повестке С5+Россия направления, связанные с инновациями, «зелёной» экономикой, новыми технологиями и устойчивым развитием, выражены существенно слабее. Несмотря на общее историческое прошлое и высокую степень интеграции в рамках ЕАЭС, СНГ и ОДКБ, степень сотрудничества Казахстана и России в инновационной и технологической сферах остаётся слаборазвитой и фрагментарной. Причина заключается в том, что обе страны имеют недостаточный уровень развития инновационных систем, что не позволяет им взаимообогащать друг друга. Также обе страны являются ресурно-ориентированными, что может влиять на диверсификацию экономики и на перераспределение ресурсов на технологические и инновационные отрасли экономики.

Таким образом, ограниченное инновационное сотрудничество обусловлено целым комплексом факторов. В то же время участие Казахстана в условном формате С5+Россия важно в качестве стратегического канала взаимодействия с Российской Федерацией. Республике Казахстан важно

поддерживать это направление для сохранения многовекторного характера своей внешней политики в условиях геополитической турбулентности.

В рамках своего евразийского регионализма Казахстан формирует альтернативный азиатский вектор. Так, например, в формате *С5+Япония*, Япония воспринимается как технологически развитый и политически нейтральный партнёр, который не вовлечён в геополитическое соперничество в ЦА. Это делает партнёрство прагматичным. Япония поддерживает усилия Казахстана по ядерному разоружению и нераспространению в рамках глобальной повестки мира и безопасности. Токио делится с Астаной опытом и знаниями в области обеспечения безопасности ядерных материалов и технологий, а также в вопросах ликвидации последствий ядерных испытаний. Япония поддерживает Казахстан в достижении устойчивого развития в рамках ООН и G7+.

На мезоуровне сотрудничество выстраивается через целевые проекты и программы в области устойчивого развития, здравоохранения, образования и борьбы с бедностью, цифровизации. Активно сотрудничество идёт через JICA (Japan International Cooperation Agency) – Японское агентство международного сотрудничества. В число проектов этого агентства входят поддержка медицинских учреждений (поставка оборудования), программы по экологическому менеджменту, а также инициативы по институциональному развитию – обмен опытом в сфере государственного управления и внедрение японских методов – совместно с Академией государственного управления при Президенте РК.

В рамках многостороннего диалога «Central Asia plus Japan» [65] Япония последовательно вовлекается в поддержку государств Центральной Азии, включая Республику Казахстан, в сфере модернизации агропромышленного комплекса на принципах устойчивого развития. Сотрудничество в данном формате ориентировано на внедрение инновационных подходов к сельскохозяйственному производству, в том числе на распространение ресурсосберегающих технологий, рационализацию водопользования и адаптацию современных агротехнических решений. Существенное внимание уделяется также развитию человеческого капитала в сельских регионах, что рассматривается как ключевое условие долгосрочной устойчивости аграрного сектора. Практическая реализация обозначенных направлений осуществляется, среди прочего, посредством целевых проектов и образовательных программ Японского агентства международного сотрудничества (JICA), направленных на трансфер передового опыта, формирование управленческих и технологических компетенций, а также повышение профессионального уровня фермеров и представителей агробизнеса в Казахстане.

На микроуровне Япония активно сотрудничает в сфере образования и науки: стипендиальные программы Японского фонда (The Japan Foundation), совместные исследовательские проекты в сфере IT, биотехнологий, экологии.

Таким образом, участие Казахстана в формате С5+Япония наиболее эффективно реализуется на микро- и мезоуровнях. Через образовательные,

научные, экологические проекты эти уровни взаимодействия способствуют долгосрочным реформам, кадровому развитию, укреплению гуманитарного вектора регионального сотрудничества.

2.3.3 СВМДА в евразийском регионализме: участие Казахстана

Казахстанская инициатива СВМДА в контексте евразийского регионализма: от идеи доверия в архитектуре безопасности. Инициированное Казахстаном Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии представляет собой международную диалоговую площадку по обсуждению вопросов безопасности, которая оформляет евразийский регионализм в широкий геополитический контекст. На сегодняшний день СВМДА объединяет 28 государств-членов, охватывая 90% территории Азии, включая такие страны, как Китай, Россия, Турция, Иран, страны ЦА и др. [59].

Одной из важных характеристик СВМДА является его гибкая модель, которая объединяет участников с различными политическими режимами и внешнеполитической ориентацией. Эта инициатива делает возможным играть роль архитектора и инициатора обеспечения устойчивой системы взаимодействия в Евразии. СВМДА возникло в условиях отсутствия системы безопасности Центральной Азии. К тому же СВМДА предлагает альтернативную модель безопасности, основанную на принципах неприменения силы, возможности политического диалога, соблюдения международного права, что должно было укреплять доверие между государствами.

Важнейшим измерением влияния СВМДА на евразийский регионализм является поддержка многоуровневой и многосторонней дипломатии в рамках теории нового регионализма, когда регион рассматривается как гибкая, открытая, динамичная система, где взаимодействуют не только государственные, но и негосударственные акторы, международные организации, бизнес, экспертные и гражданские общества. СВМДА выступает не как классический интеграционный союз, а в качестве диалоговой площадки. СВМДА не создаёт наднациональных институтов, но предлагает координацию действий и выработку мер доверия, охватывающих широкий спектр вопросов - от военной безопасности и борьбы с терроризмом до устойчивого развития и культурного обмена [59]. СВМДА следует рассматривать в качестве модели инклюзивного и гибкого регионализма, который отвечает характеристикам инициатив в рамках нового регионализма. Эти инициативы декларируются малыми экономиками, не навязываются извне и являются инициативой самих участников, охватывают широкий спектр сотрудничества, имеют полицентричный характер, без одного центра силы. В этом контексте СВМДА расширяет возможности дипломатии от межгосударственной до экспертной и общественной.

Через СВМДА Казахстан реализует свою мягкую силу, продвигая имидж ответственного, миролюбивого государства. Именно эта инициатива закрепляет

за РК характеристики средней державы, способной инициировать важные международные инициативы, не обладая при этом экономическим, военным потенциалом.

Несмотря на укрепление диалога, данная инициатива имеет ряд ограничений, которые снижают его эффективность как инструмента евразийской регионализации. Во-первых, это слабая институционализация, когда СВМДА играет роль консультативной платформы [59]. В отличие от других структур СВМДА не может обеспечить контроль над выполнением решений, что нередко сводит сотрудничество к декларациям и символическим решениям [58]. Во-вторых, СВМДА конкурирует с другими интеграционными, кооперационными организациями и форматами на территории Евразии. Поэтому СВМДА остаётся в тени более институционализированных структур, как ШОС, ОДКБ, ОТГ, С5+1. Состав участников также создаёт дополнительные ограничения, затрудняет формирование единой повестки. Казахстан в этих условиях оказывается в сложном положении между конкурирующими интересами. В-третьих, есть риск того, что недостаток реального содержания может превратить организацию в имиджевую площадку.

Таким образом, хотя СВМДА обладает потенциалом для укрепления евразийского регионализма Казахстана, его эффективность ограничивается слабой институционализацией, геополитическими противоречиями и конкуренцией с другими региональными структурами. Для Казахстана это способ поддержать повестку доверия и превратить дипломатическую инициативу в устойчивую практику – через регулярные встречи, тематические меры, обмен опытом и постепенное наращивание содержания.

2.4 Форматы С5+1 и политика евразийского регионализма: уровневый анализ эффективности

2.4.1 Уровневый анализ форматов С5+1: реализация интересов РК

Формат взаимодействия РК в рамках С5+1 через уровневый анализ позволяет показать, где политика евразийского регионализма наиболее эффективна.

В условном формате С5+Россия на микроуровне Казахстан сохраняет баланс в рамках постсоветской геополитической архитектуры (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС). При относительной устойчивости институциональной рамки Казахстан фактически использует данный формат как инструмент политико-стратегического балансирования и снижения турбулентности, но не как канал технологического обновления. На мезоуровне ведётся сотрудничество по политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, но это взаимодействие носит формальный, слабо институционализированный характер. Это объясняется доминированием, слабым инновационным компонентом, патернализмом. На микроуровне практически отсутствуют

прикладные проекты, низкий уровень совместных программ, имеющих позитивный эффект на устойчивое развитие Казахстана. На этом уровне больше внимания уделяется историческим и культурным связям без модернизационного эффекта.

Российская «мягкая сила» в Центральной Азии всё чаще институционализируется через правовые и интеграционные механизмы.

Таким образом, участие РК в этом формате носит ограниченно-функциональный характер. Казахстан стремится сохранить баланс и региональную стабильность на постсоветском пространстве.

В формате С5+Китай на макроуровне Казахстан участвует в сопряжении инициативы «Пояс и путь» и программы «Нұрлы жол». Это позволяет РК развивать транзитный потенциал и тем самым укреплять позиции в евразийской логистике. На мезоуровне осуществляются инфраструктурные и транспортные проекты, как Хоргос, сухой порт, железнодорожные маршруты, а также реализуются энергетические проекты. На микроуровне формат оказывает ограниченное влияние на инновационно-технологическое развитие Казахстана, как как сосредоточен на крупных инфраструктурных и логистических проектах.

В формате С5+Китай сильные стороны проявляются там, где есть инвестиционная логика и инфраструктурная измеримость. Однако для укрепления субъектности РК критично дополнить логистику компонентом локализации компетенций: трансфер технологий, подготовка кадров, совместные технопарки и цепочки добавленной стоимости внутри Казахстана. Тогда макро-, мезоуровни могут институционально обусловить микроуровень, превращая транзит из географии в развитие [171].

Таким образом, Казахстан свои национальные интересы в основном реализует на макро- и мезоуровнях, в то время как микроуровень представлен слабо.

Анализ участия Казахстана в различных интеграциях, организациях и форматах позволяет выявить на каком уровне евразийской региональной политики Казахстан наиболее эффективно реализует свои национальные интересы в сфере экономики, безопасности, идентичности, культуры, образования и, в целом, для укрепления своей субъектности. Современный регионализм в Центральной Азии всё чаще приобретает эклектичный характер, сочетая формальные и неформальные механизмы [169].

Таблица 2. Соотнесение национальных интересов Республики Казахстан с уровнями эффективности и внешнеполитических форматов

Национальные интересы	Уровень наибольшей эффективности	Обоснование
Политическая субъектность	макроуровень	Через участие в форматах С5+Китай, С5+ЕС, С5+США Казахстан укрепляет свою многовекторную внешнюю политику и баланс сил

Экономическое развитие	макроуровень	Членство в ЕАЭС, участие в инициативе «Пояс и путь», инфраструктурные, логистические и энергетические проекты с КНР, ЕС, Японией
Безопасность	макроуровень	Сотрудничество с РФ, С5+США, членство в ШОС и ОДКБ
Культурная идентичность	мезоуровень	ОТГ
Образование и развитие человеческого капитала	мезоуровень	Образовательные и научные программы со всеми партнёрами, которые формируют долгосрочный потенциал

Примечание: таблица составлена автором исследования

Таким образом, мезо- и макроуровни евразийского регионализма Казахстана являются ключевыми для эффективного продвижения национальных интересов.

На макроуровне страна укрепляет свою политическую субъектность, реализует многовекторную внешнюю политику, позволяющую балансировать, используя механизмы стратегического партнёрства с ведущими региональными и глобальными державами и обеспечивать региональную безопасность.

На мезоуровне происходит практическая реализация экономических интересов Казахстана. Это происходит в основном через участие в инфраструктурных проектах и т.п. Вовлечённость в инфраструктурные проекты и энергетические проекты, цифровых и образовательных программах обеспечивает интеграцию РК в глобальные цепочки добавленной стоимости, научно-технического обмена, развития человеческого капитала. Программы научного и образовательного обмена, как JICA, Erasmus+, USAID и др., создают условия для модернизации институтов и кадрового обновления.

Микроуровень остаётся фрагментарным. Политика евразийского регионализма Казахстана реализуется несистемно, слабо координируется и практически не имеет институциональной базы. Многие инициативы остаются разовыми, зависят от международных грантов или личной инициативы отдельных организаций. Все эти процессы пока недостаточно встроены в долгосрочные стратегические планы. Речь идёт о локальных инициативах и прикладных проектах в сфере образования, науки, культуры, местного развития, обменов, инноваций, устойчивой энергетики и экологии. Вместе они способны сыграть существенную роль в формировании устойчивой региональной кооперации и интеграции. Но на данный момент они развиваются в основном в крупных городах и при поддержке иностранных инвесторов и грантодателей. В малых городах и сельской местности участие в таких проектах отсутствует. Но именно взаимодействие на микроуровне может усилить эффективность модели евразийского регионализма Казахстана.

Необходимо включение государственных и негосударственных акторов в эти процессы через углубление социальных и гуманитарных связей с другими регионами, укрепление мягкой силы, внедрение международных стандартов

снизу-вверх в области устойчивого развития сельского хозяйства, управления водными ресурсами, модернизации образования.

Для оценки того, на каком уровне деятельность Казахстана способствует эффективному продвижению национальных интересов следует выяснить ключевые совпадения и различия между форматами по задействованным уровням взаимодействия и вкладу в реализацию приоритетов внешней политики.

Таблица 3. Сравнительный анализ совпадений и расхождений ожиданий Республики Казахстан в региональных и межрегиональных форматах сотрудничества

Формат	**Совпадения ожиданий РК**	**Различия в ожиданиях РК**
ЦА, Казахстан-Россия	Макроуровень – стабильность, постсоветская архитектура	Микроуровень слабо развит, институциональный патернализм
С5+Китай	Макро- и мезоуровни: инфраструктура, логистика, энергетика	Микроуровень слабый, в основном фокус на крупных проектах
С5+Япония	Мезо- и микроуровни: устойчивое развитие, образование	Макроуровень почти отсутствует. Япония не является геополитическим игроком в ЦА
С5+ЕС	Мезо- и макроуровни: устойчивое развитие, инфраструктура, цифровизация	Ограниченное проникновение на микроуровень, высокая конкуренция с РФ, КНР и США
С5+США	Все уровни задействованы	Необходимость в США как балансе

Примечание: таблица составлена автором исследования

Анализ данных таблицы позволяет сделать следующие выводы: форматы С5+ЕС и С5+США представляют наиболее сбалансированные механизмы взаимодействия, охватывающие практически все три уровня. На макроуровне они способствуют укреплению многовекторной внешней политики Казахстана и его включению в глобальные цепочки экономического и политического влияния.

В условиях геополитической турбулентности США намного лучше стали понимать стратегическое значение ЦА и её роль в современном глобальном мире. Вашингтон предложил конструктивную региональную повестку дня «Стратегия США по Центральной Азии на 2019-2025 годы». Стратегия подтверждает основные принципы в отношении стран ЦА: поддержка независимости, территориальной целостности и суверенитета. Документ отвечает на изменения региональной динамики и глобальное противостояние в ЦА. Базовые принципы Стратегии основаны на задачах формата С5+1 и направлены на сотрудничество в ключевых областях: дипломатия/геополитика, безопасность, энергетика и демократия. В геополитическим плане Вашингтон, признавая влияние Москвы и Пекина в ЦА, чётко определяет свою роль в регионе, декларируя «поддержку и укрепление суверенитета и независимости центральноазиатских государств, индивидуально и в целом», что должно

осуществляться «при последовательном участии США в вопросах экономики, безопасности, демократии, политики, вопросов в управлении».

США поддерживают политику евразийского регионализма в основном в формате С5+США, который является платформой для регионального диалога и укрепления субъектности стран региона. Основной формой поддержки стало партнёрство в рамках С5+США. Вашингтон предложил институционализированную модель взаимодействия, которая укрепляет региональную консолидацию. США поддерживают развитие альтернативных энергетических и транспортных коридоров с участием Казахстана. Это поддерживает ключевые цели евразийского регионализма РК, укрепляя его транзитный потенциал и международного субъектность.

США активно поддерживают развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (Средний коридор). В рамках С5+1 Вашингтон последовательно поддерживает инициативы, направленные на ускоренное развитие этого коридора. В частности, в статье отмечается, что «участие стран Центральной Азии в новых международных, транспортных коридорах, таких как Транскаспийский международный транспортный маршрут (Средний коридор) и коридор Ляпис-Лазули, способствует диверсификации экономических и логистических связей и снижению независимости от России и Китая» [172].

Эта поддержка была продемонстрирована в 2023 г. на Министерской встрече, где обсуждалась необходимость модернизации логистических узлов, включая казахстанские порты Актау и Курык. США через USAID, DFC (US International Development Finance Corporation), PGI (Partnership for Global Infrastructure and Investment) оказывает институциональную поддержку для модернизации портов, железных дорог, что усиливает транзитный потенциал Казахстана. Так, инвестиции Финансовой корпорации развития в 2021 г. способствовали созданию в 2023 г. «Центральноазиатского инвестиционного партнёрства» с участием Казахстана и Узбекистана. Целью партнёрства является привлечение не менее 1 млрд. долл. США для развития частного сектора, инфраструктуры и логистики [104]. «Партнёрство за глобальную инфраструктуру и инвестиции», поддержка железнодорожных проектов через экспортно-импортный банк (EXIM), предоставил гарантию кредита 549 млн. долл. США для «Қазақстан Темір Жолы» [119]. USAID организует работу экспертных групп по трассе Транскаспийского маршрута, включая порты Актау и Курык с целью анализа и упрощения логистических и таможенных процедур.

Таким образом, США поддерживают РК на макроуровне и в рамках С5+США способствуют тому, что Казахстан интегрируется в глобальные логистические и экономические цепочки, расширяя стратегические возможности взаимодействия с ведущими мировыми центрами.

США через программу Power Central Asia оказывают институциональную помощь Казахстану в укреплении энергетической инфраструктуры и перехода к «зелёной экономике». В 2022 г. USAID подписал меморандум с энергетической

компанией Мангистау по разработке плана интеграции возобновляемой энергетики в энергосистему региона, включая инфраструктуру и обновление.

Формат С5+ЕС реализуется на макроуровне и фокусируется на крупных стратегических проектах, которые имеют долгосрочное влияние на регион. Одним из них является мультимодальный транспортный Средний коридор. Для Казахстана этот коридор критически важен, так как укрепляет его роль как транзитного хаба Евразии, увеличивает объёмы грузоперевозок, привлекает инвестиции в транспортную инфраструктуру, способствует диверсификации торговых путей, снижая зависимость от определённых направлений. Так, например, в 2024 г. на Инвестиционном форуме по транспортной связи ЕС с ЦА были подписаны меморандумы о взаимопонимании и выделено 10 млрд. евро [115]. Эти средства планируется направить на модернизацию ключевых объектов, как порты Курык и Актау в Каспийском море, улучшение существующих и строительство новых железных и автомобильных дорог, соединяющих Казахстан с соседями.

К сотрудничеству на макроуровне также следует отнести масштабную инициативу Global Gateway, которая помогает Казахстану диверсифицировать энергетические маршруты, развивая альтернативные пути экспорта энергии, включая «зелёный водород», развитие зелёной энергетики, через инвестиции и проекты по ВИЭ. Это позволяет РК реализовать проекты по декарбонизации и сокращению выбросов. В исследовании подчёркивается, что «экономика Казахстана характеризуется высокой углеродоёмкостью, что означает республика несёт несомненную ответственность за активное участие в смягчении последствий изменения климата» [173]. Данная инициатива не только развивает транзитный потенциал, но и помогает реализовать программу по развитию ВИЭ и выполнить свой долг по изменению климата перед международным сообществом.

Сотрудничество РК в рамках формата С5+ЕС проявляется с наибольшей эффективностью на мезоуровне, охватывая ключевые направления цифровой трансформации, устойчивой энергетики, экономической модернизации [173]. Этот уровень обеспечивает РК функциональную интеграцию в цепочки добавленной стоимости и для продвижения системных реформ и институционализации взаимодействия. На мезоуровне реализуются программы по энергетике и устойчивому развитию SECCA (Sustainable Energy Connectivity in Central Asia), CAWEP (Central Asia Water and Energy Program). Эти проекты реализуются в области возобновляемой энергетики, водно-энергетической безопасности. В контексте евразийского регионализма подобное сотрудничество усиливает энергетическую субъектность Казахстана. Участие в инициативах ЕС позволяет выстраивать трансграничные механизмы сотрудничества в ЦА, когда Казахстан вовлекается в широкие процессы евразийской сопряжённости. Это усиливает его роль как связующего звена между энергетическими рынками. Адаптация нормативно-правовой базы РК к европейским стандартам способствует институциональной совместимости. В условиях конкуренции за энергетическое и инфраструктурное влияние в

регионе между США, КНР и РФ взаимодействие с ЕС позволяет Астане расширить диапазон внешнеполитического манёвра [168].

Сотрудничество РК с ЕС в различных форматах осуществляется в основном на микро- и мезоуровнях. Важную роль в координации взаимодействия между Казахстаном и Европейским Союзом играет Делегация ЕС в Республике Казахстан.

На микроуровне это взаимодействие ограничено из-за того, что на локальном уровне участие казахстанских университетов, НПО, исследовательских центров, других представительств гражданского общества остаётся эпизодическим и не институционализированным. Причинами этого являются не только бюрократические барьеры, но и конкуренция со стороны КНР, РФ в инфраструктурной сфере, США – в инновационной.

Таким образом, макроуровень взаимодействия между ЕС и РК обеспечивает стране стратегическое подключение к глобальным энергетическим и логистическим цепочкам. Это укрепляет геоэкономическую значимость. Мезоуровень в формате С5+ЕС запускает процессы системных реформ, направленных на повышение эффективности всей системы.

Микроуровень остаётся наименее эффективным и нуждается в поддержке государства и международных партнёров. Это позволит усилить не только мягкую силу ЕС в РК, но и Казахстана в странах Евросоюза.

В рамках сотрудничества условного формата С5+Россия развивается на макро- и мезоуровне и в постсоветской логике. На макроуровне Россия выступает как основной стратегический партнёр и союзник в области безопасности (ОДКБ), экономической интеграции (ЕАЭС), политико-гуманитарного сотрудничества (СНГ). Встречи на уровне глав государств и министров позволяют обсуждать ключевые вопросы региональной безопасности и экономического взаимодействия. Сотрудничество с Москвой помогает Астане сохранять свою многовекторную внешнюю политику и отражает геополитическую и геоэкономическую логику, когда Казахстан стремится балансировать и избегать зависимости от одного центра силы.

На мезоуровне взаимодействие происходит как прикладная кооперация между министерствами, агентствами, университетами, региональными администрациями, частными бизнес-компаниями. Основной задачей мезоуровня является исполнение межгосударственных соглашений, программ и стратегий в различных областях. Для Казахстана мезоуровень проявляется в реализации целого ряда направлений регионального сотрудничества. В рамках ЕАЭС реализуются масштабные проекты по укреплению энергетической и промышленно-логистической кооперации [184]. Так, например, формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС имеет для Казахстана большое значение, так как его энергетическая система исторически связана с соседними странами Центральной Азии и Россией. Казахстан является активным участником этого процесса, так как его энергетическая система уже интегрирована в Объединённую энергосистему Центральной Азии, что рассматривается в качестве важной предпосылки для развития трансграничной

торговли электроэнергией. Астана участвует в создании двух рынков электроэнергии: Общего электроэнергетического рынка ЕАЭС и регионального рынка электроэнергии стран ЦА (CAREM). Крупные генерирующие компании, такие как АО «Севказэнерго», ТОО «Караганда Энергоцентр», АО «Мойнакская ГЭС», АО «Алматинские электрические станции», АО «Шадринская ГЭС» являются участниками будущего общего рынка [116].

В рамках промышленной кооперации в ЕАЭС осуществляется запуск совместных производственных цепочек в секторах машиностроения, металлургии и химической промышленности.

В логистической сфере реализуются инициативы по развитию международных транспортных коридоров, таких как «Западная Европа – Западный Китай», «Север-Юг», «Восток-Запад» и Евразийский транспортный коридор. Казахстан как транзитная страна обеспечивает связанность между государствами-членами ЕАЭС и выход на внешние рынки КНР, Европы, стран Персидского залива.

Таким образом, участие РК в проектах ЕАЭС на мезоуровне способствует не только углублению экономической взаимозависимости в рамках Союза, но и расширению доступа к региональным рынкам.

Однако данный уровень характеризуется асимметричностью, доминированием России в формировании повестки дня, что ограничивает суверенную субъектность стран ЦА, в том числе Казахстана.

Во-первых, наблюдается асимметрия ресурсов и политико-экономического влияния. Россия выступает в роли доминирующего участника, так как имеет самый большой вклад в ВВП ЕАЭС (85%) [80].

В Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Россия обладает ключевыми позициями и реальными рычагами влияния. Так, согласно данным аналитического доклада Евразийского банка развития (2023) инициатива о либерализации условий транспортного транзита через территорию РФ не была реализована в полном объёме, что создало дополнительные барьеры казахстанского экспорта.

Во-вторых, несмотря на наличие стратегических документов, координация и выполнение обязательств между сторонами остаётся низкой. Примером может служить затягивание сроков формирования общего рынка электроэнергии ЕАЭС, которое планировалось в 2019 г., но несколько раз откладывалось из-за разногласий по вопросам доступа к инфраструктуре и распределения прибыли.

В-третьих, внутренние структуры ЕАЭС слабо ориентированы на инклюзивное участие всех членов. Например, в рамках евразийской промышленной кооперации отсутствуют независимые площадки для малых и средних предприятий ЦА.

Таким образом, на мезоуровне между РК и РФ связи строятся по вертикали, что снижает эффективность взаимодействия стран ЦА с Россией.

Микроуровень взаимодействия С5+Россия с фокусом на Казахстан в рамках евразийского регионализма представляет собой форму

негосударственной кооперации, которая проявляется в инициативах малого и среднего бизнеса, в приграничной торговле, образовательных и научных связях. Эти взаимоотношения в большей степени основываются на уровне люди-людям (бизнес, университеты, НПО, культурные организации). Формами взаимодействия являются активизация малых и средних предприятий, как торговая активность между производителями, фермерами, торговцами. Примером могут служить ярмарки продукции Северо-Казахстанской, Костанайской и Акмолинской областей в Омске, Новосибирске, Барнауле. Особого внимания заслуживает приграничная торговля и сервис. Так, казахстанские предприниматели открывают торговые точки, кафе, сервисные мастерские в приграничных районах. Например, в Петропавловске работают представительства алтайских и челябинских компаний по продаже стройматериалов. Эти предприятия ориентированы на локальные рынки и способствуют развитию сотрудничества между жителями двух стран. В приграничных районах работают центры обслуживания предпринимателей, действуют программы субсидирования и действуют упрощённые таможенные процедуры в рамках ЕАЭС.

Несмотря на то, что микроуровень обладает высоким потенциалом, его эффективность остаётся ограниченной, так как уровень кооперации невысок и взаимодействие ограничивается локальными инициативами. Поэтому микроуровень не играет важной роли в развитии евразийского регионализма РК, так как не связывает страны институционально и образует горизонтальные связи.

Формат С5+Китай является важным инструментом евразийского регионализма. Этот формат базируется на предыдущих двух- и многосторонних инициативах, создавая диалоговую площадку для координации и реализации совместных проектов в сфере транспорта, энергетики, инвестиций. На макроуровне реализуются геоэкономические, энергетические и инфраструктурные проекты и программы, включающие инициативу «Пояс и путь», саммит «Центральная Азия-Китай», которые направлены на формирование широкого, связанного евразийского пространства, где ЦА рассматривается как ключевой транзитный узел между КНР, РФ и Южной Азией [175]. Примерами могут служить в сфере логистики – Транскаспийский международный транспортный маршрут; в области энергетики – китайско-казахстанский нефтепровод (Атырау-Алашанькоу); в инвестиционном секторе – инфраструктурные кредиты на инвестиционные соглашения.

На мезоуровне взаимодействие между Китаем и странами ЦА, включая Казахстан, реализуется на межрегиональном и межотраслевом сотрудничестве особенно в сфере логистики, создании индустриальных зон. Уровень этого сотрудничества не имеет таких масштабов, как макроуровень. Однако взаимодействие на мезоуровне позволяет казахстанскому бизнесу встраиваться в производственно-сбытовые цепочки. Одним из ключевых примеров является создание индустриальных зон и совместных предприятий на базе специальных экономических зон (СЭЗ). СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота», созданная в 2025

году, включает логистическую, портовую и индустриальную зоны. В рамках этой свободной экономической зоны уже реализованы десятки проектов, в рамках которых создано свыше 2000 рабочих мест, а оставшиеся проекты находятся в стадии реализации, что подтверждает её роль как платформы промышленно-логистической кооперации между Китаем и Казахстаном [126]. Китайская компания China COSCO Shipping (Ляньюньган) инвестировала в развитие казахстанской логистики; в результате произошла интеграция казахстанского логистического узла в глобальные маршруты COSCO, а также усиление роли Казахстана в транзите между Китаем и Европой. Китай продвигает создание экспортных платформ и переработку в приграничных районах с целью экспорта казахстанской сельскохозяйственной продукции в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР).

На мезоуровне взаимодействие между КНР и ЦА, включая Казахстан, осуществляется через бизнес-форумы, направленные на расширение экономических, инвестиционных, торговых связей. Примером могут служить региональные торгово-промышленные палаты (ТПП) Казахстана и Китая, включая Жетысу, Восточно-Казахстанскую область, Алматинскую область, СУАР.

Микроуровень взаимодействия в рамках С5+Китай остаётся слабым по нескольким причинам. Во-первых, это фокус на больших региональных проектах. Во-вторых, фокус китайской стороны на логистических и энергетических проектах, а не на поддержке средних и малых предприятий. В-третьих, отсутствие расширенной бизнес-инициативы приграничных районов. В-четвёртых, языковые и культурные барьеры.

Формат С5+Япония представляет интерес для анализа евразийского регионализма Казахстана в качестве примера сотрудничества в сфере мягкой силы и устойчивого развития, которое базируется на жёсткой институционализации, норм и обязательств. Этот формат позволяет РК укреплять свою многовекторность через взаимодействие с одной из ведущих стран Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). При этом Казахстан не вовлекается в геополитические противостояния в ИТР, тем самым сохраняя баланс и усиливая субъектность.

Сотрудничество с Японией способствует развитию альтернативной модели регионализации, при которой нет давления, с одной стороны, а усилия направлены на совместное решение общих задач, как устойчивое развитие, изменения климата, водные ресурсы, образование. Такая модель регионализма актуальна для РК, продвигающего регионализм без гегемона.

Формат С5+Япония является дополнением к институциональной архитектуре евразийского регионализма в контексте асимметричных отношений в рамках ЕАЭС и ШОС. На этом фоне формат ЦА-Япония не вызывает жёстких правил и обязательств, взаимодействие строится на принципах равенства, суверенитета, коллективного диалога. Страны Центральной Азии выступают как региональный актор, а Япония поддерживает самостоятельность региона. Это помогает Казахстану расширить своё

дипломатическое давление, укреплять свою субъектность, именно поэтому Япония может рассматриваться как дополнение к уже существующим структурам. Хотя данный формат не заменит ни ШОС, ни ЕАЭС, но он уравновешивает региональные форматы, в которых участвует Казахстан.

Казахстан в рамках формата активно развивает экономическое сотрудничество, как например, С5+Япония бизнес-форум в Астане (2024 год), где были подписаны 22 соглашения о сотрудничестве в сфере транспорта, логистики, цифровизации, агропромышленности, образования и медицины.

Резюме

Уровневая стратегия укрепления субъектности и инклюзивности Казахстана в рамках евразийского регионализма

Таблица 4. Приоритеты развития внешней политики Республики Казахстан по уровням (макро-, мезо-, микроуровни) и их вклад в евразийский регионализм

Уровень	**Что следует развивать**	**Как это связано с евразийским регионализмом и субъектностью**
МАКРО	Многовекторную внешнюю политику и участие в форматах С5+1	Способствует поддержанию стратегического баланса между внешними центрами силы, укрепляет суверенитет и расширяет дипломатическую субъектность Казахстана в условиях конкуренции глобальных игроков
МЕЗО	Развитие региональных, транспортных и энергетических коридоров, цифровой и логистической инфраструктуры	Обеспечивает интеграцию Казахстана в евразийские цепочки добавленной стоимости, повышает связанность с партнёрами и усиливает экономическую устойчивость через участие в инициативах Global Gateway, «Пояс и путь» и др.
МИКРО	Программы в сфере малого и среднего бизнеса, образования и науки, экологии, культурной дипломатии и т.п.	Формирует устойчивую социальную и ценностную основу регионализма, способствует горизонтальному взаимодействию, распространению стандартов, укрепляет мягкую силу

Примечание: таблица составлена автором исследования

Данная таблица наглядно показывает, что евразийский регионализм для Казахстана проявляется по-разному на каждом уровне: на макроуровне – через поддержание стратегического баланса, на мезоуровне – через экономическую и инфраструктурную связанность. На микроуровне – через взаимодействие «люди - людям», ценностные практики и инструменты мягкой силы. Поэтому уровневый подход удобен для оценки не только формального участия РК в интеграциях и форматах сотрудничества, но и их практической результативности с точки зрения укрепления субъектности и инклюзивности.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что эффективный евразийский регионализм Казахстана возможен лишь при сбалансированном развитии всех трёх уровней. Макроуровень обеспечивает стратегическую автономию и пространство для манёвра; мезоуровень – экономическую интеграцию и

инфраструктурную связанность; микроуровень – социальную устойчивость, доверие и долгосрочное влияние через механизмы мягкой силы.

Следует подчеркнуть, что Казахстан выступает не только участником, но и в определённой мере формирует повестку евразийского регионализма. На макроуровне это выражается в расширении дипломатических горизонтов и поддержании многовекторности; на мезоуровне - в углублении экономической, логистической и энергетической кооперации; на микроуровне – в развитии контактов и совместных практик, ориентированных на устойчивое взаимодействие между обществами.

Таким образом, политическая субъектность Казахстана наиболее отчётливо реализуется на макроуровне. Экономические интересы преимущественно продвигаются на мезоуровне через участие в региональных инфраструктурных, транспортно-логистических и энергетических проектах. В свою очередь, на микроуровне ключевое значение приобретают инструменты мягкой силы – образовательные и научные программы, инициативы для МСБ, экологическая повестка и культурная дипломатия.

3 ЭВОЛЮЦИЯ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РК В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Целью данной главы является анализ многовекторной внешней политики Казахстана в контексте меняющегося регионализма, а также выявление степени влияния новой геополитики на евразийскую политику РК.

3.1 Многовекторная внешняя политика Казахстана: баланс сил, примыкание, хеджинг

Несмотря на то, что нет общепринятой теории многовекторности, этот принцип стоит анализировать через синтез нескольких теорий. В рамках неореализма многовекторность и евразийский регионализм представляют форму внешнеполитического балансирования, направленного на сохранение суверенитета в условиях конкуренции глобальных и региональных держав за влияние в Центральной Азии. Согласно неореалистской парадигме государства действуют в условиях анархичной международной системы, где выживание и суверенитет требуют баланса между центрами силы [200]. Казахстан активно участвует в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) не только для получения экономических или политических выгод, но и для сдерживания чрезмерного влияния одного из центров силы.

Этот подход соответствует концепции «мягкого балансирования», при котором государство не вступает в прямую конфронтацию с более сильными державами, а использует институциональные механизмы, многосторонние соглашения и альянсы для снижения зависимости [180]. Так, в рамках ЕАЭС институциональное балансирование позволяет Казахстану отстаивать свой суверенитет в условиях доминирования РФ. РК использует членство в ЕАЭС как инструмент доступа к рынкам и инвестициям. Например, президент Казахстана К.К. Токаев неоднократно подчёркивал, что интеграция в рамках ЕАЭС не должна нарушать национальные интересы и ограничивать экономическую самостоятельность стран-участниц [25].

В рамках ШОС Казахстан проводит политику уравновешивания: поддерживает экономические инициативы Китая, как инициатива «Пояс и путь»; развивает отношения с другими странами-членами ШОС. Это делается для того, чтобы придать организации инклюзивный и многосторонний характер.

С позиции неолиберального институционализма многовекторность проявляется в стремлении Казахстана встроиться в международные институты и создать сеть взаимодействия, направленных на снижение рисков и повышение предсказуемости. Присутствие в евразийских интеграциях, кооперациях и форматах позволяет РК не только обеспечивать безопасность и экономическое развитие, но и участвовать в формировании повестки дня организаций. Так, Казахстан является инициатором евразийских интеграций, что свидетельствует

о заинтересованности в укреплении региональной стабильности, развитии многостороннего сотрудничества и создании баланса интересов.

Примером является предложение о создании Евразийского Союза, озвученная первым президентом Н.А. Назарбаевым в 1994 г. Президент предложил создать Союз, который будет новым типом интеграции, основанной на принципах равноправия, экономического прагматизма и взаимной выгоды с целью выработки единого экономического пространства, общего рынка и согласованной торгово-инвестиционной политики [34]. Эти идеи получили своё практическое воплощение: в 2010 г. - создание по инициативе Казахстана Евразийского экономического сообщества, которое включало механизмы согласования таможенных и торговых правил [7]. В 2009 г. было подписано соглашение о Таможенном союзе между Россией, Беларусью и Казахстаном [51], что стало промежуточным этапом на пути к более глубокой интеграции. В 2015 г. Казахстан активно участвовал в разработке учредительных документов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), настаивая на включении принципов суверенного равенства и экономического прагматизма. Следует также отметить, что Казахстан выступил инициатором создания СВМДА, призванного способствовать безопасности в Азии [59].

Согласно теории конструктивизма внешняя политика государства определяется не только материальными факторами (ресурсы, военная сила, экономические возможности), но и идеями, восприятием и идентичностью [214].

С момента обретения независимости Казахстан стремится занять свою нишу в международных отношениях, разрабатывая собственную внешнеполитическую стратегию для того, чтобы сохранить и укрепить свою субъектность. Основным инструментом такого подхода стала многовекторная внешняя политика, которая позволила молодому независимому государству позиционировать себя как ответственного и прагматичного партнёра, а также выстраивать доверительные отношения с различными центрами силы.

С момента обретения независимости Астана последовательно выстраивает свою внешнеполитическую стратегию так, чтобы каждый крупный вектор, как российско-евразийский (ЕАЭС), китайский (ШОС, ИПП), европейский (С5+ЕС), американский (С5+США), турецкий (ОТГ), исламский (ОИС), глобально-многосторонние (ООН, ОБСЕ) дополняли друг друга. В контексте евразийского регионализма эти вектора создают своеобразную сетевую архитектуру, где Казахстан является транспортным, инвестиционным, дипломатическим хабом, стремясь не быть зависимой периферией. Как отмечают казахстанские авторы, «в новых геополитических условиях Казахстан стремился создать сеть политических и экономических отношений с великими державами, действующими в регионе» [170], а также «стратегически предпочитает «вовлекать» великие державы в сложные обмены и отношения с позитивным итогом с регионом посредством создания региональных институтов и реализации многосторонних подходов» [170].

Такая евразийская региональная политика Казахстана, которая включает сразу несколько интеграций и форматов, объясняет три классические схемы поведения малых и средних держав в международных отношениях.

Баланс сил – одна из важнейших составляющих казахстанской внешней политики. Суть баланса заключается в создании практических механизмов, которые удерживают центры силы, как КНР, РФ, США в рамках многосторонних правил [155].

Во-первых, Астана выстраивает больших соседей в институциональные связи. Так, согласно правилам и процедурам, Казахстан использует своё право влиять на принятие решений. В ЕАЭС решения принимаются единым голосованием [49]. Аналогично в ШОС действует принцип «один член – один голос», поэтому Астана использует членство Индии, Пакистана или Ирана, которое размывает ось Пекин-Москва, для балансирования [56].

Таким образом, Россия и Китай оказываются привязанными к процедурам, где без согласования Казахстана любое решение блокируется.

Во-вторых, Казахстан уравновешивает давление со стороны Востока партнёрством с Западом. Вступившее в силу в 2020 г. Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве с ЕС (EPCA) охватывает 29 сфер политики и экономики. Это фактически встраивает Казахстан в европейскую правовую и техническую экосистему [12]. Европейский Союз остаётся одним из главных инвесторов, обеспечивая 47% всех прямых иностранных вложений, что затрудняет монополизацию казахстанского рынка Россией и Китаем [95].

Формат С5+1 необходим для сотрудничества с сфере безопасности и технологий. Формат С5+США способствует ослаблению возможности давления со стороны восточных партнёров.

Таким образом, многовекторные институциональные связи нужны Казахстану для создания противовесов для сохранения стратегической автономии и минимизации чрезмерной зависимости от одного центра силы.

Для этого Казахстан применяет определённые механизмы.

Во-первых, это юридический механизм сдерживания. Принцип консенсуса в ЕЭС позволяет обеспечить возможность блокирования решений, которые потенциально могут негативно отразиться на казахстанском экспорте. Это ограничивает доминирование РФ.

Во-вторых, диверсификация нормативных стандартов. Последовательное внедрение технических стандартов ЕС усиливает институциональную совместимость с европейским рынком и затрудняет монополизацию со стороны КНР и РФ.

В-третьих, финансовое распределение рисков. Казахстан получает кредиты не только через инициативу «Пояс и путь», но и финансирование по линии Global Gateway и проектов ЕБРР для развития Среднего коридора. Это позволяет Казахстану балансировать долговые обязательства между восточными и западными партнёрами [95].

В-четвёртых, механизм страхования через политику и безопасность. Астана не только имеет членство в ОДКБ и ШОС, но и создаёт баланс, участвуя в платформе С5+1, Партнёрстве ради мира (ПРМ).

Bandwagoning или политика примыкания – это стратегия, при которой менее мощное государство сознательно присоединяется к более сильному актору, рассчитывая на быструю экономическую или военно-политическую выгоду. В случае с Казахстаном политика примыкания прослеживается, прежде всего, в отношениях с Китаем и с тандемом КНР-РФ. Так, в секторе энергетики и логистики (инициатива «Пояс и путь») реализуются энергетические (нефтепровод Атасу-Алашанькоу, совместно CNPC+КазМунайГаз) и логистические (сухой порт Хоргос-Восточные ворота) проекты. Это даёт Казахстану возможность быстрого доступа к китайским инвестициям и росту транзитных доходов, укрепление статуса моста между Китаем и Европой.

В секторе военно-политического сотрудничества (ШОС) политика примыкания выражается в совместных антитеррористических учениях «Мирная миссия - 2021», где подразделения Казахстана отрабатывали взаимодействие с армиями РФ и КНР [139]. Это даёт возможность Казахстану повысить квалификацию военных, техническое переоснащение и демонстрацию лояльности двум доминирующим акторам в области безопасности.

Таким образом, Казахстан проводит политику примыкания из соображений экономической срочности. Участие в ИПП позволило РК получить миллиарды долларов прямых вложений в транзит и энергетику. С точки зрения военного прагматизма Казахстан получил доступ к военным технологиям, которые недоступны в сотрудничестве с западными форматами (ПРМ/НАТО). Особо следует отметить отсутствие жёстких политических требований, что отличает китайский подход от западного. В отличие от ЕС и США, которые нередко связывают экономическую помощь с соблюдением прав человека, прозрачностью в действиях и реформами управления, китайское финансирование по линии ИПП и ШОС не требует соблюдения подобных условий. Такой формат взаимодействия облегчает для Казахстана доступ к капиталу и технологиям. Всё это является примерами классической политики примыкания, когда государство стремится получить быстрые экономические выгоды и решить вопросы безопасности, избегая при этом политических обязательств.

В составе многовекторной внешней политики *стратегия хеджирования,* страхование или ограничение рисков выполняет функцию «страховой сетки», позволяя стране получать выгоды от сотрудничества с ведущими мировыми центрами силы, одновременно снижать чрезмерную зависимость от одного из них. Это происходит за счёт диверсификации партнёров, маршрутов и правил.

Для Астаны хеджирование реализуется в трёх основных направлениях. Во-первых, транспортная диверсификация, примером которой является Средний/Транскаспийский коридор. После 2022 г. грузоперевозки через российскую территорию стали политически и логистически сложными, что

заставило Казахстан активизировать своё участие в Среднем коридоре (Китай-Казахстан-Каспий-Кавказ-Чёрное море-ЕС). В 2024 г. объём казахстанских грузов по этому маршруту вырос на 63% и составил 4,1 млн. тонн при общем объёме 18 млн. тонн [132]. Эта сухопутно-морская схема уменьшает риски. Во-вторых, обходит санкционную зону, так как маршрут полностью исключает российскую территорию, поэтому не попадает под экспортные и страховые ограничения против Москвы. В-третьих, снижает геополитическую асимметрию. Вместо одного критического партнёра, как КНР или РФ, Казахстан распределяет транспортную зависимость между несколькими транзитными государствами и Европейским Союзом. Так, на Инвестфоруме ЕС-Центральная Азия в Брюсселе (2024 г.) было объявлено о финансировании по линии Global Gateway для модернизации портов Актау и Курык, цифровизации таможни и закупки каспийских паромов.

Важным элементом энергетического хеджирования Казахстана является стремление к диверсификации направлений экспорта нефти, в том числе за счёт развития сотрудничества с восточными рынками, прежде всего с Китаем. Существенную роль в этом процессе играет нефтепровод Атасу-Алашанькоу, обеспечивающий прямое соединение казахстанской трубопроводной системы с китайской территорией и обладающий значительным пропускным потенциалом. Фактическая загрузка данного маршрута остаётся ниже проектных возможностей, однако, по данным Министерства энергетики Республики Казахстан, за первые десять месяцев 2024 г. по нему было прокачено более одного миллиона тонн нефти. Аналитические оценки также указывают, что суммарный объём поставок казахстанской нефти в Китай через данный трубопровод по итогам 2024 г. приблизился к 1,2 млн. тонн. Использование восточного экспортного направления в сочетании с привлечением западных инвестиций в «зелёную» энергетику и инфраструктурные проекты позволяет Казахстану выстраивать более устойчивую модель энергетической политики и снижать риски зависимости от одного внешнего партнёра. Дополнительно КНР профинансировал логистические узлы по ИПП на границе с Казахстаном, включая сухой порт «Хоргос-Восточные ворота».

Параллельно Казахстан развивает зелёную экономику при поддержке Европейского Союза. Осенью 2023 г. ЕБРР выделил 39 млн. долларов США на 100 МВт на ветропарк Shokpar в Жамбылской области [122], а немецкая компания SVEVID готовит проект Hyrasia One в Мангистау, который к 2030 г. должен производить до 2 млн. тонн «зелёного» водорода [122].

Таким образом, Казахстан, используя как восточное, так и западное финансирование, снижает долговые технологические риски и одновременно встраивается в глобальную «зелёную экономику».

Особенностью казахстанского «дипломатического хеджирования» является тактика голосования, позволяющая в каждой конкретной ситуации избегать жёсткой блоковой привязки и тем самым сохранить пространство для манёвра. Так, 14 ноября 2022 г. РК воздержалась при голосовании Генеральной

Ассамблеи ООН по резолюции ES-11/5 о репарациях Украине [96]. С 23 февраля 2023 г. по резолюции ES-11/6 о «справедливом и прочном мире», демонстрируя нежелание публично противопоставлять своё мнение Москве, но и не поддерживая её позицию. В то же время в 2023 г. Казахстан проголосовал за резолюцию ES-10/21 о гуманитарной паузе в секторе Газа, присоединившись к консенсусу без угрозы ключевым отношениям с Россией и Китаем [97].

Похожая линия прослеживается и в ОБСЕ. Казахстан подписывает декларации по безопасности, избегая деклараций, прямо осуждающих Москву или Пекин. В результате Астана получает возможность развивать выгодные для себя отношения, одновременно привлекая как западные гранты, так и участвуя в восточных проектах.

Таким образом, диверсификация транспортных коридоров и источников инвестиций формирует полноценный механизм хеджирования. РК максимально использует прагматичный подход, укрепляет суверенитет, снижает зависимость от одного центра силы, развивая различные направления своей внешней политики. Всё это является базовыми принципами евразийского регионализма Казахстана.

3.2 I этап – многовекторность как стратегия выживания малой державы (1991-2000-е гг.)

3.2.1 Микроуровень: нарративы элит о внешнеполитической стратегии РК

Формирование многовекторной внешней политики Республики Казахстан происходило в условиях геополитических трансформаций как на глобальном, так и на региональном уровне. Это распад СССР и, как результат, возникновение новых независимых государств, трансформация геополитической роли России, экономический рост Китая и его активизация в Евразии, расширение Европейского Союза и НАТО на Восток, а также постепенное усиление роли исламского, особенно тюркского мира, как самостоятельных политико-экономических и культурных факторов. Молодое независимое государство оказалось перед множеством таких проблем, как отсутствие стабильных международных связей, рисками утраты территориальной целостности, нестабильности экономики.

Эти процессы формировали геополитическую среду, в которой Казахстану было необходимо выработать внешнеполитическую стратегию, которая позволила бы утвердить суверенитет и обеспечить своё участие в развивающемся формате евразийского регионализма.

С самого начала независимости руководство Казахстана понимало, что геополитическое положение страны без выхода к морю и соседство с Россией и Китаем требуют выработки сбалансированной внешнеполитической стратегии. Именно в этот период начала формироваться многовекторная внешняя политика

РК. Одним из архитекторов многовекторности был первый президент РК Н.А. Назарбаев, который в 1994 г. представил идею евразийского союза как форму постсоветской интеграции [34]. Эта инициатива предполагала не только формирование повестки евразийского регионализма, но и стремление Казахстана участвовать в создании новой евразийской архитектуры.

Многовекторность – это принцип, который способствовал выстраиванию уникальной модели внешнеполитического поведения, сочетающего прагматизм, адаптивность и институциональное участие в различных региональных инициативах. Эта модель стала основой для формирования казахстанского евразийского регионализма.

Многовекторность имеет смысл анализировать через уровневую оптику и с учётом этапов политического развития страны. Такой подход помогает не просто описать принцип «нескольких направлений», а увидеть, как он менялся со временем и за счёт каких практик закреплялся в реальной внешней политике.

На микроуровне многовекторный курс проявляется в том, как его объясняют и оправдывают внутри страны: через публичные заявления руководства, риторику ключевых акторов, устойчивые сюжеты политического языка и работу медиа. Именно здесь формируются интерпретации того, «почему так нужно» и «что это даёт», а также задаются рамки допустимых внешнеполитических решений.

На мезоуровне в центре внимания оказываются региональные процессы и институты – форматы сотрудничества, договорённости, механизмы координации. Их анализ показывает, где Казахстан получает практические выгоды от кооперации, где сталкивается с конкуренцией интересов партнёров, и какие институциональные ограничения (или, наоборот, возможности) создают региональные интеграционные инициативы.

На макроуровне многовекторность следует рассматривать как ответ на устройство международной системы: на распределение сил, конфигурацию интересов крупных игроков и динамику их соперничества. В этой перспективе становится понятнее, какие внешние условия расширяют пространство манёвра для Казахстана, а какие – сужают его и требуют более осторожной настройки приоритетов.

На микроуровне внешнеполитическая стратегия Казахстана проявляется через нарративы, которые формируются политическими элитами и, прежде всего, президентом, дипломатическим корпусом, экспертным сообществом и средствами массовой информации. Роль этих нарративов заключается, во-первых, в том, что они легитимизируют многовекторный курс во внутреннем политическом пространстве. Во-вторых, они формируют позитивный имидж страны за рубежом. В-третьих, создают общественный консенсус по поддержке внешнеполитических решений правительства. В-четвёртых, они обеспечивают возможности для адаптации в условиях меняющейся геополитики.

Исторически именно нарратив о многовекторности стал основным дискурсом, который объяснял ключевые внешнеполитические инициативы Казахстана. Основоположником многовекторности стал первый президент

Республики Казахстан Н. Назарбаева, который в начале 1990-х гг. закрепил многовекторность как стратегию балансирования между Россией, Китаем, Западом и исламским миром. В своих выступлениях Н. Назарбаев подчёркивал, что Казахстан является молодым государством и не может позволить себе одностороннюю ориентацию и должен проводить гибкую и прагматичную дипломатию. Данный подход позволит Казахстану позиционировать себя как предсказуемого и миролюбивого партнёра, открытого для сотрудничества с разными центрами силы [2].

Позже нарратив многовекторности эволюционировал в идею «Евразийского моста», который соединяет интересы Востока и Запада. В дипломатической практике применялись такие понятия, как «проактивная дипломатия», «инвестиционная активность», «стратегический баланс». Эти дискурсы укрепляли внутреннюю легитимность внешнеполитического курса, который должен был восприниматься как долгосрочная инициатива, а не ситуативные решения [169].

Так, понятие Евразийского моста активно использовалось в официальном дискурсе, где геополитическое расположение страны часто выступало основным фактором. В своей книге «В потоке истории» Н. Назарбаев отмечал: «Казахстан исторически находится на перекрёстке цивилизаций, и наше будущее связано с тем, насколько умело мы сможем использовать этот потенциал, соединяя Восток и Запад, Север и Юг». Этот нарратив объяснял участие Казахстана в различных интеграциях и кооперациях.

Другим важным направлением является концепт «ответственного государства», который связан с международными инициативами Казахстана в области безопасности и миротворчества. Выступая на саммите ОБСЕ в Астане в 2010 г., Н. Назарбаев подчеркнул, что «Казахстан, будучи средним государством, готов брать на себя ответственность за укрепление доверия и безопасности на евразийском пространстве». Подобные заявления обосновывались реальными действиями, такими как проведение саммитов, переговорный процесс, инициативы по региональной безопасности. Таким образом, многовекторность на микроуровне рассматривалась как стратегия, основанная на гибкой дипломатии.

Важную роль в официальном дискурсе играла идея «проактивной дипломатии». Первый президент придерживался идеи о том, что Казахстан должен выходить на глобальную арену. Так, в 1992 г., выступая на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент Назарбаев отмечает, что «Республика Казахстан не имеет претензий ни к одному из государств мира и последовательно проводит политику мирного урегулирования существующих и потенциальных споров» [37]. Практическим воплощением этой идеи стали инициативы по ядерному разоружению и закрытие Семипалатинского полигона. Президент Назарбаев заявлял, что «Мы – первая страна, закрывшая ядерный полигон и добровольно отказавшаяся от четвёртого по величине ядерного арсенала…» [35].

Таким образом, миролюбивая и предсказуемая политика стала важным фактором легитимности многовекторности внешней политики и её долгосрочного характера.

В эти годы важным фактором многовекторности стал официальный дискурс об «инвестиционной открытости». В 2008 г. в своём Послании народу Казахстана президент Назарбаев отмечал: «Наша задача – превратить Казахстан в один из наиболее привлекательных центров инвестиций в Евразии. Для этого мы будем открыты всем стратегическим партнёрам, независимо от их географического положения» [36]. На практике это выражалось в создании программы «Путь в Европу» (2008-2011 гг.) и создании Международного финансового центра «Астана». Эти действия обосновали многовекторность как инструмент долгосрочного экономического развития.

Многовекторность также выступала стратегией выживания, которая позволяла обеспечивать безопасность молодого государства в сложной геополитической ситуации. Первый президент неоднократно подчёркивал, в условиях уязвимости молодого государства недопустима односторонняя ориентация на какого-либо партнёра. В Стратегии «Казахстан - 2030» он отмечал: «В условиях глобальной нестабильности и отсутствия опыта государственного строительства нам жизненно важно проводить внешнюю политику, которая обеспечит мир, безопасность и сохранение суверенитета» [3]. Практической реализацией такого подхода стало заключение Договора о дружбе и сотрудничестве с РФ (1992 г.), подписание соглашений с КНР о демаркации и делимитации границ (1994-1998 гг.), активное сотрудничество с ЕС и США. Все эти действия молодого независимого государства позволили РК исключить территориальные споры и начать привлекать инвестиции и технологии.

Многовекторность также стала закрепляться в официальном дискурсе как один из элементов национальной идентичности. Для казахстанского общества многовекторность означала, что страна может самостоятельно выстраивать свою внешнюю политику, избегая зависимости от одного центра силы.

Многовекторность также следует рассматривать как продолжение политики мирного сосуществования более 130 национальностей, проживающих в Казахстане. Создание Ассамблеи народа Казахстана институционализировало внутреннюю многовекторность, которая не может быть ориентирована лишь на одну страну. В Послании Н.А. Назарбаева народу Казахстана 2012 года внутренний порядок фактически задаётся как опора для внешней политики: устойчивость, согласие и единство общества рассматриваются не как второстепенные лозунги, а как практическое условие, позволяющее государству действовать уверенно на международной арене. Эта логика понятна: когда внутри страны нет острых разломов и сохраняется политическая и социальная стабильность, у власти больше ресурсов и доверия для переговоров, участия в многосторонних форматах и защиты собственных интересов.

В научных работах многовекторность Назарбаева обычно трактуется как прагматичный курс, который избегает жёсткой привязки к одному центру силы. Речь идёт о стремлении выстраивать рабочие отношения сразу с несколькими

направлениями – Россией, Китаем, Западом, исламским миром и региональными партнёрами – и делать это на принципах взаимной выгоды и равного партнёрства. При этом внутреннее единство в такой модели выступает не фоном, а важным ресурсом: оно укрепляет переговорные позиции страны и помогает последовательно проводить внешнеполитическую линию без резких колебаний под давлением внешних факторов [4]. Так, межэтническое согласие внутри страны становится ещё одним аргументом в пользу многовекторности. Межнациональное мирное сосуществование стало моделью гармоничного взаимодействия.

Религиозная толерантность в многонациональной и многоконфессиональной стране стала важным фактором для укрепления многовекторности. Казахстан с самого начала независимости позиционировал себя как страну, где представители разных религий и культур могут мирно сосуществовать. Конгресс лидеров мировых и традиционных религий, который проводится в Астане с 2003 г. следует рассматривать как вклад в формирование глобальной культуры диалога.

Первый Конгресс 2003 г. стал важным международным событием, особенно после террористических атак в Нью-Йорке, когда мир нуждался в религиозном и цивилизационном диалоге [106].

Так, Казахстан предложил нейтральную и инклюзивную площадку. Это стало доказательством того, что государство, где проживают 130 национальностей и представители 40 конфессий, может быть примером мирного сосуществования. Участие в работе последующих конгрессов генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, который отметил, что «Казахстан стал местом встречи и согласия, напоминая миру о ценности диалога и мира» [106], подтвердило международного признание данной модели как успешного примера межэтнического и межконфессионального согласия.

Таким образом, религиозная толерантность стала важным фактором многовекторности, который позволил Казахстану создавать образ государства на международной арене как альтернативы конфронтации.

3.2.2 Мезоуровень и проявление многовекторной внешней политики Казахстана через инициативы евразийского регионализма (1991-2000-е гг.)

Мезоуровень казахстанского регионализма формировался на базе трансформации многовекторности. Молодая республика должна была создавать свою внешнеполитическую стратегию, исходя из своего геополитического расположения между Россией и Китаем, с активным участием США и ЕС, а также влиянием исламского мира. В 1990-2000-е гг. Казахстану необходимо было не только вырабатывать механизмы адаптации к новой международной среде, но и активно участвовать в формировании региональной стабильности и сотрудничества. В новых геополитических условиях многовекторность обрела новое содержание. Если на раннем уровне многовекторность была политикой выживания через балансирование между центрами силы, то в середине 1990-х

и в 2000-х гг. многовекторность стала основой для инициирования Казахстаном региональных проектов.

Если на первом этапе (1991-1993 гг.) развития казахстанского регионализма, основанного на многовекторности имело своей целью выстраивание отношений с бывшими советскими республиками, признания международным сообществом и сохранения территориальной целостности, то в этот период участие РК в региональных структурах было минимальным и носило больше характер деклараций и намерений.

Прежде всего речь идёт об участии Казахстана в Содружестве независимых государств (СНГ) в 1991 г [47]. СНГ воспринималось Казахстаном не как полноценный интеграционный проект, а как инструмент «мягкого развода». СНГ позволяло сохранить хозяйственные связи и создавать институты, которые регулируют военные и гуманитарные вопросы.

В начале 1990-х гг. участие Казахстана в СНГ рассматривалось как практический инструмент сохранения жизненно важных хозяйственных связей постсоветского пространства. В учредительных документах и Уставе СНГ среди приоритетов закреплялось сотрудничество и координация в ключевых секторах, включая развитие систем транспорта и связи, а также энергетических систем, что создавало институциональные рамки для поддержания устойчивого функционирования экономики и обеспечения населения [48].

Такая позиция Казахстана была подтверждена в ряде ключевых документов и выступлений. В 1994 г. в своём выступлении в МГУ Н. Назарбаев заявлял, что «Сегодня мы видим, что Содружество Независимых Государств не стало полноценной структурой, способной решать масштабные задачи. Для этого нам нужны новые формы интеграции, институциональные механизмы и долгосрочные проекты» [34].

В казахстанском экспертном сообществе СНГ нередко рассматривается как переходный (рамочный) механизм постсоветского периода: формат, позволивший институционально оформить межгосударственные связи после распада СССР и снизить риски дезорганизации сотрудничества в политико-правовой и социально-экономической сферах. В официальных оценках подчёркивается, что создание СНГ способствовало формированию основы новых межгосударственных отношений и закреплению «мирной, цивилизованной формы политического и экономического размежевания», а также обеспечило «гибкий механизм» взаимодействия государств-участников.

Одновременно в последующей аналитике отмечается, что потенциал СНГ как интеграционного проекта оказался ограниченным, а уровень экономической и правовой интеграции – сравнительно слабым, что усилило восприятие СНГ, прежде всего, как координационной, а не глубоко интеграционной площадки.

Примером может служить Алма-Атинская декларация 1991 г., в которой Казахстан подтвердил «признание и уважение территориальной целостности, неприкосновенности существующих границ» [47].

Для Казахстана это было важно, так как фиксировало международные гарантии, суверенитет страны и устраняло угрозу территориальных претензий со стороны других государств.

На втором этапе (1994-1996 гг.) казахстанский регионализм проявляется в выдвижении собственных интеграционных идей. Это было связано с переходом от политики выживания и балансирования к формированию собственных инициатив. В этот период Казахстан укрепляет свою региональную субъектность, формируя собственное видение евразийской архитектуры. Ключевым событием стало выступление президента Н. Назарбаева в МГУ в 1994 г., где он выдвинул идею о создании Евразийского союза государств. Он подчёркивал, что основой такого союза должно было стать равноправие участников, экономическая прагматика и открытость к разным центрам силы. Назарбаев подчёркивал: «Евразийский союз должен строиться на принципах равноправия и добровольности, он не может быть навязан силой, а должен служить интересам экономического развития и процветания всех его участников» [34].

Евразийскую идею Н.А. Назарбаева в контексте мезоуровня следует рассматривать не как идеологический проект «классического евразийства», а как прагматическую программу институционального упорядочивания постсоветского пространства через взаимовыгодную экономическую интеграцию. В выступлении в МГУ 29 марта 1994 г. Назарбаев исходил из критической оценки ограниченности СНГ как механизма решения долгосрочных задач и предлагал перейти от декларативной координации к формированию устойчивых интеграционных институтов и «длинных» проектов развития. Такой подход задавал рамку евразийского регионализма как практики, ориентированной на снижение транзакционных издержек, сохранение совместимости экономик и формирование общей инфраструктурной связанности [34].

Содержательно евразийская идея Н. Назарбаева строилась вокруг принципов добровольности и равноправия участников, экономической рациональности и поэтапности, что принципиально важно для отличия казахстанского видения интеграции от схем «центр-периферия». В академической литературе подчёркивается, что в логике Назарбаева Евразийский союз мыслился как интеграция нового типа: она не должна подменять суверенитет государств, а напротив – создавать условия для развития и устойчивости через согласованные правила и институты. В этом смысле евразийская идея выступала инструментом не «сдачи» субъектности, а её укрепления за счёт совместного управления взаимозависимостью [34].

Для мезоуровня казахстанского регионализма принципиально, что евразийская идея была изначально совместима с многовекторностью: она не предполагала изоляции от внешнего мира и могла рассматриваться как один из треков внешней политики наряду с взаимодействием с ЕС, США, КНР и исламским миром. В этой логике евразийская интеграция трактовалась как «внутренняя» институциональная опора устойчивости региона (через общий

рынок, транспортно-энергетическую координацию, согласование правил), тогда как многовекторность обеспечивала «внешний» баланс и расширение возможностей развития [1, 2].

Дальнейшая эволюция инициатив Н. Назарбаева показывает, что евразийская идея постепенно переходила от концептуального уровня к институционализации через конкретные интеграционные механизмы и организации. Поэтому в диссертационном анализе евразийскую идею целесообразно трактовать как один из ранних «мезоуровневых» маркеров субъектности Казахстана: государство не только старалось адаптироваться к региональной среде, но и выдвигало рамочные проекты, задавая повестку и предлагая правила игры. Именно эта линия – от идеи к институтам – позволяет связать евразийскую концепцию Назарбаева с более поздними формами евразийского регионализма и интеграции.

Эта инициатива была новой для постсоветского пространства, так как противопоставляла себя российской модели интеграции, которая в 1990-е гг. воспроизводила схему «центр-периферия». Москва выстраивала отношения с бывшими советскими республиками на основе лидерства и необходимости следовать российским правилам. В этот период Москва создавала проекты, которые закрепляли доминирующую роль РФ, как старшего партнёра и центра.

СНГ также можно рассматривать, как пример патерналистского проекта России с целью сохранения политического и военного контроля над бывшими советскими республиками. Например, Россия предлагала ввести единое гражданство в рамках СНГ, а также координацию внешней политики под эгидой РФ (1993-1994 гг.). Эти предложения вызвали насторожённость в других странах и были восприняты как ограничение суверенитета.

Следующим шагом стало создание Центральноазиатского союза (ЦАС) в 1994 г. по инициативе Казахстана. В рамках ЦАС Астана активно продвигала идеи формирования общего рынка, унификации тарифов и совместного использования водно-энергетических ресурсов и развития транспортных коридоров. Это стало поворотным моментом перехода от политического курса к конкретным инициативам.

ЦАС следует рассматривать как проявление евразийского регионализма, так как он был ориентирован не на замкнутость региона, а на интеграцию ЦА в общую евразийскую архитектуру. ЦАС стал первой попыткой для стран региона выступать как коллективный актор, который создаёт собственную модель интеграции.

Однако к концу 1990-х гг. стало очевидно, что потенциал ЦАС ограничен. Это объяснялось несколькими основными причинами. Во-первых, это политические амбиции на лидерство, как Казахстана, так и Узбекистана. Это приводило к скрытой конкуренции и подрывало согласованность в принятии решений. Во-вторых, между государствами-членами сохранялись различия в экономическом развитии, тарифная и таможенная политики не согласовывались, торговые барьеры сохранялись. Всё это не способствовало созданию общего рынка. В-третьих, внешнеполитический контекст государств

региона отличался. Часть политических элит ориентировалась на Москву, а другая часть на изоляцию. В-четвёртых, институты ЦАС были слабыми, отсутствовали механизмы эффективного арбитража и стабильного финансирования. Все эти факторы стали причинами уязвимости ЦАС к внешним и внутригосударственным кризисам.

Эксперты объясняют распад ЦАС тем, что проект оказался слишком амбициозным для региона с сильными внутренними противоречиями и отсутствием доверия между элитами.

Тем не менее ЦАС следует рассматривать как ранний и важный этап институционализации на мезоуровне. Он продемонстрировал, что многовекторность является не только стратегией дипломатического балансирования между центрами силы, но и стремлением к созданию собственных интеграционных проектов, которые выстраивались в более широкую архитектуру евразийского регионализма. Идея ЦАС заложила методологическую и институциональную основы, получившие дальнейшее развитие в рамках ЕвразЭС и ЕАЭС. ЦАС позволил Казахстану закрепиться в роли инициатора региональных проектов.

С самого начала своей независимости было очевидно, что многовекторность должна проявляться и в экономике. На мезоуровне это проявилось в активном продвижении инвестиционных инициатив, создании условий для региональной торговли и развитии инфраструктурных коридоров, связывающих ЦА с более широкой Евразией.

Во-первых, ключевым элементом стала политика инвестиционной открытости. Уже в середине 1990-х гг. Казахстан предложил партнёрам в регионе участвовать в совместных проектах по разработке нефтегазовых месторождений, транспорту и коммуникациям. Одним из таких примеров стало подписание Соглашения о создании в 1993 г. консорциума Тенгизшевройл (ТСО), в которую вошли американские корпорации Chevron (50%) ExxonMobil позже присоединилась и казахстанская компания «КазМунайГаз». Этот проект стал крупнейшей сделкой в нефтяном секторе постсоветского пространства и открыл доступ к западным инвестициям, технологиям и экспортным маршрутам [118].

Важным элементом транспортной диверсификации стало формирование Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) как международного проекта с участием Российской Федерации, Республики Казахстан и ведущих международных нефтегазовых компаний. В институциональном отношении ключевым этапом стало оформление консорциума в современном виде через акционерное соглашение 6 декабря 1996 года, при том, что проектная рамка КТК была заложена ранее.

Целью проекта стало строительство и эксплуатация магистральной нефтепроводной системы Тенгиз-Новороссийск, обеспечивавшей вывоз казахстанской нефти к морскому терминалу в районе Новороссийска и тем самым – доступ к мировым рынкам.

Этот проект стал частью более широкой евразийской энергетической инфраструктуры, где РК закрепилась в качестве энергетического актора.

Именно благодаря этим инвестиционным соглашениям Казахстан встроился в международные энергетические и транспортные цепочки, где реализуется многовекторный принцип. Сотрудничество в западных компаниях происходило одновременно с сохранением связей с Россией и Китаем.

Безопасностное измерение мезоуровня казахстанского регионализма проявлялось не только через «мягкие» координационные форматы (СНГ) и экономические проекты, но и через институциональные механизмы в сфере обороны. Для Казахстана таким контуром стал Договор о коллективной безопасности (ДКБ), который позднее был преобразован в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В логике многовекторности это было не «замещение» других направлений, а способ зафиксировать минимально необходимый уровень региональной предсказуемости и управляемости рисков, сохраняя возможность для параллельной экономической и политической диверсификации.

Казахстан подписал ДКБ 15 мая 1992 г. в Ташкенте. Договор закрепил принцип коллективной обороны: агрессия против одного участника рассматривается как агрессия против всех, а государства-участники оказывают необходимую помощь, реализуя право на самооборону в соответствии с Уставом ООН и уведомляя Совет Безопасности ООН. В казахстанском правовом поле ДКБ был ратифицирован постановлением Верховного Совета РК от 23 декабря 1992 г.; в справочных данных к тексту договора фиксируется, что он вступил в силу 20 апреля 1994 г. [53].

К началу 2000-х гг. рамочный характер ДКБ стал дополняться более оформленной институциональной конструкцией. 7 октября 2002 г. в Кишинёве были подписаны Устав ОДКБ [54] и Соглашение о правовом статусе Организации, которые определили цели укрепления мира и региональной безопасности, структуру органов (Совет коллективной безопасности, министры иностранных дел/обороны, секретари советов безопасности и др.) и порядок принятия решений.

Для анализа многовекторности принципиально, что Устав ОДКБ [54] содержит норму о совместимости обязательств: он не затрагивает прав и обязанностей государств-членов по другим международным договорам. На практике это позволяло Казахстану одновременно поддерживать союзнический контур безопасности с Россией и партнёрами по региону и развивать иные направления сотрудничества. Показательно, что практическое взаимодействие Казахстана с НАТО началось через присоединение к программе «Партнёрство ради мира» в 1994 г.

Таким образом, участие Казахстана в ДКБ/ОДКБ на мезоуровне можно трактовать как элемент институциональной многовекторности: с одной стороны, оно обеспечивало коллективные гарантии и процедурную координацию в евразийском пространстве; с другой – оставляло возможность для параллельного развития других внешнеполитических треков с западными

партнёрами, а также экономическую интеграцию и инфраструктурные проекты, описанные выше.

На третьем этапе (1995-1999 гг.) многовекторность перешла от идей и инициатив к практическим механизмам, сочетающим экономическое и политико-безопасностное измерения. Важным шагом стало подписание Соглашения о Таможенном союзе между Беларусью, Казахстаном и Россией (20 января 1995 г.) [15], к которому впоследствии присоединились Кыргызстан (1996) и Таджикистан (1999).

Астана рассматривала Таможенный союз [15] как инструмент углубления торгово-экономического сотрудничества, устранения барьеров и формирования условий общего экономического пространства. При этом в казахстанской позиции последовательно подчёркивалось, что интеграция должна иметь прагматическую, социально-экономическую направленность; как отмечал Н. Назарбаев, успешной может быть только такая интеграция, которая обеспечивает рост благосостояния народов [34].

Во-вторых, многовекторность получила новое измерение в сфере безопасности. В 1996 г. Казахстан стал участником Шанхайской пятёрки. Для Астаны это был стратегический шаг. С одной стороны, сотрудничество с Китаем обеспечивало баланс с Россией. С другой, создавалась площадка для укрепления коллективной безопасности. В рамках Шанхайской пятёрки создавались механизмы, которые затем трансформировались в новый региональный формат, где Россия и Китай выступают равными партнёрами, а ЦА – коллективным членом.

Таким образом, на мезоуровне в 1995-1999 годы многовекторность Казахстана впервые соединила экономику и безопасность. С одной стороны, Астана участвовала в Таможенном Союзе, участвовала в экономической интеграции. С другой, активно участвовала в создании ШОС, коллективной безопасности. Эти действия Казахстана в рамках многовекторности создали механизмы, позволившие укрепить механизмы регионализма, которые позже трансформировались в институты.

На четвёртом этапе (2000-е гг.) основной характеристикой многовекторности и евразийского регионализма стала институционализация и закрепление региональной стратегии. Начиная с 2000-х гг. многовекторная внешняя политика окончательно трансформировалась в стратегию региональной институционализации. Казахстан стал активным участником создания евразийского регионализма.

Во-первых, ключевым событием стало создание Евразийского Экономического сообщества (ЕврАзЭС). Казахстан рассматривал ЕврАзЭС как инструмент углубления экономического сближения и развития торгово-экономических связей при сохранении суверенитета государств-участников, что закреплено в учредительном Договоре ЕврАзЭС.

Таким образом, интеграция воспринимается как возможность модернизации и диверсификации экономик, не как политическая надстройка. Во-вторых, в 2001 г. Казахстан стал одним из учредителей ШОС, где смог

совместить экономические интересы и вопросы безопасности [55]. В ходе Санкт-Петербургского саммита ШОС (7 июня 2002 г.) в официальных документах Организации акцентировалась связка задач региональной безопасности и расширения торгово-экономического взаимодействия, что задавало рамку для дальнейшего развития ШОС как института, сочетающего в себе безопасность и развитие. В-третьих, Казахстан активно участвовал в развитии транспортно-логистической инфраструктуры, которая рассматривается как практическая база евразийского регионализма. Каспийский трубопровод (2003-2005 гг.), проекты по строительству нефтепроводов в Китай (2003-2005 гг.), развитие транскаспийского маршрута интегрировали Казахстан в глобальные энергетические и торговые цепочки.

Экспертное сообщество отмечает, что в 2000-е гг. Казахстан закрепил за собой роль инициатора интеграционных процессов. М. Ларуэль отмечает, что Астана также стремилась превратить многовекторность в фактор регионального лидерства [216]. М. Олкотт называет евразийскую политику Казахстана «уникальной моделью прагматичной интеграции» [211].

Таким образом, в 2000-е гг. многовекторность приобретает новое качество и тесно связана с евразийским регионализмом Казахстана. Основной характеристикой стала институционализация, соединяющая долгосрочные задачи экономического развития, безопасности, модернизации и укрепления субъектности. Участие в ЕврАзЭС и ШОС, интеграция в транспортно-логистические цепочки позволили Казахстану стать активным участником и архитектором евразийского регионализма.

3.2.3 Макроуровень казахстанского регионализма

Макроуровень казахстанского регионализма объясняет переход Казахстана от балансирования к хеджированию. На раннем этапе политика многовекторности имела форму балансирования, когда Казахстан пытался выстраивать политику балансирования для развития сотрудничества и сохранения многовекторности. Однако развитие кооперации и интеграции усилило давление РФ в рамках СНГ, Таможенного союза, а также зависимость от российских транзитных маршрутов. Всё это было риском потерять экономический суверенитет и продемонстрировало ограниченность метода балансирования. В этих условиях Казахстан был вынужден перейти от балансирования к хеджированию. Хеджирование во внешней политике представляет стратегию государства, направленную на минимизацию рисков и неопределённости в международной среде за счёт сочетания сотрудничества и сдерживания в отношениях с крупными державами. Другими словами, это форма страховки, когда государство выстраивает сеть разнонаправленных связей, которые позволяют государству вести эффективную политику и снижают уязвимость.

Хеджирование казахстанской внешней политики в рассматриваемый период имеет несколько ключевых характеристик.

Диверсификация партнёров. Россия оставалась основным партнёром и основным вектором внешнеполитической стратегии РК. Через российскую территорию осуществляется транзит казахстанских энергоресурсов. ОДКБ обеспечивала безопасность РК. Поэтому зависимость от Москвы воспринималась Астаной как риск для ограничения субъектности. В этой ситуации основным балансирующим звеном выступал Китай. На раннем этапе отношения между РК и КНР были фокусированы на урегулировании территориальных вопросов и минимизации угроз. В это время Китай ещё не воспринимался Казахстаном как альтернативный вектор внешней политики.

В середине 1990-х годов РК активно вовлекалась в интеграции с российским лидерством. Это усиливало зависимость от Москвы. Именно поэтому китайский вектор стал восприниматься в качестве балансирующего. Создание Шанхайской пятёрки означало для Астаны возможность участия в площадке, где КНР и РФ выступают равными партнёрами и, следовательно, нивелировать доминирование Москвы.

В конце 1990-х гг. китайское направление во внешней политике Казахстана получило более устойчивое институциональное наполнение, а повестка двусторонних отношений стала заметно смещаться от «вопросов наследия» к экономике и инфраструктуре [179]. Ранние договорённости о добрососедстве и дружбе фиксировали, что развитие казахстанско-китайских отношений рассматривается сторонами как фактор укрепления мира и стабильности в регионе и в более широком международном контексте.

Ключевым же катализатором укрепления китайского вектора стало расширение сотрудничества в энергетике. В 1997 г. были оформлены рамочные договорённости с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК), прямо связанные с подготовкой и продвижением проекта казахстанско-китайского нефтепровода, что означает переход к практической переработке трубопроводного направления. Дальнейшая институционализация этой линии прослеживается в совместной декларации 1999 г. [13], где энергетическое взаимодействие обозначено как стратегически значимое, а стороны отдельно подтвердили намерение ускорить подготовку технико-экономического обоснования проекта казахстанско-китайского нефтепровода.

Для Казахстана это означало, что появились альтернативные маршруты, нередко в обход территории России. Таким образом, Китай стал не только партнёром по обеспечению безопасности, но и экономического развития.

Именно в этот период Китай стал для Казахстана не только фактором безопасности и экономического развития, но и партнёром для диверсификации внешней политики.

Таким образом, китайский вектор становится одним из ключевых инструментов многовекторности. Если в начале 1990-х гг. он сводился преимущественно к урегулированию приграничных вопросов, то к 1996 г. он начинает выполнять роль баланса в условиях гегемонии России на постсоветском пространстве [179]. В начале 2000-х гг. китайский вектор закрепляется в качестве альтернативного направления для энергетики,

транспорта и региональной безопасности. Так, казахстанская многовекторность приобретает сильное азиатское направление. Это стало элементом хеджирования рисков зависимости от России. Китайский фактор является одним из ключевых элементов трансформации евразийского пространства.

Запад сыграл важную роль в развитии многовекторной внешней политики РК. Прежде всего, это легитимации Казахстана на международной арене. Руководство Казахстана понимало, что для успешной реализации многовекторности необходимо интегрироваться в глобальные экономические и политические структуры. Поэтому западный вектор выполнял ключевые функции: политические функции заключались в укреплении международного имиджа Казахстана, экономические функции выражались в привлечении инвестиций и технологий.

На макроуровне Запад выступал важной опорой для инвестиций и модернизации: при сохранявшейся структурной зависимости экспорта казахстанской нефти от транзитной инфраструктуры через РФ (КТК/СРС и вывоз через терминал под Новороссийском) сотрудничество с США и ЕС обеспечивало Астане альтернативные каналы технологического и финансового развития.

В экономическом измерении ключевым маркером инвестиционной открытости стало создание Tengizchevroil (ТШО) для разработки Тенгизского месторождения: соглашение о совместном предприятии было подписано 6 апреля 1993 г. между Республикой Казахстаном и Chevron; впоследствии в проекте закрепилось участие ExxonMobil (25%) и национальной компании «КазМунайГаз», что означало прямое включение Казахстана в мировую энергетическую систему через западные корпорации (не только через постсоветские транспортные каналы) [117]. Запуск Каспийского трубопроводного консорциума в 1996 г. закрепил этот вектор, что позволило РК не только получать инвестиции и технологии, но и укрепить многовекторный характер своей внешней политики. Это соответствовало логике хеджирования казахстанской политики.

В политическом плане отношения с Западом позволяли РК развивать многовекторность и не замыкаться только на постсоветском пространстве [4]. Астана стремилась создавать имидж «открытого предсказуемого партнёрства». Подписание Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве с ЕС [14] было важным шагом, позволившим Астане закрепиться в европейским политическом и экономическом пространстве. В том же году Казахстан присоединился к программе НАТО «Партнёрство ради мира». Это дало возможность развивать контакты в сфере безопасности с евроатлантическим сообществом, не разрывая отношений с Россией. Сотрудничество с Западом позволяло Казахстану расширять манёвренность и увеличивать зонтики безопасности.

Западный вектор также играл важную роль в развитии многовекторности, так как выполнял роль третьего стратегического вектора, придавая внешней политике РК глобальный характер. Он обеспечивал не только приток

инвестиций, но и закреплял роль Казахстана не только на постсоветском пространстве, но и на мировой арене.

Таким образом, в 1990-2000-е годы многовекторность на макроуровне строилась вокруг трёх ключевых направлений: Россия, Китай и Запад. В рамках этого треугольника Казахстан выстраивал стратегию хеджирования, стараясь минимизировать риски зависимости от одного центра силы. Россия оставалась главным и наиболее влиятельным направлением внешней политики РК. Молодое независимое государство активно интегрировалось в экономические интеграции и интеграции в области безопасности под руководством РФ. Это вызывало опасения у казахстанского руководства, поэтому требовался баланс этому вектору.

Балансом российскому вектору стал китайский вектор. Казахстан, участвуя в Шанхайской пятёрке, и урегулировав приграничные вопросы, стал воспринимать КНР как баланс России. К концу 1990-х гг., начале 2000-х гг. китайский вектор закрепился к казахстанской внешней политике как экономическая альтернатива безопасности. С 1997 г. подписание договора о строительстве нефтепровода Атасу-Алашанькоу открыло путь для энергетической диверсификации [19].

Запад обеспечивал Казахстану глобальную легитимацию и инвестиции. США и ЕС выполняли роль третьего вектора, который укреплял стратегию хеджирования и снижал уязвимость перед российским и китайским векторами.

Таким образом, хеджирование на макроуровне наряду с балансированием и примыканием стало ключевым элементом многовекторной внешней политики РК. Основными составляющими хеджирования стали: во-первых, диверсификация векторов. Во-вторых, элемент страховки от рисков через развитие альтернативных каналов в сфере политического, экономического, институционального взаимодействия. В-третьих, гибкость участия РК в различных форматах. В-четвёртых, Казахстан придерживался параллельности каналов взаимодействия для того, чтобы они не противоречили, а дополняли друг друга.

3.3. II этап институционализации многовекторной внешней политики РК (2000-2014 гг.)

3.3.1 Микроуровень институционализации многовекторности

В рассматриваемый период многовекторность переходит от стратегии балансирования и начала хеджирования к институционализации внешней политики. На первом этапе развития многовекторности евразийский регионализм носил скорее декларативный и фрагментарный характер, в то время как в 2000-2014 годы он становится стратегией, которая опирается на институционализацию сотрудничества и создание устойчивых структур. Именно в это время РК становится не просто участником региональных процессов, а активным архитектором евразийской интеграции и кооперации.

На микроуровне происходила институционализация дискурса и имиджевой дипломатии. Именно в период с 2000 по 2014 годы многовекторность закрепляется в дискурсе элит в качестве внешнеполитического нарратива Казахстана. Многовекторность также являлась имиджевым инструментом позиционирования на международной арене. Руководство страны всё активнее использовало образ страны как евразийского моста, соединяющего Восток и Запад, исламский и христианский миры, Европу и Азию. Как подчёркивал Н.А. Назарбаев, Казахстан «в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе был замыкаться на узкорегиональных проблемах. Будущее Казахстана – и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе», а срединное положение между Европой и Азией позволяло стране «сыграть стратегически важную роль связующего звена» между ключевыми частями Евразии [39].

Присоединение Казахстана к ОДКБ институционализировало коллективные механизмы обороны. Это позволило стране балансировать риски в сфере безопасности, но не ограничиваться членством на двусторонней основе.

Особое значение для перехода многовекторности к институционализации на глобальном уровне председательства РК в ОБСЕ. Став председателем, Казахстан взял на себя ответственность за координацию работы институтов ОБСЕ. Казахстан официально заявил, что его председательство будет основано на 4Т: доверие, традиция, транспарентность, толерантность. Председательство в ОБСЕ позволило Казахстану усилить своё международное присутствие через дипломатические инициативы. Председательство также продемонстрировало способность РК соединять региональные проблемы с глобальными. Так, в повестку Астана включала проблемы регионального характера, как афганский вопрос, борьба с терроризмом и экстремизмом, развитие транспортных и энергетических коридоров. Таким образом, Казахстану удалось интегрировать региональную проблематику в общеевропейскую повестку безопасности. Здесь многовекторность выступила как способ формировать повестку и правила в международных отношениях.

В аналитических и экспертных кругах председательство РК в ОБСЕ рассматривалось как кейс, где страна формировала свой имидж через институциональное лидерство и диалог. Казахстан показал, что может встраиваться в глобальную систему безопасности без ограничения постсоветскими и региональными структурами. Как председатель ОБСЕ Казахстан выступил в качестве глобального модератора и площадки для диалога между Востоком и Западом. Это позволило стране укреплять нарратив «Евразийского моста» и позиционировать себя как новую, уникальную модель мирного сосуществования различных религий и этносов.

Таким образом, на микроуровне институционализация многовекторности выражалась в закреплении дискурса «евразийского посредничества» в официальной риторике, в использовании имиджевых инструментов публичной дипломатии, в продвижении тезиса об уникальной роли Казахстана, способного соединить различные политико-культурные пространства.

3.3.2 Мезоуровень институционализации многовекторности

На мезоуровне в 2000-2014 годы многовекторность Казахстана проявлялась через стремление страны участвовать в создании и институционализации региональных структур политического, экономического характера, а также имеющих составляющие в военной и области безопасности.

Экономическое измерение проявилось в создании устойчивых структур, как ЕврАзЭС, где Казахстан выступил не только участником, но и одним из инициаторов создания данной интеграции. Участие РК в ЕврАзЭС означало переход к системному евразийскому регионализму. В рамках ЕврАзЭС Казахстан стремился закрепить принципы равноправия, прагматизма и открытости в интеграционном процессе. В отличие от СНГ и Таможенного союза ЕврАзЭС имел более чёткие механизмы координации и взаимодействия.

К середине 2000-х гг. начался поэтапный переход к Единому экономическому пространству. В этих процессах РК выступала не сколько как младший партнёр, но и как активный участник формирования повестки дня евразийского регионализма в рамках ЕврАзЭС. Астана продвигала прагматические инициативы и стремилась сохранить суверенитет и продвигать национальные интересы.

Безопасность: институционализация через ОДКБ и ШОС. Мезоуровень многовекторности также включал развитие многосторонних механизмов безопасности, в рамках которых Казахстан мог сочетать сотрудничество с Россией и Китаем, США и ЕС.

В 2000-е гг. участие Казахстана в постсоветских механизмах безопасности было институционально оформлено через трансформацию режима ДКБ (1992) в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [53]. Устав ОДКБ [54] был принят в 2002 г. и вступил в силу после ратификации в 2003 г., что закрепило для РК постоянное участие в коллективных структурах безопасности. Членство в ОДКБ рассматривалось как инструмент страховки от региональных рисков и как возможность участвовать в формировании повестки и механизмов реагирования, включая доступ к ресурсам ведущего участника – России (в частности, оперативной совместимости, учений, инфраструктурной и организационной поддержки).

Одновременно в литературе подчёркиваются риски асимметрии: доминирование России в постсоветской архитектуре безопасности может приводить к структурным дисбалансам и к тому, что региональные форматы работают как «виртуальный регионализм» - создают внешнюю институциональную оболочку сотрудничества, но дают ограниченные коллективные выгоды и нередко обслуживают задачи сохранения влияния и режимной стабильности.

Для того, чтобы избежать сильной зависимости, Казахстан развивал альтернативные формы, как ШОС, Программа НАТО «Партнёрство ради мира» и др. Это является свидетельством политики хеджирования в казахстанской внешней политике, которая предлагает членство в различных военно-

политических и других организациях с лидерством разных центров силы. Использование постсоветских институтов не означает отказ от многовекторности, а позволяет сохранить гибкость и открытость в других направлениях.

ШОС является важным элементом хеджирования внешней политики РК, так как позволила институционализировать китайский вектор и укрепить его в качестве балансирующего механизма по отношению к российскому влиянию в сфере экономики и политики.

Членство Казахстана в ШОС давало возможность расширить свои стратегические опции, что означало увеличение числа направлений и инструментов, которые позволили РК достигать своих целей во внешней политике, экономике и безопасности, и не ограничиваться одним партнёром или форматом сотрудничества. Расширение стратегических опций позволило Астане снизить зависимость только от одного центра силы, расширило пространство для манёвра в условиях растущей конкуренции между КНР, РФ и меньше – США, а также Турцией. Это позволяет сохранять автономию внешнеполитических решений.

В рамках хеджирования членство ШОС позволяло Казахстану создавать параллельные взаимодополняющие каналы взаимодействия. РК параллельно участвует в различных международных и региональных институтах и форматах. Внешнеполитическая стратегия Республики Казахстан направлена на развитие взаимодополняющих векторов внешней политики, которые усиливают, но не противоречат друг другу. Участие в ШОС способствует расширению торгового сотрудничества, а также развитию логистики. Западные инвестиции способствуют развитию экономики. ОДКБ рассматривается как фактор безопасности. В результате формируется многоуровневая система взаимодействия. Таким образом, ШОС стала ключевым механизмом, институтом хеджирования, что соответствует политике сохранения внешнеполитической автономии.

Помимо вышеперечисленных связей Казахстан активно выстраивал параллельные и взаимодополняющие направления взаимодействия, которые выполняли дипломатические, экономические, культурные и другие функции. Особое значение приобрели форматы С5+1 (Центральная Азия + внешние партнёры). Так, в 2005 г. начала работать платформа С5+США, в рамках которой Казахстан развивал отношения с Вашингтоном в различных сферах и играл важную роль в период войны в Афганистане. Параллельно формировалась платформа С5+ЕС, которая была основана на стратегии ЕС для Центральной Азии, где Казахстан выступал главным посредником между ЕС и странами ЦА. Сотрудничество включало программы ВОМКА (Border Management Programme in Central Asia), CADAP (Central Asia Drug Action Programme), развитие транспортного коридора TRACECA (Transport Corridor Europe–Caucasus–Asia), образовательные программы Erasmus Mundus [98].

Аналогичные цели имели и форматы С5+Япония (2004), С5+Южная Корея, которые в основном были сосредоточены на гуманитарной дипломатии,

технологическом сотрудничестве, развитии транспортных и энергетических связей.

В этот период развитие транспортных и инфраструктурных маршрутов становится одним из инструментов хеджирования. Казахстан участвовал в проекте TRACECA, начал модернизацию портов по строительству и модернизации железных и автомобильных дорог, направленных на развитие Транскаспийского и Южного коридоров в обход российской территории. В условиях геополитических перемен и растущей значимости транспортного и транзитного потенциала Евразии Астана пыталась выстраивать альтернативные коридоры, которые должны были обеспечить гибкость маршрутов, диверсификацию направлений [28].

Ключевую роль в реализации этой стратегии играют железнодорожные линии, как, например, Коргас-Жетыген (2008-2012 гг.) [10], которая соединила южные районы Казахстана с новым пограничным переходом на китайской границе и сократила путь на 500 км. Эта локация стала отправной точкой транскаспийского маршрута и важным звеном Срединного коридора, который соединяет Китай, Казахстан, Каспий и Южный Кавказ, Турцию и Европу. Благодаря Срединному коридору Казахстан получил возможность выйти напрямую к китайской логистической структуре, не завися от логистических маршрутов России. Железнодорожная инфраструктура инициативы «Пояс и путь» существенно влияет на связанность Центральной Азии [183].

Строительство линии Узень-Берекет-Горган, которое было реализовано совместно с Туркменистаном и Ираном, обеспечило Казахстану прямой сухопутный выход к Персидскому заливу, Ближнему Востоку и Южной Европе. Это способствовало интеграции Казахстана в международный транспортный коридор Север-Юг.

С теоретической точки, такой подход Казахстана является инструментом функциональной интеграции, который реализуется не через политические союзы, а через экономическую взаимозависимость и инфраструктурную связанность. Этот проект также является проявлением политики хеджирования. Участие Казахстана одновременно в нескольких евразийских проектах позволяет государству сохранять автономность и выступать в роли координатора евразийских процессов. Эти проекты соединяют различные политические и экономические системы от ШОС и ЕАЭС до ЕС и ОТГ.

Таким образом, в 2000-2014 гг. многовекторность становится инструментом хеджирования с фокусом на инфраструктурные проекты, которые отражали межуровневую логику евразийского регионализма Казахстана.

3.3.3 Макроуровень многовекторности: энергетическая дипломатия, институционализация и баланс интересов

На макроуровне в период 2000-2014 гг. многовекторность базировалась на создании новых возможностей.

На макроуровне возможности были связаны с ростом доходов от экспорта нефти, газа и урана, а также с укреплением макроэкономической стабильности. Казахстан стал крупнейшим нефтедобытчиком в ЦА, региональным энергетическим центром и, следовательно, активным участником мировой экономики. Благодаря этому экономическому фундаменту Казахстан смог перейти от политики осторожного нейтралитета к более самостоятельному внешнеполитическому курсу, который сочетал в себе элементы сотрудничества, хеджирования и балансирования.

Так, по данным Международного энергетического агентства, Казахстан обладает значительными запасами нефти и газа: более 90% нефтяных резервов сосредоточены в 15 крупнейших месторождениях, таких как Тенгиз и Кашаган [79].

Ключевым элементом хеджирования внешней политики Казахстана выступали богатые природные ресурсы, поскольку именно рост сырьевого сектора напрямую стимулировал внешнюю торговлю и расширял круг экономически заинтересованных партнёров. По данным Всемирного Банка экспорт товаров Казахстана вырос с 9,29 млрд. долл. в 2000 г. до 70,11 млн. долл. в 2014 г. (рост составил примерно 655%). Сходная динамика видна и в серии WITS/UN Comtrade по товарному экспорту: с 8,679 млрд. долл. (2000 г.) до 79,459 млрд. долл. (2014 г.) [75].

Структурно экспорт в этот период оставался преимущественно сырьевым: доля сырья в товарном экспорте увеличилась с 52,63% в 2000 г. до 74,64 в 2014 г., а среди ключевых экспортных позиций доминировали нефтяные и минерально-сырьевые товары [75]. В результате ресурсы становились не только источником доходов, но и инструментом внешнеполитической манёвренности: сырьевой экспорт создавал экономическую основу для диверсификации связей (инвестиции, технологии, маршруты поставок) и тем самым поддерживал логику хеджирования между конкурирующими центрами силы. Таким образом, ресурсы стали фактором, который позволил балансировать между интересами центров силы.

Это позволило Казахстану превратить экономическую силу в инструмент внешней политики, проводить более гибкую и уверенную внешнюю политику. Это позволяло развивать отношения сразу с несколькими партнёрами, что снижало зависимость от одного центра силы и укрепляло международный центр силы. Используя эти доходы, Казахстан смог инвестировать в крупные проекты, как железные дороги, автомагистрали, порты. Развитие транзитных возможностей позволяло РК интегрироваться в международные маршрутные цепочки и диверсифицировать торговые потоки.

Экономический подъём РК как крупного экспортёра нефти и других энергоресурсов стал фундаментом, инструментом гибкого балансирования и хеджирования на макроуровне. Логичным продолжением этого курса стало укрепление сотрудничества с ключевыми партнёрами.

Китайский вектор стал наиболее динамичным. Сотрудничество с Китаем в сфере энергетики укрепляло позицию Казахстана как связующего звена между

Востоком и Западом. Торговые отношения с КНР дополнялись инфраструктурными проектами, нефтепроводом Атасу-Алашанькоу и газопроводом ЦА-Китай, что обеспечивало Казахстану прямой выход на азиатские рынки.

Создание ШОС также является примером институционализации многовекторности и придания ей системного характера. Именно ШОС рассматривалась Казахстаном как возможность развития регионализма, расширения сотрудничества в рамках организации, как с КНР, так и с РФ. В рамках ШОС РК могла объединить решение вопросов экономики и безопасности с Китаем и Россией, при этом не ограничиваясь двусторонними отношениями.

В рамках ЕАЭС и ОДКБ Казахстан активно продвигал идею прагматичного евразийства, что означало сохранение внешнеполитической автономии. При этом Казахстан получал экономические и политические выгоды от членства в этих организациях. Прагматизм проявлялся в ориентации не на общую идеологию или политическую интеграцию, а на конкретные экономические выгоды. С практической стороны, Казахстан получал конкретные выгоды от членства в ЕАЭС, как предоставление стране специального таможенного статуса, который облегчает торговлю внутри Союза. Участие в ЕАЭС также предоставляет Казахстану доступ к более широкому рынку, что помогает диверсифицировать экономику и усиливать транзитный потенциал страны.

Такой же подход у Астаны к участию в ОДКБ. С одной стороны, членство в Организации позволяет укрепить гарантию своей безопасности и повысить внешнеполитический вес. С другой, Казахстан стремится избежать полного контроля для сохранения внешнеполитического манёвра.

Западный вектор в то время был для Казахстана источником технологий, инвестиций и управленческих практик. В рамках сотрудничества с ЕС развивались инфраструктурные проекты, энергетическое сотрудничество и образовательные инициативы, как TRACECA, TEMPUS, ERASMUS/MUNDUS. В 2000-2014 гг. Казахстан являлся третьим по величине поставщиком энергоресурсов в страны ЕС (среди поставщиков вне ОПЕК) и получал от этого конкретные экономические выгоды [76]. Кроме того, ЕС и Казахстан подписали меморандум о сотрудничестве в области зелёной энергетики и сырьевых материалов, включая разработку водорода и аккумуляторов.

Новые возможности также проявлялись в институционализации многовекторности, которые означали переход от инициативы к участию в различных структурах. Казахстан был инициатором и активным участником всех этапов формирования ЕАЭС, который обеспечил РК особый таможенный статус и торговые возможности. В рамках ШОС Казахстан получал возможность развивать регионализм. ОДКБ помимо безопасности предавала политический вес РК без потери автономии. Председательство в ОБСЕ закрепило международный авторитет Казахстана как ответственного и инициативного актора международных отношений.

Таким образом, многовекторность позволила Казахстану встроиться в архитектуру международных связей, в которой участие в различных организациях усиливало отдельные направления внешней политики – евразийское, западное и азиатское.

Таким образом, многовекторность на макроуровне в 2000-2014 гг. проявлялась, прежде всего, как политика хеджирования и дипломатия престижа, основанная на диверсификации партнёров и участии сразу в нескольких интеграционных и кооперационных форматах.

До кризиса 2014 года эта модель поведения во внешней политике позволяла сохранять баланс между китайским, российским и западными направлениями. Это формировало фрагмент для перехода на следующий этап для адаптации многовекторности к новым геополитическим вызовам.

3.4 III этап – стресс-тест для многовекторности (2014-2021 гг.)

3.4.1 Адаптация многовекторной внешней политики после 2014 г.

В научной литературе именно период после 2014 г. всё чаще описывается как «проверка на прочность» для многовекторности в Центральной Азии и Казахстане. Если в 2000-е годы модель многовекторности часто интерпретировалась как относительно устойчивое «равновесие» между ключевыми центрами силы, то посткрымская санкционная конфигурация и рост геополитической конфронтации поставили под сомнение реалистичность симметричного балансирования для средних государств. В этих условиях многовекторность всё чаще понимается не как механическая равноудалённость, а как динамичная стратегия управления рисками, при которой манёвренность ограничивается одновременно структурным давлением крупных акторов и плотностью экономических, инфраструктурных и институциональных связей [196].

Отдельная линия критики в этот период связана с тезисом о «сужении пространства для манёвра»: рост несовместимости интересов крупных держав повышает вероятность ситуаций, где нейтральная или равноудалённая позиция становится дороже (в политическом, репутационном и экономическом смысле), а риск вынужденного выбора выше [198]. В подобных условиях многовекторность начинает проявляться как асимметричная адаптация: распределение приоритетов по векторам смещается под воздействием внешних шоков, санкционных режимов и требований к институциональной согласованности участия в различных форматах. Эмпирические исследования при этом всё чаще используют поведенческие индикаторы, включая линии голосования в международных организациях, для проверки, насколько декларируемый принцип баланса совпадает с фактическими паттернами внешнеполитического поведения.

В 2014 г. после Крымского кризиса казахстанская многовекторность подвергалась на прочность. До 2014 г. многовекторность строилась на

относительно стабильном балансе между РФ, КНР и США, ЕС. Предыдущий период многовекторности обеспечивал экономический рост и признание Казахстана как активного актора в Евразии. После начала санкционного противостояния Россия-Запад реализация данной модели столкнулась с целым рядом геополитических, экономических и структурных ограничений. Казахстан столкнулся с новыми вызовами новой геополитики, где принципы балансирования, нейтралитета и экономической диверсификации требовали переосмысления и адаптации.

Геополитическая турбулентность и кризис баланса. События 2014 г. стали рубежной точкой для эволюции многовекторности. Крымский кризис и последовавший вооружённых конфликт на востоке Украины, начало санкционного противостояния резко изменили конфигурацию международных отношений в Евразии.

Главным вызовом стал раскол между основными внешнеполитическими партнёрами – Россией и США, ЕС. После 2014 г. международные отношения вступили в фазу конфронтации и сопровождались взаимными санкциями и ростом недоверия между центрами силы.

Казахстан столкнулся с необходимостью, с одной стороны, продолжить свою деятельность в ЕАЭС, тесно сотрудничая с РФ, с другой стороны, получать инвестиции и технологии от западных партнёров. При всём этом Астана стремилась сохранить нейтралитет. В такой сложной геополитической ситуации РК заявляла о приверженности Уставу ООН и принципам международного права [30]. Это подтверждает прагматизм внешней политики страны. Однако это также усложнило политику балансирования.

Для Казахстана, который тесно связан с Россией институционально (ЕАЭС, ОДКБ), экономически и в военном плане, антироссийские санкции стали разделёнными рисками. Косвенное влияние западных санкций, падение курса рубля, ухудшение деловой конъюнктуры в России вызвали дестабилизацию внутри ЕАЭС и обострили дисбалансы во внутренней торговле. Также произошла девальвация тенге и замедлился рост экономики Казахстана.

По данным Евразийского банка развития, в рассматриваемый период доля России во внешнеторговом обороте Казахстана составляла около пятой части, что подчёркивало высокую степень экономической взаимосвязанности двух стран. Это выявило геоэкономическую уязвимость многовекторности.

Это привело к тому, что Астане пришлось искать новые формы хеджирования для того, чтобы избежать вовлечения в противостояние Запад-Россия и одновременно сохранять партнёрские отношения со всеми странами. Поскольку вопрос заключался в том, чтобы укрепить свою автономию, но при этом сохранять союзнические и партнёрские обязательства. Казахстан объявлял о своей приверженности принципу территориальной целостности и нормам международного права. Это проявлялось в случае с вооружёнными действиями на Донбассе, когда Казахстан осторожно заявил о своей поддержке целостности Украины [128].

Такая позиция отражает переход от балансирования к политике хеджирования, которая была направлена на защиту национальных интересов в условиях международной неопределённости. Если ранее балансирование предполагало сохранение дистанции между РФ, КНР и США, ЕС, то после 2014 г. Казахстан был вынужден искать новые механизмы устойчивости и адаптации. После 2014 г. Казахстан стал выстраивать прагматичную и гибкую внешнюю политику для того, чтобы адаптироваться к мировым кризисам и сохранить устойчивость. В ответ на геополитическую турбулентность Астана начала искать партнёров, которые могли обеспечить устойчивое развитие и компенсировать последствия кризисов [29, 198].

В этом контексте особое внимание было уделено сотрудничеству на восточном направлении.

Китайское направление рассматривалось Астаной как одно из наиболее прагматичных. Во-вторых, китайский вектор обеспечил Казахстану экономическую страховку. Участие РК в инициативе «Пояс и путь» позволило РК получить инвестиции и транспортную, энергетическую и промышленную инфраструктуру, что способствовало модернизации экономики и реализации транзитного потенциала страны. Такие проекты, как железная дорога Алтынколь-Ляньюньган, нефтепровод Атасу-Алашанькоу, газопровод Центральная Азия-Китай позволили стране укрепить статус транзитного узла между Востоком и Западом, диверсифицировать экспортные маршруты и снизить уязвимость от российского направления. Во-вторых, сотрудничество с Китаем способствовало развитию экономики РК, так как появилась возможность получать доход не только от экспорта нефти и других ресурсов, но и через строительство дорог, промышленных зон и совместных предприятий. Это позволило создавать новые индустрии и развивать регионы благодаря таким проектам, как сухой порт Хоргос-Восточные ворота [8], индустриальные зоны и сборочные производства (казахстанско-китайское предприятие по выпуску автомобилей JAC и Chevrolet в Костанае, индустриальная зона по выпуску строительных материалов в Караганде и др.) [109]. По оценкам Всемирного банка, развитие транспортных коридоров в рамках ИПП может создавать транзитные поступления для стран прохождения и расширять возможности для роста несырьевого экспорта при сопутствующих реформах логистики и торгового содействия [88].

В-третьих, китайское направление позволило укрепить политическую устойчивость многовекторности, так как партнёрство с КНР не требовало от РК менять свою внешнеполитическую линию в угоду политических обязательств, как это происходит в отношениях с РФ. Невмешательство Пекина во внутренние дела позволило Астане укрепить свою многовекторность, развивая сотрудничество с Москвой, Вашингтоном, Брюсселем. Так, Казахстан мог участвовать в китайских инфраструктурных проектах и использовать китайское направление, как инструмент минимизации рисков и площадку для диверсификации своих внешнеполитических связей.

После 2014 г. стремление Казахстана хеджировать свою внешнюю политику проявилось в укреплении западного вектора в качестве баланса с фокусом на экономику и технологии. Запад оставался для РК источником технологий, инвестиций и политического веса на международной арене. Несмотря на усиливающееся противостояние между Россией и Западом, Казахстан укреплял западный вектор. Так, в 2015 г. был подписан, затем вступил в силу Расширенный договор о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и РК [12], который охватывал 29 сфер, включая энергетику, транспорт, науку и образование, также верховенство права. Европейский Союз обеспечивал 40% прямых иностранных инвестиций, стал крупнейшим торговым партнёром Казахстана. Казахстан также стал участником проектов EU-Central Asia Strategy Global Gateway, которые усилили роль страны в транспортных и логистических связях между Европой и Азией.

Американский вектор в этот период также претерпел изменения. Казахстан стремился усилить американский вектор, который получил в большей степени дипломатический, институциональный и экономический характер. В условиях кризиса в Украине и санкционного противостояния Запад-США казахстанская внешняя политика значительно усложнилась. Поэтому сохранение и укрепление американского вектора стало необходимым условием хеджирования, обеспечивая доступ к американским технологиям и поддержание международной легитимности. В предыдущий период сотрудничество в основном носило инвестиционный характер через Chevron и ExxonMobil в энергетический сектор. С 2014 г. сотрудничество приобретает многосекторный и институциональный характер с фокусом на реформы государственного управления, развитие частного сектора, образование и цифровизацию [172].

Образование и наука являются ключевыми элементами политики «мягкой силы» США в Центральной Азии.

Цели американской политики в отношении РК также претерпели изменения. Если ранее фокус был направлен на энергетическую стабильность и борьбу с терроризмом, то стратегия 2019-2025 гг. делала акцент на укрепление суверенитета, экономической независимости [43].

Изменился и формат взаимодействия. Вместо двусторонних отношений появляется региональный формат сотрудничества С5+США, который обеспечил площадку для многостороннего диалога. Казахстан получил возможность играть роль регионального лидера и инициировать, продвигать проекты в области энергетики, безопасности, экологии и торговли.

Параллельно Казахстан укрепляет и турецкий вектор внешней политики. Идея Великого Турана носит символико-идеологический характер. Это элемент исторической и культурной риторики, направленной на укрепление тюркской идентичности и взаимопонимания между народами.

Для Казахстана данный формат выгоден, так как позволяет развивать культурные и гуманитарные связи, без потери политической независимости.

Астана подчёркивает, что тюркское направление не заменяет, а дополняет остальные вектора внешней политики РК.

3.4.2 Посткрымская эпоха и трансформация внешней политики Казахстана после 2014 г.

До Крымского кризиса и санкционного противостояния казахстанская многовекторность опиралась на баланс между Москвой, Пекином и Вашингтоном. После 2014 г. проявились разделённые риски с РФ, которые повлекли за собой экономические и инфраструктурные проблемы. В этих условиях Казахстану пришлось переосмыслить принципы внешнеполитического балансирования и выработать более адаптивный подход к внешней политике. Россия продемонстрировала, что готова применить силовые методы для достижения своих целей в Украине, что является риском для всех стран постсоветского пространства. Для Казахстана, который тесно связан с РФ экономическими, военными и другими обязательствами это стало сигналом о необходимости корректировать свою внешнеполитическую стратегию. В Астане возникла обеспокоенность вопросами территориальной целостности и суверенитета. Этот вопрос впервые чётко прозвучал в 2014 г., когда депутаты Государственной Думы заявляли о том, что «Казахстан должен войти в состав России» [136].

Официальная позиция РК по поводу украинского кризиса была предельно взвешенной и нейтральной. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в марте 2014 г., где рассматривалась резолюция № 68/262 «О территориальной целостности Украины», Казахстан воздержался от голосования и тем самым продемонстрировал политику баланса [96]. Но при этом МИД Казахстана в официальном заявлении подчеркнуло, что РК выступает за мирное урегулирование конфликта в соответствии с Уставом ООН и принципу территориальной целостности государств.

Такой подход отражал логику осторожного нейтралитета, когда сохранялись отношения с РФ, но при этом чётко обозначалось стремление к укреплению суверенитета. В то же время Крымский кризис стал для Казахстана моментом переосмысления роли России как партнёра. Аналитики подчёркивали, что «Казахстан стал первым постсоветским государством, которое после украинского кризиса сделало ставку на диверсификацию внешнеполитических партнёров и развитие транспортных маршрутов, которые не проходят через территорию России» [196].

Именно в этот период активизируется сотрудничество с КНР в рамках ИПП, которая сопрягалась с отечественным проектом «Нұрлы Жол».

Международным признанием взвешенной дипломатии стало временное непостоянное членство РК в Совете Безопасности ООН. Первый президент РК Н. Назарбаев обозначил позицию страны как «Ни один международный кризис не должен решаться военным путём. Мы выступаем за диалог, уважение

международного права и невмешательство во внутренние дела современных государств» [105].

Многовекторность приобретает новые характеристики после транзита власти, при президентстве К. Токаева, приобретая более прагматичный, технологический характер. В отличие от президента Н. Назарбаева, который акцентировал внешнюю политику на идее евразийства и евразийской идентичности и личной роли президента, президент К. Токаев придаёт внешней политике институциональный и рациональный характер. К. Токаев придаёт внешней политике институциональный и рациональный характер. К. Токаев заявлял о том, что Казахстан продолжит многовекторность, но сосредоточится на экономическом и технологическом развитии как основе внешней устойчивости [20]. Новый президент поставил задачу адаптировать многовекторность к посткрымским и постпандемийным реалиям, когда всё большее значение для международных отношений приобретает технологическое соперничество, энергетическая безопасность, цифровой суверенитет. В этот период РК начала активно продвигать цифровую дипломатию и инновационные направления международного сотрудничества. Это проявилось в инфраструктурных и логистических проектах, где Казахстан мог выступать в качестве регионального хаба; зелёной энергетики и развития искусственного интеллекта (ИИ) [20].

Значимым событием стало опубликование Соединёнными Штатами Стратегии для Центральной Азии на 2019-2025 годы [43]. Это было содействием укреплению суверенитета и экономическому процветанию. В Стратегии было указано, что Казахстан является ключевым партнёром США и лидером региональной стабильности, а также было отмечено, что страна играет важную роль в обеспечении суверенитета, экономической связанности и безопасности всего региона.

В рассматриваемый период турецкий вектор становится важным для казахстанской внешней политики. В 2019 г. Турция представила новую концепцию «Asia Anew», которая предполагает интенсификацию контактов со странами региона в различных областях.

Сотрудничество с Турцией по развитию Среднего коридора даёт РК выход к Средиземному и Чёрному морям, минуя Россию. Это повышает транспортную и энергетическую независимость страны. После 2020 г. Турция стала для Казахстана партнёром в сфере военно-технического сотрудничества и цифровых технологий. Казахстан закупает и производит турецкие беспилотники, бронетехнику, электронные системы управления. Это в какой-то мере снижает зависимость от российских поставок вооружений и укрепляет технологическую независимость страны.

Таким образом, после 2024 г. многовекторная внешняя политика начинает трансформироваться от балансирования к активному хеджированию. Так, на российском направлении сохраняется характер стратегического партнёрства, здесь многовекторность перешла в осторожно-прагматическую фазу. Оставаясь членом ЕАЭС и ОДКБ, Казахстан стал внимательнее относиться к вопросам

региональной политики и собственного суверенитета. Китай стал ключевым страховочным партнёром для РК в этот период. Активное участие в ИПП позволило компенсировать риски с РФ.

В этот период РК активизировала взаимодействие с США и ЕС, которые выступали гарантом модернизации и источниками институциональных реформ [172]. Для Казахстана западный вектор стал важным инструментом политического и экономического хеджирования. После 2024 г. турецкое направление приобретает стратегическое значение, как южный вектор многовекторности.

Таблица 5. Сравнительный анализ: переход от балансирования к хеджированию

Вектор	Балансирование (до 2014 г.)	Хеджирование (2014-2021 гг.)	Ключевые результаты
Россия	Главный союзник, интеграция в ЕАЭС и ОДКБ	Сохранение союзничества при стремлении к автономии	Нейтральная позиция по Крыму, развитие альтернативных маршрутов
Китай	Инвестиционный и энергетический партнёр	Стратегический источник инфраструктурных инвестиций и транзитных коридоров	Рост несырьевого сектора, увеличение транзитных доходов
Запад (ЕС/США)	Партнёр в энергетике и ядерной безопасности	Институциональное и технологическое хеджирование	Подписание EPCA, участие в С5+1, укрепление суверенитета
Турция	Партнёр в сфере культуры, тюркское единство	Южный вектор хеджирования, мягкая сила, оборона	Asia Anew, ОТГ, совместные проекты в инфраструктуре и обороне

Примечание: таблица составлена автором исследования

В период с 2014-2021 гг. Казахстан переходит от политики балансирования, равновесия между центрами силы к хеджированию, направленному на снижение уязвимости и повышение внешнеполитической устойчивости. Такой подход превратил Казахстан в адаптивное евразийское государство, способное сохранить суверенитет и многовекторность в условиях геополитической турбулентности.

3.5 Трансформация казахстанской многовекторности после 2022 г.: от балансирования к активному хеджированию

3.5.1 От балансирования к активному хеджированию: многовекторность Казахстана после 2022 г.

После 2022 г. дискуссия о многовекторности Казахстана получила новое измерение: если ранее она часто описывалась как модель относительно устойчивого балансирования между ключевыми центрами силы, то в условиях резко возросшей конфронтационности международной среды исследователи всё чаще фиксируют структурные ограничения «равноудалённости» для средних государств. Усиление санкционных режимов, рост чувствительности к вопросам транзита, цепочек поставок и финансовых каналов повышают цену нейтральных позиций и усиливают риск ситуаций «вынужденного выбора», когда пространство для манёвра объективно сужается [170].

В этой логике многовекторность всё чаще интерпретируется как динамичная стратегия управления рисками, а не как механическое равновесие. Как справедливо отмечают казахстанские исследователи, «чётко выстроенная и концептуально обоснованная многовекторная внешняя политика Республики Казахстан на практике нуждается в постоянной корректировке» [170]. Для Казахстана это означает необходимость развивать адаптационные механизмы, позволяющие одновременно снижать зависимость от одного центра силы, минимизировать санкционные и инфраструктурные уязвимости и сохранять доступ к экономическим выгодам от сотрудничества с различными партнёрами. На теоретическом уровне такую трансформацию корректно описывать как смещение от классического балансирования к более активному хеджированию (hedging) – то есть к сочетанию диверсификации связей и сдерживающих решений в условиях неопределённости [199].

Российско-украинский военный конфликт 2022 г. изменил геополитическую ситуацию вокруг региона и на глобальном уровне. В этих условиях президент К.К. Токаев призвал отвечать жёстким соблюдением правил международного права, вплоть до отказа признавать квазигосударственные образования на Донбассе и Луганске [32].

Если рассматривать с теоретической точки зрения, то казахстанская модель многовекторности в 2022 г. сместилась от классического балансирования к стратегии хеджирования среднего государства. Это означает одновременное снижение зависимости от одного центра силы и извлечение экономических и политических выгод от участия в различных международных проектах.

Причинами такой перемены стали разделённые риски и уязвимость инфраструктуры. Остановка КТК выявила зависимость от РФ [114]. Разделённые риски вторичных санкций. Запрос российских компаний на параллельный импорт высокотехнологичных товаров через Казахстан увеличился, что поставило под угрозу отношения РК с Западом.

С теоретической точки зрения равноудаленность означает, что Казахстан демонстрирует примерно равную близость к партнёрам. Однако это не защищает РК от разделённых рисков с тем или иным государством и даже столкновений с одним из них. В отличие от стратегии балансирования, хеджирование означает «поведение без объявления», которое сочетает

нейтральность, инклюзивную диверсификацию и активные инструменты страхования рисков. Сложности реализации принципа равноудаленности объясняются и ростом конкуренции ведущих держав в ЦА: ужесточение риторики РФ, активизация форматов С5+КНР и С5+США.

Для средних держав (middle power) эта стратегия позволяет сдерживать доминирование одного партнёра, сохраняя доступ к ресурсам конкурирующих акторов.

Основными характеристиками хеджирования Республики Казахстан в условиях новой геополитики являются сочетание прагматичной многовекторности с инструментами управления рисками, позволяющими минимизировать издержки конфронтации между крупными центрами силы и одновременно сохранять пространство для самостоятельного выбора. В отличие от классического балансирования, предполагающего «равноудалённость» и симметричное распределение приоритетов, хеджирование носит адаптивный характер: оно ориентировано на предотвращение вынужденного выбора, диверсификацию внешних связей и создание страховочных каналов на случай резкого изменения международной конъюнктуры.

Во-первых, хеджирование проявляется в институциональной двойственности: Казахстан сохраняет участие в евразийских механизмах (ЕАЭС, ОДКБ), обеспечивающих рамки безопасности и экономической связанности, но параллельно укрепляет отношения с ЕС, США, Китаем, Турцией, государствами Залива и другими партнёрами. Такая конфигурация позволяет поддерживать союзнические и партнёрские обязательства, не превращая их в жёсткую зависимость от одного центра силы.

Во-вторых, ключевой чертой является экономическая и инфраструктурная диверсификация. В условиях санкционной турбулентности и ограничений традиционных маршрутов Казахстан усиливает развитие альтернативных логистических коридоров и проектов связанности, расширяя возможности экспорта, транзита и технологической кооперации. Здесь хеджирование выражается не в декларациях, а в материальных механизмах – маршрутах, цепочках поставок, инвестиционных платформах и стандартах, которые снижают уязвимость к политическим шокам.

В-третьих, важной характеристикой выступает нормативно-правовое позиционирование: Казахстан последовательно подчёркивает приверженность Уставу ООН, принципам суверенитета и территориальной целостности, а также приоритету дипломатических способов урегулирования конфликтов. Актуальные приоритеты внешней политики Казахстана были обозначены президентом К. Токаевым на 77-й сессий Генеральной Ассамблеи ООН [21]. Такая линия служит внешнеполитической «легитимационной рамкой» хеджирования, позволяя удерживать коммуникацию с различными акторами и снижать риски вовлечения в конфликтные коалиции [146].

В-четвёртых, хеджирование включает управляемую асимметрию – признание того, что отдельные направления внешней политики объективно

могут усиливаться в зависимости от экономической конъюнктуры, логистики и безопасности.

В новой среде нейтралитет перестаёт быть просто политической позицией и всё чаще превращается в ежедневную работу по снижению уязвимостей – от перенастройки логистики до укрепления институциональной предсказуемости для инвесторов. Поэтому практическая эффективность хеджирования измеряется не только громкими дипломатическими жестами, но и тем, насколько устойчиво работают цепочки поставок, насколько быстро государство адаптируется к внешним шокам и насколько сохраняется доступ к рынкам, капиталу и технологиям.

Таким образом, хеджирование Казахстана в новой геополитической обстановке можно определить как комплексную стратегию адаптивного регионализма: она соединяет институциональную включённость, экономическую диверсификацию, нормативную легитимацию и гибкую настройку внешнеполитических приоритетов. В условиях нарастающей конкуренции центров силы данная стратегия позволяет Казахстану укреплять автономию, сохранять предсказуемость внешней политики и поддерживать собственную субъектность в евразийском пространстве.

В перспективе данная модель будет зависеть от способности государства удерживать внутренний консенсус элит и общества, повышать качество институтов и стратегического планирования, а также развивать человеческий капитал. Чем выше устойчивость внутренних ресурсов и управляемость экономических трансформаций, тем шире манёвренное поле Казахстана и тем ниже риск внешнеполитической уязвимости.

Таблица 6. Механизмы хеджирования Казахстана по внешнеполитическим векторам (2022-2025 гг.)

Вектор	Механизм страхования	Извлекаемая выгода	Пример (2022-2025 гг.)
Российский	Ужесточение контроля за товарами двойного назначения; вопрос о тарифах в ЕАЭС	Доступ к рынкам и транзиту через РФ; сохранение низких тарифов по КТК	Закон о контроле экспорта (март 2023)
Китайский	Формат С5+КНР; субрегиональные кредитные лимиты вместо суверенных гарантий	Инвестиции ИПП, ШОС, развитие логистики	Договор о «Вечном добрососедстве» (июнь 2025)
Западный (ЕС/США)	Критические минералы и зелёная экономика; форматы С5+США и С5+ЕС	Диверсификация экспорта и углеводородов и других природных ресурсов; технологии декарбонизации	Меморандум ЕС-РК по сырьевым цепочкам (ноябрь 2022); Саммиты С5+США

США-Центральная Азия (С5+1)	Перевод взаимодействия в многосторонний формат: общие правила по критическим минералам, связанности и энергетике	Доступ к рынкам и технологиям США, диверсификация коридоров, институциональная поддержка энергоперехода	Саммит лидеров С5+1 (21.09.2023); программы USAID, CAREM
Турция/тюркский вектор	Многосторонняя рамка ОТС: правила по транспорту и Транскаспийскому коридору; запуск Тюркского инвестиционного фонда (TIF); двусторонние PPP и индустриальные проекты	Диверсификация коридоров (Средний коридор, БТК), доступ к финансам и компетенциям турецких подрядчиков, расширение рынка сбыта	ОТГ: приоритет транспортной связанности; запуск TIF – первого многостороннего фонда тюркских стран; участие «Казахстан инжиниринг»
Транзитный	Средний коридор в обход РФ; транскаспийская цифровая координация	Рост значения маршрута Баку-Тбилиси-Джейхан и Транскаспийского направления	Расширение Среднего коридора; цифровая интеграция транспортных узлов (2024-2025 гг.)

Примечание: таблица составлена автором исследования

Из таблицы следует, что на российском направлении практическим проявлением хеджирования выступают такие факты, как ужесточение экспорт-контроля и тарифные действия внутри ЕАЭС. В условиях геополитической турбулентности Казахстан использует экономико-правовые инструменты, которые позволяют одновременно оставаться внутри региональных институтов и минимизировать риски вторичных санкций. Так, например, в 2022 г. был принят Закон «О контроле специфических товаров» [6], который определял продукции двойного назначения, ввёл лицензионный режим на экспорт или транзит и предусмотрел экстерриториальный контроль за реэкспортом. Дополнительно был внедрён цифровой модуль мониторинга цепочек поставок «Qoldau 360», который позволял фиксировать конечного покупателя даже при транзитных операциях.

В результате Астане удалось продемонстрировать Брюсселю и Вашингтону готовность соблюдать экспортный контроль, не разрывая при этом торговлю с Москвой внутри ЕАЭС.

Таким образом, экспорт-контроль и пересмотр тарифных механизмов позволяют Казахстану проводить политику стратегического хеджирования средней державы. Это даёт возможность не просто проводить в основном равноудалённую многовекторность, а выбирать, в каких интеграциях/кооперациях/союзах/форматах проявлять большую активность, в то же время используя экономические связи и правила для защиты национальных интересов. Это свидетельствует о прагматичном подходе Казахстана.

Хеджирование на китайском направлении проявляется в постепенном переводе с плоскости двусторонних отношений в институционализированный региональный формат С5+КНР. Ключевым моментом стало подписание в 2025 г. в Астане и Договора о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и странами ЦА [11]. В документе закреплены основные принципы сотрудничества, сформировавшие повестку взаимоотношений между Китаем и пятью центральноазиатскими государствами и даёт возможность институционализировать отношения. На практике это проявляется в механизмах проведения саммитов, которые переводят сотрудничество из двух- в многосторонний формат. После первого в 2023 г. саммита в Сиане встречи приобрели постоянный характер.

Общая экономическая платформа также является механизмом институционализации формата С5+КНР. Деловой Совет ЦА-Китай, являющийся постоянной площадкой для проведения бизнес-переговоров с целью отбора проектов для дальнейшей реализации. Совет был учреждён в рамках Саммита в Сиане и закреплён при частно-государственной инфраструктуре, включающей торгово-промышленные палаты, отраслевые ассоциации. Так, например, по итогам второго заседания Делового совета «Центральная Азия-Китай» в Астане (17 июня 2025 г.) стороны заявили о подготовке к подписанию более 35 меморандумов общей стоимостью свыше 17 млрд. долл. США; в мероприятии участвовали более 300 представителей ведущих китайских компаний. Масштаб площадки подчёркивался участием около 1000 представителей бизнеса и профильных институтов, а также проведением B2B-переговоров. Так, для инвесторов из КНР это был не рынок одной страны, а возможность участвовать в региональных проектах на постоянной основе [107].

Институционализация формата С5+КНР также выражена в логистике и пограничных переходах, которые рассматриваются как общий ресурс региона с общими правилами и процедурами. Например, коридоры важные для всего региона, как Достык-Алашанькоу и Алтынколь-Хоргос. В 2024 г. железнодорожные перевозки РК-КНР достигли 32,05 млн. тонн, из которых 18,27 млн. тонн прошло через Достык-Алашанькоу и 13,79 млн. тонн прошло через Алтынколь-Хоргос. При этом контейнерные перевозки выросли на 18,5 %, транзитные увеличились на 19,7% [127]. Примером синхронизации и соблюдения общих интересов является решение вопроса о пропускной способности обоих переходов между КТЖ и China Railway Urumqii Group в феврале 2025 г. [127].

Проблемы перегрузки на границе, ограничивающие отправку контейнерных и зерновых поездов, могут быть решены за счёт структурного расширения пропускной способности пограничной инфраструктуры. Так, например, строится третье железнодорожное полотно Аягоз-Бахты-Чулучак/Тачэн длиной в 272 км., ввод которого планируется в 2027 г. [108]. В Астанинской декларации 2025 г. шесть стран подтвердили курс на расширение транспортных коридоров и их координацию по маршруту «Китай-Европа»

через Центральную Азию [64]. Также Казахстан вместе с соседями развивает альтернативный маршрут через Транскаспийский маршрут через Каспий.

Институционализация создаёт условия для проведения бизнеса в формате С5+КНР. Примером может служить изменившийся в 2023 г. визовый режим, который облегчает деловые поездки, сделки и сервисы.

В 2024 г. был запущен секретариат механизма «Китай-Центральная Азия», который способствовал упрощению деловых процедур, включая визовые, консульские и логистические вопросы.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что Казахстан стремится перевести отношения с Китаем из двусторонних в многосторонние, что позволило превратить китайский вектор в инструмент хеджирования, что позволяет снизить риски и извлечь выгоду. Ключевыми эффектами для Казахстана является, во-первых, снижение асимметрии. Многосторонний формат укрепляет позиции РК в диалоге с КНР. Во-вторых, институционализация, которая заключается в работе Секретариата, Делового Совета, саммитах и дорожных бизнес-картах, создаёт устойчивую основу для сотрудничества. В-третьих, логистика также влияет на создание общих правил и стандартов между партнёрами.

Эти и другие действия Казахстана показывают, что в логике хеджирования РК стремится управлять китайским вектором за счёт расширения набора внешнеполитических опций и тем самым усиливает собственную субъектность. Однако реализация такой возможности ограничена такими факторами, как необходимость координации пяти стран ЦА; возможность доминирования большой экономики над малыми; необходимость доминирования большой экономики над малыми; необходимость согласования правил С5+КНР с нормами ЕАЭС для избежания противоречий.

Казахстанское хеджирование на западном направлении в рамках евразийского регионализма проявляется в реализации проектов по критическим минералам, зелёной экономике и транспортным коридорам. Так, для РК торговля критическими минералами является возможностью получить новейшие технологии. В 2022 г. ЕС и Казахстан подписали меморандум о стратегическом партнёрстве по критическому сырью, батареям и зелёному водороду [89]. Особенностью этого соглашения является переход от торговли сырьём к созданию дорожных карт и цепочек добавленной стоимости. Это позволяет Казахстану присоединиться к европейской декарбонизации и снизить зависимость от других партнёров.

Региональные форматы С5+ЕС и С5+США являются площадками для сотрудничества между ЕС, США и странами региона. Это проявляется в формировании общих правил для всего региона в отличие от двусторонних договоров. Примером также является выделение 10 млрд. евро на развитие Транскаспийского коридора [115].

Определённым элементом хеджирования является сотрудничество в региональных форматах. Например, первый саммит Европейский Союз – Центральная Азия, прошедший в Самарканде в апреле 2025 г., придал

отношениям характер стратегического партнёрства. Это переводит отношения с двусторонних к региональному формату.

На практике это означает переход к мягкой институционализации регионализма Центральной Азии с ЕС. Аргументами в пользу этого тезиса являются: во-первых, финансирование логистики превращает ЦА в логистический узел, который связан с рынками ЕС. Во-вторых, страны ЦА могут действовать скоординированно по конкретным вопросам. Несмотря на то, что ЦА не является интегрированным регионом, государства могут координировать логистику, согласовывать правила и стандарты, выстраивать общие правила по критическим минералам.

Таким образом, Самаркандский саммит позволил Казахстану корректировать свою западную политику хеджирования с политикой соседей, интегрируясь в европейские транспортные цепочки.

Технологии декарбонизации являются для Казахстана важным инструментом евразийского регионализма. Это означает поддержка перехода РК к ВИЭ и зелёной экономике. В 2024 г. ЕБРР установил рекорд по инвестициям в Центральной Азии, профинансировав 2,26 млрд. евро через 121 проект. Казахстан стал одним из крупнейших получателей средств ЕБРР в регионе (около 913 млн. евро за год), а совокупные инвестиции ЕБРР в Казахстан по итогам 2024 г. превысили10 млрд. евро [123].

Таким образом, западный вектор представляет Казахстану возможности для сотрудничества в области торговли, логистики, финансирования и технологий. Наблюдается тенденция к расширению двусторонних партнёрств в сотрудничестве между Республикой Казахстан и Соединённым Королевством.

Важную роль в стратегии хеджирования играет американский вектор внешней политики РК. Казахстан страхует риски чрезмерной зависимости, переводя отношения из двусторонней плоскости в многосторонний формат С5+США, что формирует региональную связанность и дополнительные возможности.

Казахстан в рамках региона получает в политической сфере коллективный стол переговоров. В 2023 г. прошёл саммит лидеров С5+США, где были закреплены принципы общей повестки: суверенитет, территориальная целостность, безопасность, торговля, связанность и верховенство закона.

В сфере экономики Казахстан получает от сотрудничества с США, прежде всего, доступ к американским инвестициям и рынкам. Через формат С5+США Астана сотрудничает с Вашингтоном в рамках В5+1, бизнес-площадка для взаимодействия. В 2024 г. прошёл первый В5+1 форум, на котором были определены приоритетные отрасли для сотрудничества. Инициатива экономической устойчивости в Центральной Азии (ERICEN) один из механизмов финансирования диверсификации маршрутов, инвестиций и др. Так, поддержка развития Транскаспийского коридора позволяет Казахстану, оставаясь ключевым узлом, снизить логистические риски. По линии С5+1 США запустили более 40 программ и выделили 100 млн. долл. США помощи, что институционализирует формат и переводит его в постоянный канал

региональных инициатив: торговля, энергетика, транспорт и др. [100]. USAID с 2018 г. ведёт подготовку Central Asia Electricity Market. Это гармонизация правил, создание платформы для торговли и др. Всё это является характеристикой функционального регионализма в энергетике, который облегчает развитие ВИЭ в РК.

Таким образом, американское направление развивается в рамках евразийского регионализма, так как задаются общие правила сразу для пяти стран ЦА. Это встраивает Казахстан в региональные рамки торговых транспортных инвестиционных цифровых и логистических отношений.

Тюркское направление хеджирования для Казахстана заключается во встраивании РК в устойчивую региональную систему с общими проектами, в основном через ОТГ. Астанинская декларация саммита в 2023 г. назвала основными приоритетами транспортную связанность и развитие Среднего (Транскаспийского) коридора. Об этом свидетельствуют программные документы Transport Connectivity Program (ePermit) и Дорожная карта (2023-2027 гг.), а также соглашения об электронных разрешениях для автоперевозок, что упрощает трансграничные процедуры по всему тюркскому пути.

Одним из элементов хеджирования казахстанской внешней политики является ключевой инструмент Turk Investment Fund (TIF), первый многосторонний фонт тюркских стран. Фонд, созданный в 2023 г. на саммите ОТГ в Анкаре, имеет целью быструю помощь в реализации совместных логистических, индустриальных проектов [120]. Так, например, в 2024 г. было подтверждено строительство верфи порта Курык совместно с турецким ASFAT YDA для выпуска необходимых флоту Каспия судов и их ремонта.

С Востока на Запад тюркский трек также опирается на железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс (БТК), которая соединяет Южный Кавказ и Турцией. В 2024 г. эта дорога была модернизирована и может перевозить более 5 млн. тонн груза в год. БТК позволяет Казахстану быть связанным с турецкими портами и дальше с рынками ЕС [137].

Экономическое сотрудничество РК с Турцией проявляется в присутствии турецкого бизнеса в Казахстане. В РК работают более четырёх тысяч компаний с турецким капиталом в сфере строительства, логистики, химико-фармацевтической промышленности, образования и др.

Для казахстанского регионализма тюркская идентичность работает как инструмент хеджирования, так как расширяет круг партнёров, что позволяет стране не зависеть от одного культурного и цивилизационного центра. Через институты ОТГ формируется устойчивая гуманитарная инфраструктура. Институты TUTKSOY, Тюркская академия в Астане, статус Туркестана как духовной столицы тюркского мира, колледжи и университете им. Сулеймана Демиреля, а также поэтапный переход алфавита РК на латиницу, Всемирные игры кочевников не только укрепляют тюркскую идентичность, но и диверсифицируют гуманитарные связи, что приводит к меньшей уязвимости от внешних негативных влияний.

Таким образом, тюркский вектор даёт Казахстану широкие возможности хеджирования, как диверсификация маршрутов, альтернативный капитал, единые процедуры. Всё это является элементами евразийского регионализма, который повышает переговорную силу Астаны между Каспием и Европой.

После 2022 г., когда возросли риски на северном направлении через Россию, Астана последовательно выстраивает Южный вектор, сеть партнёрств со странами Персидского залива и институтами исламских финансов, как отдельную составляющую многовекторной внешней политики. Казахстан стремится диверсифицировать финансовые источники, технологии и правила вне РК/КНР/США/ЕС. Это позволит РК: во-первых, снизить уязвимость к политическим, санкционным шокам; во-вторых, Казахстан опирается на финансовую поддержку стан залива. В 2024 г. Сенат РК утвердил долгосрочное партнёрство с Катаром в размере 20 млрд. долл. США на 9 проектов в различных отраслях [138]. Параллельно были запущены проекты совместно с ОАЭ. ADQ Qazaqstan Investment Corporation на равных реализует проекты по всей Центральной Азии. Такой формат уменьшает зависимость от одного донора и помогает решать задачи в области логистики, переработки аграрного сырья, инфраструктуры.

Участие Казахстана в транспортных коридорах следует рассматривать как отдельный транзитный трек. Для государства, не имеющего выхода к морю, транзит – это не только логистика и экономика, но и внешнеполитический ресурс, который связывает Казахстан с Европой, Китаем, Турцией, Южным Кавказом через единые правила и коридоры [86].

Таким образом, транзитный трек формируется не как отдельные маршруты, а как единая линия с постоянными партнёрами и общими правилами.

После 2022 г. Астана всё больше фокусируется на Среднем (Транскаспийском) коридоре с целью иметь альтернативу традиционным северным маршрутам и усилить свою позицию на переговорах. Транзитный трек механизм участия Казахстана состоит из трёх взаимосвязанных компонентов. Во-первых, Global Gateway [91]: Европейский союз координирует развитие маршрута и формирует организационную платформу, на которой страны и партнёры согласуют распределение задач и сроки их выполнения. В рамках проекта также используются стандартизированные электронные документы. Резидент-директоры ЕС работают в регионах и внедряют новые правила, а также обучают команды стран. Таким образом, ЕС и страны ЦА создают блоки для Транскаспийского коридора, который подкреплён финансовой поддержкой [86].

Вторая составляющая – это часть Среднего коридора, которая представляет собой железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс (БТК) на входе из Грузии – через турецкие порты на рынки ЕС. Если рассматривать важность для Казахстана, то это путь через Каспий и Азербайджан [86]. Кавказ и Турция увеличивают пропускную способность маршрута. Порт Баку имеет проектную мощность 15 млн. тонн в год, что позволяет РК провозить больше грузов без

заторов, стабильно планировать графики паромов и контейнеров и быстрее перегружать нефть, зерно и др. в западном направлении [137].

Третья составляющая заключается в том, что первые складываются в единый маршрут: Казахстан-Каспий-Баку/ВТК-порты Турции-ЕС. ЕС создаёт общие правила и даёт финансы. Азербайджан и Турция обеспечивают мощность порта и железной дороги. Таким образом, создаётся единая магистральная цепочка.

Этот комбо-маршрут является примером хеджирования транзитной политики РК, так как комбо-маршрут снижает зависимость: от северного направления, от одного партнёра, от бумажной бюрократии. Также усиливается переговорная позиция Казахстана, так как выбор маршрута упрощает процесс договоров по графикам, условиям и др. В итоге снижается зависимость от внешних рисков.

3.5.2 Адаптация многовекторности РК в конфигурации евразийского регионализма в условиях меняющейся геополитики (после 2022 г.)

Республика Казахстан последовательно позиционирует себя как среднюю державу (middle power). В этой связи встаёт задача о том, как эффективно конвертировать географию, участие в международных институтах и другие активы в устойчивую внешнеполитическую стратегию и измеряемые результаты развития. Для реализации возможностей средняя держава использует определённые критерии и механизмы для проведения политики евразийского регионализма.

Логика внешней политики средней державы заключается во влиянии не при помощи силы, а при помощи определённой роли и вовлечённости в глобальные и региональные процессы. Исходя из своего геополитического расположения и других активов среднее государство имеет возможность выступать посредником/модератором в конфликтных ситуациях, когда великие державы не совсем заинтересованы, а малые страны не имеют достаточного ресурса.

Таким образом средние державы могут выступать в ролях:

Во-первых, катализатора. Это когда государство поднимает конкретную проблему, запускает процесс её решения, собирая за одним столом государства, которые могут принимать решения. Далее это превращается в дорожную карту с конкретными шагами и сроками.

Так, Казахстан, действуя в формате С5+ЕС, помог собрать инвестиционную повестку вокруг Транскаспийского коридора. На форуме инвесторов ЕС-А (Investors Forum EU-Central Asia) в 2024 г. ЕС и страны ЦА согласовали «building blocks» координационную политику, цифровизацию документов, работу резидент-директоров в регионах. В рамках этих инструментов было выделено финансирование в размере 12 млн. евро. Все эти решения принимались в рамках первого саммита ЕС-ЦА в Самарканде в 2023 г.

[101]. Этот кейс является примером подхода среднего государства в качестве катализатора.

В логике внешней политики средней державы деятельность в рамках формата С5+КНР Казахстан выступает в качестве катализатора, т.е. способствует решению проблем с понятными правилами и финансированию. Так, был создан China - Central Asia Business Council. На его площадке совместно работают компании, профильные ведомства по логистике, сельскому хозяйству, промышленным проектам, зелёной экономике. Совет официально поддерживается правительством и МИД стран, что свидетельствует об институционализации партнёрства [107].

Во-вторых, посредничество. В логике международных отношений Казахстан использует посредничество как ключевой инструмент внешней политики в рамках евразийского регионализма. Так, Астана предоставляет нейтральные площадки для переговоров, связывает стороны через процедуры и меры доверия.

Есть несколько показательных кейсов, которые иллюстрируют посредническую роль Казахстана.

В 2017 г. был организован Астанинский процесс по Сирии, предоставление нейтральной площадки для межсирийских переговоров в формате тройки гарантов Турция, Иран, Россия. С участием делегаций из Дамаска и оппозиции при наблюдении ООН. Эту форму деятельности можно охарактеризовать как устойчивое посредничество, где Казахстан даёт безопасную площадку, берёт на себя протокол по организации многостороннего диалога, связывая астанинский трек с политикой ООН [141].

Другим примером политического посредничества является предоставление Казахстаном в 2024 г. площадки для переговоров министров иностранных дел Армении и Азербайджана. Встреча была сфокусирована на проекте мирного договора. По итогам стороны заявили о готовности продолжать работу над остающимися разногласия.

Для евразийского регионализма Казахстана посредничество способствует снижению риска внезапных эскалаций, повышает возможности решать конфликты через правила и институты. Такой подход укрепляет роль РК как активного приверженца многосторонней дипломатии в полицентричной Евразии.

В-третьих, внешняя политика РК является примером сочетания регулятивного лидерства с помощью многовекторной внешней политики. В терминах международных отношений средняя держава может усилить своё влияние институциональной активностью. Государства стремятся поддерживать правила и институты, которые они создают и внедряют. Для внешней политики это значит уход от разовых соглашений к устойчивой системе: создание правил, согласование с нормами международного права, реализация этих правил на практике.

В случае с Казахстаном это проявляется в его роли транзитного хаба, выработке и поддержке правил взаимоотношений и сотрудничества в Евразии.

Это участие в форматах С5+1, в рамках которых действия, связывающие переговорные площадки, инфраструктуру, финансирование и цифровизацию. Всё это делает казахстанскую политику евразийского регионализма более структурированной и предсказуемой, а многовекторность как операционную стратегию.

Таким образом, нормы и процедуры представляют собой скрепляющие механизмы евразийского регионализма. Казахстан придерживается и распространяет правила и согласует их с международными нормами. В этом контексте центральноазиатские страны начинают придерживаться единых норм и стандартов, что скрепляет регион. В этом контексте многовекторность становится практикой, когда меньше асимметрии, больше возможностей для бизнеса, растёт переговорная сила государства.

Адаптация многовекторности РК к изменениям евразийского регионализма в условиях меняющейся геополитики определяется новой внешней средой: изменениями правил, санкционной политикой, разрывами логистических цепочек, конкурирующими стандартами. В этих условиях Казахстан действует как средняя держава. Его внешнеполитические ориентиры направлены на наращивание своего влияния через институты, коалиции и нормы. В многовекторной внешней политике появляется новый акцент, а именно стремление управлять региональными взаимозависимостями. Это значит институционализировать по мере возможности партнёрские отношения, связывать соседей общими процедурами и нормами, выстраивать транспортные коридоры как единую систему. На практике Казахстан не просто участвует в интеграциях, кооперациях и форматах, но и вводит электронные документы, согласует графики и мощности, обновляет экспортный контроль и т.п. В результате взаимозависимости государства становятся более управляемыми, что позитивно сказывается на уменьшении рисков, наибольшей предсказуемости для бизнеса, на возможности избежать зависимости от одного центра силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная система международных отношений характеризуется ростом региональной взаимозависимости, изменением геополитической ситуации, трансформацией роли глобальных и региональных держав, ростом значимости средних государств. В этих условиях Казахстан, который находится в центре Евразии, выступает не только как объект, но и как активный субъект региональных процессов. Поэтому актуальность темы исследования обоснована необходимостью теоретического и методологического осмысления, которое необходимо для анализа политики евразийского регионализма РК. Основным инструментом этого направления является многовекторная внешняя политика.

Исследовательский вопрос позволяет ответить на вопрос о том, как Казахстан, используя многовекторность, адаптируется к меняющейся евразийской реальности и трансформирует свой статус от малой к средней державе. Не менее важным для РК является сохранение баланса в отношении таких центров силы, как Россия, Китай, Запад и глобальный Юг.

Для ответа на эти вопросы были решены следующие задачи:

Во-первых, проведённый анализ теорий регионализма и регионализации позволил сформировать комплексную теоретико-методологическую основу исследования. Установлено, что евразийские процессы не могут быть объяснены исключительно через экономическую интеграцию. Регионализм в современном понимании представляет собой многоуровневый политико-экономический и социокультурный процесс. Теория средней державы и концепция многовекторности подтвердили, что Казахстан обладает достаточным ресурсным и институциональным потенциалом для реализации стратегии гибкого балансирования и активного хеджирования в условиях трансформирующейся международной системы.

Во-вторых, уровневый анализ евразийской политики РК позволил выявить структурное положение Казахстана в системе региональных взаимодействий. Доказано, что Казахстан выступает связующим элементом между различными интеграционными проектами, сочетая институциональную гибкость, диверсификацию направлений сотрудничества, энергетическую дипломатию и развитие транспортно-логистических коридоров. Это подтверждает его статус функционального посредника в евразийском пространстве.

В-третьих, применение уровневого анализа в качестве основного методологического инструмента доказало его аналитическую эффективность. Микроуровень отражает индивидуальные дипломатические инициативы, дискурс элит. На этом уровне Казахстан реализует стратегию гибкой дипломатии, выстраивая прагматичные отношения с ключевыми партнёрами, как РФ, КНР, ЕС, США и страны ЦА. Таким образом, микроуровень демонстрирует способность Астаны дипломатическому балансированию в условиях меняющейся обстановки в Евразии и в мире в целом. Мезоуровень

проявляется в институционализации регионального сотрудничества, где Казахстан выступает не только в качестве участника, но и инициатора и организатора. К ним относятся ЕАЭС, ШОС, ОТГ, а также форматы С5+1. Таким образом, на мезоуровне Казахстан институционализирует свою многовекторность через участие в кооперациях, интеграциях и форматах, что позволяет избежать зависимости от одного центра силы. Макроуровень показывает место Казахстана в системе мировой и региональной экономики, логистики и безопасности. РК выступает в качестве средней державы и регионального стабилизатора, который не только защищает национальный интерес, но и поддерживает баланс сил в Евразии. Так, Казахстан участвует в формировании норм и принципов формирующейся новой региональной безопасности через международные площадки, такие как ООН, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, СВМДА. Астана также проводит политику «ответственной нейтральности» и предлагает площадку для переговоров, выступает в качестве посредника. Таким образом, на макроуровне Казахстан укрепляется на мировой арене в качестве ресурсного, транзитного и инновационного узла Евразии. Это делает Казахстан важным элементом в процессах евразийского регионализма и глобальной взаимозависимости.

В-четвёртых, проведённый анализ трансформации евразийского регионализма показал, что Казахстан не только адаптируется к изменениям, но и активно влияет на содержание и направление этих процессов. В XXI в. казахстанский евразийский регионализм трансформируется от постсоветской модели интеграции к более комплексному взаимодействию, которое включает политические, экономические, логистические и гуманитарные измерения. Казахстан способствует адаптации региона к происходящим изменениям в мире. Таким образом, Казахстан использует принцип многовекторности и становится структурным элементом евразийского регионализма.

В-пятых, Республика Казахстан использует институциональные механизмы для проведения анализа, необходимой корректировки и согласования национальных и региональных интересов. Это делает Казахстан посредником и инициатором конструктивного диалога в интеграционных процессах евразийского регионализма.

В-шестых, уровневый анализ предоставляет возможность определения насколько эффективно Казахстан реализует свои национальные интересы в многоуровневой системе региональных отношений. На микроуровне главными инструментами выступают энергетические и гуманитарные связи. Это проявляется в стратегических соглашениях и совместных проектах в сфере энергетики, транспорте и зелёных технологиях, а также в гуманитарном сотрудничестве. На мезоуровне Казахстан принимает активное участие в кооперациях, интеграция и форматах, таких как ЕАЭС, ШОС, ОТГ, С5+1. РК использует участие в данных организациях для развития инфраструктуры, энергетики, цифровых технологий и экологических проектов. Этот подход способствует сохранению баланса между участием в интеграционных организациях и сохранением собственной независимости. На макроуровне

Казахстан укрепляет свой статус средней державы и моста между Востоком и Западом.

В-седьмых, проанализирована эволюция развития многовекторной внешней политики Республики Казахстан. На начальном этапе независимости многовекторность выступала в качестве защитного механизма, она позволяла государству защищать свою независимость и выстраивать отношения с ключевыми центрами силы. В 2000-х многовекторность становится основой стратегии развития. В 2000-2010 гг. Казахстан укрепил свои позиции в качестве посредника и активного участника международных инициатив, как идеи ядерного разоружения, энергетической безопасности и межцивилизационного диалога. Международный авторитет страны усилился в связи с участием РК в ЕАЭС, ШОС, ОБСЕ и ООН, организацией мировых форумов, как Астана экономический форум, конгресс лидеров мировых и традиционных религий. После 2022 г. казахстанская многовекторность перешла от балансирования к активному хеджированию и стратегическому лавированию. Таким образом, эволюция многовекторности отражает переход от реактивной к проактивной модели внешней политики. Казахстан не только приспосабливается к геополитическим условиям, а сам формирует повестку регионального взаимодействия. Этот переход позволяет рассматривать РК как среднюю державу, которая ориентирована на долгосрочное развитие своей роли в Евразии.

В-восьмых, было выявлено, что Казахстан формирует элементы нормативного и институционального лидерства в Центральной Азии. Через продвижение принципов диалога, энергетической безопасности, транспортной связанности и устойчивого развития страна участвует в выработке правил регионального взаимодействия. Тем самым Казахстан укрепляет свою субъектность и способствует формированию новой архитектуры евразийской безопасности и сотрудничества.

В-девятых, в результате комплексного анализа доказано, что евразийский регионализм в казахстанской интерпретации представляет собой гибкую, многоуровневую и адаптивную модель интеграции, основанную на балансе интересов и стратегическом прагматизме. Казахстан закрепляется в качестве средней державы, выполняющей функции посредника, стабилизатора и транзитно-ресурсного узла Евразии. Это подтверждает гипотезу о переходе страны к модели ответственного регионального лидерства в условиях глобальной трансформации международной системы.

Таким образом, доказано, что многовекторность является не только политическим курсом, но и структурной основой евразийского регионализма Казахстана. Это означает способность к адаптации, балансированию и хеджированию. В период после 2022 г. Республика Казахстан использовала комплексную систему инструментов (институциональных, энергетических, дипломатических и цифровых) для укрепления собственной субъектности и продвижения евразийского регионализма, основанного на прагматизме, открытости региональной устойчивости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741
2. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
3. Казахстан - 2030 Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 г. // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_
4. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента страны народу Казахстана 2012 г. // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050
5. Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О международном финансовом центре "Астана"» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438
6. Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2022 года № 172-VII ЗРК «О контроле специфических товаров» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000172
7. Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2001 года № 172 «О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000172_
8. Указ Президента Республики Казахстан от 29 ноября 2011 года № 187 «О создании специальной экономической зоны "Хоргос - Восточные ворота"» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2016 г.) // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000187
9. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 23 мая 1996 года № 2995 «О концепции формирования государственной национальной идентичности Республики Казахстан» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960002995_
10. Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 октября 2008 года № 910 «О мерах по реализации концессионного проекта по строительству и эксплуатации новой железнодорожной линии "Коргас-Жетыген"» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000910_
11. Указ Президента Республики Казахстан от 17 июня 2025 года «О подписании Договора о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Китайской

Народной Республикой» // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500000915

12. Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part // Official Journal of the European Union. – Vol. 59. - 4 February 2016. - URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/enhanced_partnership_and_cooperation_agreement.pdf

13. Совместная Декларация между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о дальнейшем укреплении всестороннего сотрудничества в двадцать первом веке (г. Пекин, 23 ноября 1999 года) // ИС Параграф. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1028916

14. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, and the Republic of Kazakhstan // European Council. Council of the European Union. – 1995. - URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_94_425

15. Соглашение о Таможенном союзе (г. Москва, 20 января 1995 года) // ИС Параграф. - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30230117

16. О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 августа 2016 года № 518 // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518

17. Memorandum of Understanding between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a strategic partnership on sustainable raw materials, batteries and renewable hydrogen value chains // European Union. - 2022. - https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/eu-and-kazakhstan-take-next-step-their-cooperation-critical-raw-materials_en

18. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о транзите нефти. Соглашение 7 июня 2002 года г. Санкт-Петербург. Вступило в силу 7 июня 2002 года // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/O0200000006

19. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о некоторых вопросах сотрудничества при развитии и эксплуатации нефтепровода «Казахстан - Китай» (г. Астана, 8 декабря 2012 года) // ИС Параграф. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30412976

20. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. – 2025 жылғы 8 қыркүйек. - URL: https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevtyn-kazakstan-

halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-dauirindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifrlyk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957

21. Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на общих дебатах в рамках 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2023. - URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kk-tokaeva-na-obshchih-debatah-v-ramkah-77-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-208226

22. Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на общих дебатах 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 24 сентября 2025. - URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-na-obshchih-debatah-80-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-2481155

23. Президент Қасым-Жомарт Тоқаев ШЫҰ-ға мүше мемлекеттер басшылары кеңесінің отырысында сөз сөйледі // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2024 жылғы 04 шілде. - URL: https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaev-shyu-ga-mushe-memleketter-basshylary-kenesinin-otyrysynda-soz-soyledi-46610

24. Президент Түркі мемлекеттері ұйымының XII саммитінде сөз сөйледі // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2025 жылғы 07 қазан. - URL: https://akorda.kz/kz/prezident-turki-memleketteri-uyymynyn-hii-sammitinde-soz-soyledi-791141

25. Президент Қасым-Жомарт Тоқаев Астана халықаралық форумының пленарлық сессиясына қатысты // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2023 жылғы 08 маусым. - URL: https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaev-astana-halykaralyk-forumynyn-plenarlyk-sessiyasyna-katysty-853658

26. Мемлекет басшысы «Қазақстан және орта державалардың рөлі: қауіпсіздікті, тұрақтылық пен орнықты дамуды ілгерілету» атты тақырыпта дәріс оқыды // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2024 жылғы 24 мамыр. - URL: https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kazakstan-zhane-orta-derzhavalardyn-roli-kauipsizdikti-turaktylyk-pen-ornykty-damudy-ilgeriletu-atty-takyrypta-daris-okydy-2442630

27. Токаев К.К. Под стягом независимости: очерки дипломата. В. 2. – Алматы: ИД «Жибек жолы». – 2016. – 288 с.

28. Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан. Монография. – Астана, Елорда. – 2001. – 552 с.

29. Токаев К.К. Очерки дипломата. Книга первая. Преодоление. – Алматы: ИД «Жибек жолы». – 2016.

30. Токаев: Транскаспийский международный маршрут должен связать Восток с Западом // Freedom Broker. - 21 мая 2025. -URL: https://24.kz/ru/news/social/711268-tokaev-transkaspijskij-mezhdunarodnyj-marshrut-dolzhen-svyazat-vostok-s-zapadom

31. Токаев: Для Казахстана интеграция в ЕАЭС носит прежде всего экономический характер // Vecher.kz. - 25 мая 2023. -

URL: https://vecher.kz/ru/article/tokaev-dlia-kazahstana-integrasiia-v-eaes-nosit-prejde-vsego-ekonomicheskii-harakter.html

32. Токаев заявил, что Казахстан не признает ДНР и ЛНР // ИнтерФакс. – 17 июня 2022. - URL: https://www.interfax.ru/world/846857

33. Президент: Абсолютно уверен в том, что казахско-турецкая дружба в будущем будет только крепнуть! // Служба центральных коммуникаций при Президенте Республики Казахстан. – 11 мая 2022. - URL: https://ortcom.kz/ru/novosti/1652258617

34. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 29 марта 199 года. - URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-v-moskovskom-gosudarstvennom-universitete-imeni-mv-lomonosova

35. Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә.Назарбаевтың «Ядролық сынақтарға тыйым салудан – ядролық қарусыз әлемге» атты халықаралық конференцияда сөйлеген сөзі // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2012 жылғы 29 тамыз. - URL: https://www.akorda.kz/kz/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/kazakstan-respublikasynyn-prezidenti-nenazarbaevtyn-yadrolyk-synaktarga-tyiym-saludan-yadrolyk-karusyz-elemge-atty-halykaralyk-konferenciyad

36. Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә.Назарбаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. Қазақстан халқының әл-ауқатын арттыру - мемлекеттік саясаттың басты мақсаты // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты. - 2008 жылғы 16 ақпан. - URL: https://www.akorda.kz/kz/addresses/addresses_of_president/kazakstan-respublikasynyn-prezidenti-nenazarbaevtyn-kazakstan-halkyna-zholdauy-2008-zhylgy-16-akpan

37. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 5 октября 1992 года) // ИС Параграф. - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30006963

38. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Zakon.kz. - 26 октября 2011. - URL: https://www.zakon.kz/politika/4454991-evrazijjskijj-sojuz-ot-idei-k-istorii.html

39. Назарбаев Н. А. Эра независимости. – Астана, 2017. – 508 с. - URL: https://nazarbayev.kz/sites/default/files/pagefiles/2019-06/423d7253d66cad2c6f68758bcaf33782.pdf

40. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. - URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

41. A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. The State Council Information Office of the People's Republic of China // Ministry

of Foreign Affairs of the People's Republic of China. - September 2023. - URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11332291.html

42. Xi Jinping Attends the Second China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 17 June 2025. - URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/xjpcxdejzgzyfh/202506/t20250619_11653305.html

43. U.S. Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // An official website of the United States Government. - URL: https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity

44. The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership // Council of The European Union. – Brussels. – 31 May 2007. - URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf

45. Joint Communication to The European Parliament and The Council. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership // European Commission. - Brussels, 15 May 2019. - URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

46. Türkiye´s Relations With Central Asian Republics // URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa

47. Алма-Атинская декларация. Содружество Независимых Государств. Декларация от 2 декабря 1991 года // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H910000003_

48. Устав Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. - URL: https://eccis.org/document/187

49. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.06.2024 г.) // ИС Параграф. - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31565247&pos=8;124

50. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 21 О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза (г. Санкт-Петербург) // ИС Параграф. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38994873

51. Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 года № 17 О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза (г. Минск) // ИС Параграф. - URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=30529480

52. О сопряжении планов развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. - URL: https://mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767074/

53. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Организация Договора о коллективной безопасности. - URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded

54. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года // Организация Договора о коллективной безопасности. - URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded

55. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 // Шанхайская организация сотрудничества. - URL: https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html

56. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 года // Шанхайская организация сотрудничества. - URL: https://rus.sectsco.org/20020607/1608561.html

57. Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. – 4 июля 2024. - URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html

58. Алматинский акт – учредительный документ Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА // Алматы, 4 июня 2002. - URL: https://www.s-cica.org/docs/2800773636284d2158eb4e.pdf

59. Что такое СВМДА // Официальный сайт Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. - URL: https://www.s-cica.org/ru/index.php?t=about&view=page

60. Nakhchivan Agreement on the Establishment of The Cooperation Council of Turkic Speaking States. 3 October 2009 // URL: https://www.turkicstates.org/u/d/basic-documents/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf

61. Turkic World Vision – 2040 // Official website of Organization of Turkic States. - URL: https://turkicstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf

62. C5+1 // U.S. Embassy and Consulate in Kazakhstan. - URL: https://kz.usembassy.gov/c51/

63. Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan // Office of the Spokesperson. Washington, DC. - November 1, 2015. - URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm

64. Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия - Китай» // Синьхуа Новости. – 18 июня 2025. - URL: https://russian.news.cn/20250618/e9057e91c41a4c2f99c4c4b17a7a2b79/c.html

65. Tokyo Declaration of the Summit of the "Central Asia plus Japan" Dialogue // Министерство иностранных дел Японии. – 20 декабря 2025. - URL: https://www.mofa.go.jp/files/100954362.pdf

66. Vision and actions on jointly building Belt and Road April 10, 2017 (Xinhua). Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-century Maritime Silk Road. March 2015 // URL: http://2017.beltandroadforum.org/english/n100/2017/0410/c22-45.html

67. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. October 2023 // URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773734.html

68. The ASEAN Declaration. Bangkok Declaration. 8 August 1967 // ASEAN Main Portal. - URL: https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf

69. The ASEAN Charter // ASEAN Secretariat, 2008. - URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf

70. Agreement Establishing The African Continental Free Trade Area // Official website of the African Union. – 21 March 2018. - URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-treaty-consolidated_text_on_cfta_-_en.pdf

71. Constitutive Act of The African Union. 2000 // Official website of the African Union. – URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf

72. Первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии // O'zbekiston Milliy axborot agentligi. – 15 марта 2018. - URL: https://uza.uz/ru/posts/pervaya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-15-03-2018

В Ташкенте состоится вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 22 ноября 2019. - URL: https://president.uz/ru/lists/view/3093

В Туркменистане прошла Консультативная встреча Глав государств Центральной Азии // Министерство иностранных дел Туркменистана. - 6 августа 2021. - URL: https://www.mfa.gov.tm/ru/news/2732

Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. г. Чолпон-Ата, 21 июля 2022 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев принял участие в V Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. 14 сентября 2023 года. г. Душанбе, Таджикстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-v-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-1484611

Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 9 августа 2024

года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: https://www.akorda.kz/ru/pod-predsedatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327

Президент Казахстана принял участие в VII Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. 16 ноября 2025 года. г. Ташкент, Узбекистан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-prinyal-uchastie-v-vii-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-16101037

73. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развтия» // Евразийская экономическая комиссия. – 2025. - https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf

74. Национальный банк РК. Иностранные инвестиции в экономику Казахстана. 2023.

75. World Bank (WDI), accessed via WITS (World Integrated Trade Solutions). Goods exports, Kazakhstan, 2000 and 2014. (Country Profile WITS – 2000/2014); Kazakhstan Trade Summary. 2000 // URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/KAZ/Year/2000/Summarytext; Kazakhstan Trade Summary. 2014 // URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/KAZ/Year/2014/Summarytext

76. EU Trade Relations with The United States // Central Bank of Malta. - Quarterly Review. 2025. - №4. – P. 81-88. - URL: https://www.centralbankmalta.org/site/Reports-Articles/2025/QR-2025-4-Article.pdf?revcount=7569

77. Внешняя торговля России со странами ЕАЭС. 2022 // Министерство экономического развития РФ.

78. Euratom Supply Agency Annual Report 2024 // Euratom Supply Agency, 2025. - URL: https://euratom-supply.ec.europa.eu/document/download/4991f977-5fa7-415e-8b7f-04714f01c533_en?filename=ESA%20Annual%20Report%202024%20-%20Final%20draft%20for%20website.pdf

79. Kazakhstan Energy Profile // International Energy Agency. – June 2021. - URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a398cfb3-4f0b-4b8f-b82e-47b8d7b93d52/KazakhstanEnergyProfile.pdf

80. EAEU – Eurasian Economic Union // countryeconomy.com. - URL: https://countryeconomy.com/countries/groups/eurasian-economic-union

81. The World Bank. East-West Roads Project (Almaty-Korgos Section): Western Europe - Western China International Transit Corridor (CAREC - 1b) (P128050) // The World Bank. - Report № RES57682. – 2012. - URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099091123134530093/pdf/P1280500ad363801b0ba8f0f56e3772bfac.pdf

82. World Bank Approves New Project to Enhance Middle Corridor Development and Transport Connectivity in Kazakhstan // World Bank Group. – 15 November 2024. - URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/11/15/transport-resilience-and-connectivity-enhancement-project-in-kazakhstan

83. Анализ развития и перспективы взаимовыгодных отношений между Казахстаном и Китаем на уровне отдельных инвестиционных проектов // Halyk research. – Алматы. – Декабрь, 2024. - URL: https://halykfinance.kz/download/files/analytics/cn201224.pdf

84. Migration and Migrants: Regional Dimensions and Developments // UN Migration. – World Migration Report.

85. Regional Analysis Brief: Caspian Sea // The U.S. Energy Information Administration (EIA). – 6 February 2025. - URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/Caspian_Sea/pdf/Caspian%20Sea%20Regional%20Analysis%20Brief%202025.pdf

86. Middle Trade and Transport Corridor. Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030 // World Bank Group. – November 2023. – 70 p. - URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7e6a216e-eb56-4783-ba1b-b7621abddcd9/content

87. Сафарян А. Десятилетие ЕАЭС и экономика Армении: Основные достижения и вызовы первого полугодия 2024 года // Национальный исследовательский институт развития коммуникаций. - URL: https://nicrus.ru/analytics/yeaes-i-ekonomika-armenii/

88. World Bank. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors // Washington, DC: World Bank. - 2019. – 159 p. - URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/715511560787699851/pdf/Main-Report.pdf

89. Kazakhstan-EU Strategic Partnership on Raw Materials // International Energy Agency. - 15 October 2025. - URL: https://www.iea.org/policies/17664-kazakhstan-eu-strategic-partnership-on-raw-materials

90. Relations with Kazakhstan // Official NATO website. - 09 December 2025. - URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-kazakhstan

91. Global Gateway // European Commission. - URL: https://commission.europa.eu/topics/international-partnerships/global-gateway_en

92. Turkic States sign eTIR implementation road map to enhance border crossings, trade and transport efficiency // UNECE. - 23 January 2025. - URL: https://unece.org/digitalization/news/turkic-states-sign-etir-implementation-road-map-enhance-border-crossings-trade

93. Legal framework for “E-Permit” project among Turkic States established during the Shusha Summit // Official website of the Organization of Turkic States. – 08 July 2024. - URL: https://www.turkicstates.org/en/news/legal-framework-for-e-permit-project-among-turkic-states-established-during-the-shusha-summit

94. Smart Waters Project // USAID. CAREC. – 2016. - URL: https://carececo.org/upload/English%20bulletin%20SW%20project.pdf

95. Европейский Союз и Казахстан. Отношения с ЕС // Представительство Европейского Союза в Республике Казахстан. - URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/evropeyskiy-soyuz-i-kazakhstan_ru?s=222

96. Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations. Digital Library. - URL: https://digitallibrary.un.org/record/3994481?ln=en&v=pdf

97. UN General Assembly Resolutions Tables // United Nations. - URL: https://research.un.org/en/docs/ga/quick/emergency

98. Border Management in Central Asia - Phase 9 (BOMCA 9) // The Diplomatic Service of the European Union. – 26 June 2018. - URL: https://www.eeas.europa.eu/node/47352_en; EU-funded Central Asia Drug Action Programme - CADAP 6 // The Diplomatic Service of the European Union. – 20 February 2019. - URL: https://www.eeas.europa.eu/node/58421_en; EU support to the Europe-Caucasus-Asia Transport Corridor // European Commission. - 28 February 2012. - URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_12_141; Erasmus Mundus action // European Commission. - URL: https://erasmus-plus.ec.europa.eu/programme-guide/part-b/key-action-2/erasmus-mundus

99. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014. 68/262. Territorial integrity of Ukraine // United Nations. General Assembly. - 1 April 2014. - URL: https://docs.un.org/en/A/RES/68/262

100. C5+1 // U.S. Embassy and Consulate in Kazakhstan.

101. EU Projects with Kazakhstan // Delegation of the European Union to the Republic of Kazakhstan. - 19 October 2023. - URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/eu-projects-kazakhstan_en

102. Участие совместно с президентами Туркменистана и Ирана в церемонии открытия международной железнодорожной магистрали «Узень-Берекет-Горган» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - 3 декабря 2014 года. - URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/uchastie-sovmestno-s-prezidentami-turkmenistana-i-irana-v-ceremonii-otkrytiya-mezhdunarodnoi-zheleznodorozhnoi-magistrali-uzen-bereket-gorga

103. До 35 млн тонн вырастут транзитные перевозки грузов через нашу страну к 2029 году // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. - 21 ноября 2023. - URL: https://primeminister.kz/ru/news/do-35-mln-tonn-vyrastut-tranzitnye-perevozki-gruzov-cherez-nashu-stranu-k-2029-godu-26333

104. Совместное заявление о создании Центральноазиатского инвестиционного партнёрства // Посольство и консульство США в Казахстане. – 7 января 2021. - URL: https://kz.usembassy.gov/joint-statement-on-the-announcement-of-the-central-asia-investment-partnership/

105. Манифест. «Мир. XXI век» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 31 марта 2016. - URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_other_events/manifest-mir-xxi-vek

106. О съезде лидеров мировых и традиционных религий: история, хроника // Портал Правительства Республики Казахстан. - 24 марта 2024. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-mexico/press/article/details/163527

107. В Астане состоялось заседание Делового совета «Центральная Азия - Китай» // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. - 17 июня 2025. - https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/1019235?lang=ru

108. Казахстан начал строить новую железную дорогу в Китай: грузооборот увеличится ещё на 20 млн. тонн // Акимат области Абай. - 21 декабря 2023. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/abay/press/news/details/674768?lang=ru

109. В Карагандинской области запускают новые производства и строят малые промышленные зоны // Акимат Карагандинской области. - 20 декабря 2025. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/karaganda/press/news/details/1129376?lang=ru

110. О начале реализации проекта «Строительство ВЛ 500 кВ транзита Север-Восток-Юг» // Samruk Kazyna. - 02 июля 2014. - URL: https://sk.kz/press-center/news/57400/?lang=ru

111. В Казахстане планируют достроить к 2035-2036 году первую АЭС при участии Росатома // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. - 16 июня 2025. - URL: https://nangs.org/news/renewables/nuclear/v-kazakhstane-planiruyut-dostroit-k-2035-2036-godu-pervuyu-aes-pri-uchastii-rosatoma

112. Kazakhstan: Working for peace, cooperation, and development // Национальный фонд содействия процветанию. - 08 января 2025. - URL: https://nepfund.org/tpost/2mh3cfe561-kazakhstan-working-for-peace-cooperation

113. Вторая встреча Региональной Рабочей группы по обсуждению взаимовыгодного механизма водно-энергетического сотрудничества // Официальный сайт инициативы «Зелёная Центральная Азия». – 18 декабря 2023. - URL: https://greencentralasia.org/en/2023/12/the-second-regional-working-group-meeting-to-discuss-a-mutually-beneficial-water-energy-mechanism/

114. О решении Приморского районного суда г. Новороссийска // Каспийский трубопроводный консорциум. – Пресс-релиз от 6 июля 2022. - URL: https://www.cpc.ru/ru/press/releases/2022/pages/20220706.aspx

115. European and International Financial Institutions to Invest $10 Billion in the Middle Corridor // Caspian Policy Center. – 02 January 2024. - URL: https://caspianpolicy.org/research/economy/european-and-international-financial-institutions-to-invest-10-billion-in-the-middle-corridor

116. Электроэнергетика // Министерство энергетики Республики Казахстан. - URL:

https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/215?lang=ru; Сайт АО «Севказэнерго» // URL: https://www.sevkazenergo.kz/ru/home.html; Сайт ТОО «Караганда Энергоцентр» // URL: https://www.kec.kz/#&panel1-1; Сайт АО «Мойнакская ГЭС им. У.Д. Кантаева» // URL: https://moynak.kz/ru/ ; Сайт АО «Алматинские электрические станции» // URL: https://www.ales.kz/home/about/; Сайт АО «Шарадаринская гидроэлектростанция» // URL: https://sharges.kz/

117. Tengizchevroil Fact Sheet 3Q 2024 // URL: https://tengizchevroil.com/docs/default-source/default-document-library/facts-and-figures/2024/tco-fact-sheet-3q-2024_e_final.pdf?sfvrsn=edeecc5c_2

118. Официальный сайт компании Tengizchevroil // URL: https://www.tengizchevroil.com/; Chevron Kazakhstan. Our work in Kazakhstan // URL: https://www.chevron.com/worldwide/kazakhstan; About ExxonMobil in Kazakhstan // URL: https://corporate.exxonmobil.com/locations/kazakhstan; Национальная компания «КазМунайГаз» // URL: https://www.kmg.kz/ru/

119. Export-Import Bank of the U.S. Approves Transportation and Energy Sector Transactions. Board Actions Support More Than 2,600 U.S. Jobs // URL: https://www.exim.gov/news/export-import-bank-approves-transportation-and-energy-sector-transactions

120. “Turkic investment fund” At A Glance // official website of the “Turkic investment fund”. - URL: https://turkicfund.org/about-us/

121. CAREC TOURISM STRATEGY 2030 // Asian Development Bank. Central Asia Regional Economic Cooperation Program. - December 2020. - URL: https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-Tourism-Strategy-2030-MC.pdf

122. EBRD helps Kazakhstan add 100 MW of renewable energy capacity // European Bank for Reconstruction and Development. - 01 September 2023. - URL: https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2023/ebrd-helps-kazakhstan-add-100-mw-of-renewable-energy-capacity.html

123. EBRD sets an investment record in Central Asia // European Bank for Reconstruction and Development. - 16 January 2025. - URL: https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2025/EBRD-sets-an-investment-record-in-Central-Asia.html; The EBRD has been investing in Kazakhstan since 1992 // European Bank for Reconstruction and Development. - 30 November 2025. - URL: https://www.ebrd.com/home/what-we-do/where-we-invest/kazakhstan.html

124. Токаев предложил соединить в один туристический маршрут Туркестан, Самарканд и Бухару // Власть. – 15 апреля 2019. - URL: https://vlast.kz/novosti/32719-tokaev-predlozil-soedinit-v-odin-turisticeskij-marsrut-turkestan-samarkand-i-buharu.html

125. Казахстан экспортировал 64,8 млн. тонн нефти через трубопровод КТК в 2025 году // Sputnik Казахстан. - 27 февраля 2026. - URL: https://ru.sputnik.kz/20260227/kazakhstan-eksportiroval-648-mln-tonn-nefti-cherez-truboprovod-ktk-v-2025-godu-61490626.html

126. 32 projects with creation of up to 2,000 jobs completed in Khorgos SEZ // Qazinform News Agency. - 12 December 2025. - URL:

https://qazinform.com/news/32-projects-with-creation-of-up-to-2000-jobs-completed-in-khorgos-sez-60d4dd

127. Планы объёмов перевозок на 2025 год предварительно согласовали Казахстан и Китай // SK news. - 31 января 2025. - URL: https://sknews.kz/news/view/plany-obyemov-perevozok-na-2025-god-predvaritelyno-soglasovali-kazahstan-i-kitay

128. President Says Kazakhstan 'Respects' Ukraine's Territorial Integrity // Radio Free Europe. Radio Liberty. - 06 April 2022. - URL: https://www.rferl.org/a/kazakhstan-toqaev-respect-ukraine-integrity/31789173.html

129. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня (Газета «Известия», 3 октября 2011 г.) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya

130. Внешнеторговый оборот Армении за 2024 год превысил $30 млрд., рост замедляется уже полгода // ARKA news agency. - 05.02.2025.

131. Россия списала Кыргызстану 240 миллионов долларов долга // Tengri News. – 03 мая 2017. - URL: https://tengrinews.kz/sng/rossiia-spisala-kyrgyzstanu-240-millionov-dollarov-dolga-317328/

132. Sakenova S. Cargo Transportation Through Middle Corridor Soars 147% in January // Astana Times. - 27 February 2024. - URL: https://astanatimes.com/2024/02/cargo-transportation-through-middle-corridor-soars-147-in-january/

133. Congestion at Chinese borders leads to a temporary halt in exports // Rail Freight. – 16 March 2023. - URL: https://www.railfreight.com/corridors/2023/03/16/congestion-at-chinese-border-crossings-leads-to-a-temporary-halt-in-exports/

134. За 15 лет в транспортную сферу Казахстана вложено порядка 35 млрд долларов // Zakon.kz. - 11 июля 2022. - URL: https://www.zakon.kz/press-relizy/6019263-za-15-let-v-transportnuiu-sferu-kazakhstana-vlozheno-poriadka-35-mlrd-dollarov.html

135. Объединяющую тюркоязычные страны СЭЗ «TURANSEZ» создают в Туркестанской области // ИС Параграф. - 12 ноября 2021. - URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=38793909

136. Лишить Жириновского права въезда в Казахстан предложили политологи // Tengri News. – 24 февраля 2014. - URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/lishit-jirinovskogo-prava-vyezda-kazahstan-predlojili-250962/

137. Modernisation of Baku-Tbilisi-Kars railway // Coordinating Council of the Republic of Azerbaijan on Transit Freight. - 20 May 2024. - URL: https://transit.gov.az/en/media-en/news/modernisation-of-btk-railway-en

138. Мажилис ратифицировал соглашение с Катаром о привлечении 20 млрд. долларов инвестиций // Zakon.kz. - 11 сентября 2024. - URL: https://www.zakon.kz/pravo/6448179-mazhilis-ratifitsiroval-soglashenie-s-kataром-o-privlechenii-20-mlrd-dollarov-investitsiy.html

139. В Спасске прошли антитеррористические учения «Сары-Арка – Антитеррор – 2019» // Karaganda.kz. - 27 июня 2019. - URL: https://ekaraganda.kz/?mod=news_read&id=86431; О совместных военных учениях ШОС «Мирная миссия - 2021» // Шанхайская организация сотрудничества. – 29 сентября 2021. - URL: https://rus.sectsco.org/20210929/782852.html; ОДКБ и Таджикистан: Союз перед лицом новых угроз и вызовов // Диалог: Таджикистан и мир. – 18 мая 2024. - URL: https://dialog.tj/odkb-i-tadzhikistanto-soyuz-pered-litsom-novyh-ugroz-i-vyzovov/

140. Впервые в истории современного Бакинского порта годовой объём перевалки грузов достиг 7,6 миллиона тонн // Port of Baku. – 17 января 2025. - URL: https://portofbaku.com/ru/news/2442/muasir-baki-limani-tarixinde-ilk-defe-olaraq-illik-yukasirma-hecmi-76-milyon-tona-catib

141. Joint Statement by Iran, Russia, Turkey on the International Meeting on Syria in Astana, January 23-24, 2017 // AlJazeera. - URL: https://www.aljazeera.com/news/2017/1/24/astana-joint-statement-by-iran-russia-turkey-in-full; Об итогах пятой Международной встречи по Сирии в рамках Астанинского процесса // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. - 06 июля 2017. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/20369?lang=ru

142. Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2021. - URL: https://efsd.org/upload/iblock/af7/A.-Libman_-E.-Vinokurov_One-Eurasia-or-Many.pdf

143. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism // University of Pittsburgh Press. - 2015. – 288 p. - https://doi.org/10.2307/j.ctt15nmjch

144. Ермишина К.Б. Евразийство в зеркале исследовательских подходов, или поиски конкретного понимания идейного комплекса движения // Отечественная философия2023. Т. 1. No 1. С. 28–42. - DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-1-28-42

145. Шангараев Р., Ногмова А., Ивочкина А. Соперничество региональных и внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства // Международные отношения, глобальные и региональные исследования. – 2024. – Т. 14, № 2. - DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-75-82

146. Скуратов Ю. Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2021. - №1. - https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-28-45

147. Вардомский Л. Евразийская интеграция и большое евразийское партнёрство // Россия и новые государства Евразии. – 2019. - № 3. – С. 9-26.

148. Lagutina M. A Concept of Eurasia: From Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // In book: Regional Integration and Future Cooperation

Initiatives in the Eurasian Economic Union. - January 2020. - P.1-15. - DOI:10.4018/978-1-7998-1950-9.ch001

149. Базавлук С., Курылёв К., Савин Л. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 30-42. - DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42

150. Fawsett L., Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order // Oxford University Press. 1955. – 342 p.

151. Söderbaum F., Hettne B. The New Regionalism Approach // Politeia. - 1998. – P. 6-21.

152. Barbieri G. Regionalism, globalism and complexity: a stimulus towards global IR? // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2019. - Vol. 4, № 6. - https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1685406

153. Hameiri Sh. Theorising regions through changes in statehood: rethinking the theory and method of comparative regionalism // Review of International Studies. - Vol. 39, № 2. – 2013. – P. 313-335. - DOI: https://doi.org/10.1017/S026021051100074X

154. Gavin B., Ph. De Lombaerde. Economic Theories of Regional Integration // In book: Global Politics of Regionalism. – 2005. - P. 69-83. - DOI:10.2307/j.ctt18fs9dj.9

155. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers The Structure of International Security // Cambridge University Press. - URL: https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2018/11/Buzan-Waever-2003-Regions-and-Powers-The-Structure-of-International-Security.pdf

156. Lake D. A. Regional hierarchy: authority and local international order // Review of International Studies. - Vol. 35, Special Issue S1. – 2009. – P. 35-58. - DOI: https://doi.org/10.1017/S0260210509008420

157. Katzenstein P. J. Small States in World Markets. Industrial Policy in Europe // A book in the series Cornell Studies in Political Economy. – 1985.

158. Molchanov M. Eurasian Regionalism: Ideas and Practices // In book: Power, Politics and Confrontation in Eurasia: Foreign Policy in a Contested Region. - P.135-160. – 2015. - DOI:10.1007/978-1-137-52367-9_7

159. Molchanov M. New regionalism and Eurasia // Published in Shiping Hua, ed., Routledge Handbook of Politics in Asia. London and New York: Routledge. – 2018. - P. 506-521.

160. Guo Cheng, Lu Chen, Degterev D., Jielin Zhao. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN International Relations. – 19 (1). – P. 77-88. - DOI:10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

161. Erşen E. Turkey and the Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism? // Vestnik RUDN International Relations. – April 2022. - 22(1). – P. 111-125. - DOI:10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125

162. Tolipov F. Central Asia's Integration Takes One Step Forward, One Step Back // Central Asia – Caucasus Analyst. - 26 January 2021.

163. Rakhimov M. Economic relations between the countries of Central Asia and the European Union // In Central Asia and the European Union: In search of sustainability. – 2024. – P. 86-102.

164. Rakhimov M. Complex regionalism in Central Asia: Local, regional and global factors // Cambridge Journal of Eurasian Studies. – 2018. - DOI:10.22261/CJES.J6Y3O7

165. Dadabaev T. Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States // Journal of Contemporary China. – 2013. – P. 102-118. - URL: https://doi.org/10.1080/10670564.2013.809982

166. Nicharapova J. An Analysis of the Participation of the Kyrgyz Republic in the Eurasian Economic Union Since 2015 // Eurázsia Szemle. – 2024. – Vol. IV, № 2. - URL: https://eurazsiaszemle.com/wp-content/uploads/2025/05/Eurazsia_Szemle_IV_2.pdf

167. Olimova S., Olimov M. Post-Soviet Borders; A Kaleidoscope of Shifting Lives and Lands paper // In book: Post- Soviet Borders. A Kaleidoscope of Shifting Lives and Lands. – 2022. – 232 p. - DOI:10.4324/9781003169376-16.

168. Лаумулин М.Т. Казахстан в современном мире: внешняя политика многовекторности // Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. – 2014. – С. 271.

169. Baizakova K., Kukeyeva F. The evolution of The Conceptual Foundations of the Multi-Vector Foreign Policy of Kazakhstan. – 2018. -

170. Кукеева Ф., Байзакова К., Усен М., Усерова К. Влияние новых геополитических условий на многовекторную внешнюю политику Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2023. – Т. 109, № 1. – С. 94-109. - DOI10.31489/2023HPh1/94-109

171. Usserova K., Kukeyeva F., Baizakova K., Ussen M. Prospects for regional development of Central Asia: economic and political aspects // Asian Journal of Political Science. – 2025. – Vol. 33, № 3. – P. 634-653. - https://doi.org/10.1080/02185377.2025.2494778

172. Usserova K.K., Yesenova A.B., Kukeyeva F.T., Baizakova K.I. Kazakhstan and The United States: Strategic Partnership in a New Geopolitics // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – Т. 55, № 1. - https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.55.1.006

173. Ka Wai Christopher Hor, Kukeeva F., Usserova K. “Green Kazakhstan”: its Relevance to the Domestic and International Climiate Ambitions of the Republic of Kazakhstan // International Relations and International Law Journal. – 2022. – Vol. 97, № 1. – P. 4–13. - https://doi.org/10.26577/IRILJ.2022.v97.i1.01

174. Usserova K., Kydyrbek F., Kukeyeva F. Kazakhstan in Eurasian Regionalism: Problem Statement // International Relations and International Law Journal. - Vol. 106, № 2. – P. 40–50. - https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v106.i2-04

175. Kydyrbek F., Kukeyeva F., Usserova K., Isova L. Participation of Central Asian countries in China's Belt and Road Initiative: the leading role of the

Republic of Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science Regional Studies Oriental Studies Turkology Series. – 2024. - Vol. 146, № 1. – P. 141-163. - DOI:10.32523/2616-6887/2024-146-1-141-163

176. Ауган М.А., Буркутбаева С.Р. Роль и значимость Центральной Азии во внешней политике Китая // Вестник науки и образования. – 2017. - №5 (29). – Т. 2. – С. 116-119.

177. Yerimpasheva A.T., Myrzakhmetova A.M., Alshimbayeva D.U. Conjugation of the Eurasian economic union and the Belt Road initiative: the role and place of Kazakhstan // R-Economy. Ural Federal University. Graduate School of Economics and Management. - 2022. - Vol. 8, № 2. – P. 172-186.

178. Медуханова Л.А., Сериева Ж.А. Влияние Китая на экономическое сотрудничество Казахстана со странами Центральной Азии // Economy strategy and practice. – 2020. - Vol. 15, № 4. – P. 101-110.

179. Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнёрству. Монография. – В трёх книгах. Книга 3. Сборник документов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. – 2010. – 524 с.

180. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. - Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. – 2010. – 1998. – 280 с.

181. Makasheva K., Patnaik K., Mukhtarova K., Konuspayev Ye. Some aspects of the EAEU digital trade in the foreign policy of the Republic of Kazakhstan // Вестник Карагандинского университета. – Серия: История. Философия. – 2022. – Т. 105, № 1. - DOI 10.31489/2022HPh1/124-135

182. Delovarova L., Sultanmuratov N., Yermekbayev A. Some Theoretical and Practical Aspects of Regional Integration in Central Asia. Assessing the Potential for Economic Cooperation // Journal of Central Asian Studies. – 2023. - Vol. 89, № 1. – P. 32-41. - https://doi.org/10.52536/2788-5909.2023-1.03

183. Yermekbayev A. Connectivity of Chinese BRI Railwaysin Central Asia and its Future // Central Asia's Affairs. – 2021. - Vol. 84, № 4. – P. 37-47. - https://doi.org/10.52536/2788-5909.2021-4.04

184. Movkebayeva G. Energy Security and Sustainability in Eurasian Economic Union in the Terms of Economic Growth: The Case of Kazakhstan’s Energy Sector up to 2040 Perspectives // International Journal of Energy Economics and Policy. - Vol.10, № 2. – P. 497–503.

185. Чеботарёв А., Губайдуллина М. Европейский Союз и страны Центральной Азии: возможности и перспективы сотрудничества в свете новой стратегии. Монография. – Алматы. - 2021. – 300 с.

186. Утегенова А. Теоретические подходы к анализу статуса Казахстана как «средней державы» // Казахстан-Спектр. – 2023. – Т. 105, № 1. - https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.02

187. Нышанбаев Н. Диссертация. Қазіргі заманғы халықаралық қатынастар жүйесіндегі мемлекет сыртқы саясатындағы көпвекторлы саясат принципі: Қазақстан Республикасы мысалында. – Алматы, 2025. – 174 б.

188. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. – Duke University Press. - 2004. - https://doi.org/10.2307/j.ctv11smzx1

189. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. – 2012. - Boston: Longman.

190. Cardoso F., Faletto E. Dependency and Development in Latin America// 1979. – University of California Press. - 227 p.; Cardoso F. The Consumption of Dependency Theory in the United States // Latin American Research Review. – 1977. – Vol. 12, № 3. – P. 7-24. - DOI: https://doi.org/10.1017/S0023879100030430; Santos T. The Structure of Dependence // The American Economic Review. – 1970. - Vol. 60, № 2. – P. 231-236.

191. Postow W. Politics and the stages of growth. – 1971. – Cambridge University Press. - https://doi.org/10.1017/CBO9780511562778

192. Haas E. The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950-1957. – 641 p. - URL: https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf

193. Iroulo L., Lenz T. Chapter 3: Global theories of regionalism // in Handbook on Global Governance and Regionalism. - 18 November 2022. - P. 36 – 51. - DOI: https://doi.org/10.4337/9781800377561.00012

194. Muntschick J. Theoretical Approach: The Situation-Structural Model as an Analytical Tool to Explain Regionalism // In book: The Southern African Development (SADC) and the European Union (EU). - 2018. - P. 25-82. - DOI:10.1007/978-3-319-45330-9_2

195. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x

196. Vanderhill R., Joireman S., Tulepbayeva R. Between the bear and the dragon: multivectorism in Kazakhstan as a model strategy for secondary powers //

International Affairs. – Vol. 96, № 4. - July 2020. – P. 975–993. - https://doi.org/10.1093/ia/iiaa061

197. Schweller R. The Balance of Power in World Politics Get access // In book: Oxford Research Encyclopedias, Politics. - Oxford University Press. - 2016. - https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.119

198. Cheng-Chwee Kuik. Getting hedging right: a small-state perspective // China International Strategy Review 3. - November 2021. - DOI:10.1007/s42533-021-00089-5

199. Goh E. Southeast Asian Strategies toward the Great Powers: Still Hedging after All These Years? // The Asan Forum. - 2016. - https://doi.org/southeast-asian-strategies-toward-the-great-powers-still-hedging-after-all-these-years/

200. Waltz K. Theory of International Politics. – 1979. – University of California. – 251 p.
201. Beck U. Risk Society, Towards a New Modernity – SAGE publication. - 1992. – 264 p.
202. Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – Macmillan. -1984 – 234 p.
203. Jordaan E. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers // Politikon. South African Journal of Political Studies. – 2003. – Vol. 30, № 1. - P. 165-181. - https://doi.org/10.1080/0258934032000147282
204. Cooper A., Higgot R., Nossal K. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. – UBC Press. – 1993. – 232 p.
205. Дугин А. Основы геополитики: геополитическое будущее России. – Москва. – 1997. – 608 с.
206. Гумилёв Л. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. - Москва: АСТ, 2004. – 606 с.
207. Freeman Ch. The Challenge of Asia. Remarks to the Camden Conference. – 17 February 2011. - Camden, Maine.
208. Nag R., Linn J., Kohli H. Central Asia 2050: Unleashing the Region's Potential // In books: Emerging Markets Forum 2016. - URL: https://econpapers.repec.org/bookchap/emfbooksf/centasia2050.htm
209. Reflections on European Politics // The Federalist political revue. – 2022. - Single Issue. – P. 122.
210. Amato G. Europe by Degrees // Project Syndicate. - 2 May 2008. - URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/europe-by-degrees
211. Оллкот М. Казахстан: непройденный путь. – Московский центр Карнеги. - 2003. – 354 с.
212. Walt S. The Origins of Alliances. - Cornell University Press. Ithaca and London. - URL: https://web.stanford.edu/class/ips198/docs/Walt.pdf
213. Roeder Ph. The Ties that Bind: Aid, Trade, and Political Compliance in Soviet-Third World Relations // International Studies Quarterly. – June 1985. - Vol. 29, № 2. – P. 191–216. - https://doi.org/10.2307/2600506; Clapham C. Third World Politics: An Introduction // Journal of Latin American Studies. – Vol. 17, № 2. - P. 191. - doi:10.1017/S0022216X00008245
214. Wendt A. Social Theory of International Politics. - Cambridge University Press. – 2012. - https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183
215. Adler, E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics // European Journal of International Relations. – 1997. – 3(3). - P. 319-363. - https://doi.org/10.1177/1354066197003003003
216. Laruelle M. Kazakhstan's Dilemma on Eurasian and Central Asian Integrations // In book: Central Asia in the Era of Sovereignty. The Return of Tamerlane? - January 2018. - P.395-414. - DOI:10.5040/9781666987904.ch-016